

С.Б. ДРОЗДОВ

**ПРАВДИВЫЕ
БАЙКИ ВОИНОВ
ПВО**

Сергей Дроздов

Правдивые байки воинов ПВО

«Издательские решения»

2015

Дроздов С.

Правдивые байки воинов ПВО / С. Дроздов — «Издательские решения», 2015

«Правдивые байки воинов ПВО» написаны в первую очередь для мужчин, служивших в армии, знающих армейские порядки и любящих нашу армию, несмотря на всё, что в ней происходит. Для тех, кто ценит и понимает армейский юмор и шутки и умеет посмеяться над самим собой в нелепых ситуациях. В этой книжке собраны различные забавные истории, случившиеся во время учебы в военном училище и в последующей армейской службе в войсках ПВО страны. Автор более 20 лет прослужил в Вооруженных Силах, полковник запаса.

© Дроздов С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Небольшое предисловие	6
Часть первая	9
Полковник Васильев	9
Гиббон	13
Жора	18
Хиль	24
Комдивка	32
Изюминка	37
Аргуша	42
Вайнер и особенности национального вопроса	49
Мусиков	53
Шура	62
Грабар	68
Делегат	72
«Жизнь есть жизнь!»	76
Извилины стираются	90
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Правдивые байки воинов ПВО

Сергей Дроздов

© Сергей Дроздов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Небольшое предисловие

Надо сказать несколько слов, в качестве предисловия, для читателей этой книжки. Это – не мемуары и не рассказ о «суровых курсантских буднях» и нелёгкой судьбе офицеров.

Здесь собраны различные забавные истории и хохмочки, случившиеся в стенах нашего родного училища, и в последующей армейской жизни, и на «гражданке».

Завершает книгу глава с кратким рассказом о службе моего отца, прослужившего солдатом с 1943 по 1950 год, как выпало всему его поколению. Светлая им память...

В книге нет главных героев, нет положительных и отрицательных персонажей. Просто собраны отдельные новеллы и байки, главными героями которых в основном были курсанты и офицеры нашего «гореловского» высшего военно-политического училища ПВО, и другие офицеры нашей армии в разные годы.

Истории эти не выдуманы, они происходили в действительности. Это, конечно, не предполагает документальной точности и абсолютной достоверности ВСЕХ эпизодов. Тогда бы это были уже не «байки», а хроники нашей жизни. Все фамилии персонажей изменены, а клички и «партийные псевдонимы» оставлены реальными. Не все псевдонимы действующих лиц были красивы и благозвучны, но так уж устроено в жизни. Клички редко бывают «величальной» направленности, чаще они – шутливо ироничны, или саркастичны. Поскольку эти случаи носили довольно весёлый характер, персонажи смотрятся порой комично. Кто-то может узнать своих знакомых.

Тут не должно быть обид. Как учил Ходжа Насреддин, когда ты попадаешь в смешную ситуацию, лучше всего начать смеяться первым.

Люди, попадающие в нелепую ситуацию, не всегда хорошо выглядят...

Надо подчеркнуть вот что: *абсолютное большинство наших командиров были замечательными людьми и специалистами своего дела. Воров, жуликов, подлецов, негодяев и хапуг тогда в армии не держали вообще, а уж в военных училищах – тем более. Мы всегда вспоминаем своих начальников с уважением и улыбкой.*

Не все поверят теперь, но тогда мы и представить себе не могли, что командиры могут послать подчинённого строить себе дачу (да и не слышали мы ни про какие дачи у наших командиров).

В страшном сне нам не могло привидеться, что через двадцать лет найдутся «полководцы» и «флотоводцы», которые будут продавать авианосцы по цене металлолома и иметь наглость после этого красоваться на телеэкранах.

Вот уж воистину, вспоминая недавние годы: *«бывали хуже времена, но не было подлей...»*

Есть и ещё одна проблема. В этих байках присутствуют крепкие словечки и «солёные» выражения. Иногда и ненормативного характера. Всё, что можно, я смягчил, но порой вся «соль» байки выражена именно в этих двух-трёх грубоватых словах.

Что тут сказать.

«Здесь армия, а не институт благородных девиц!» – говорил мой незабвенный начальник штаба майор Пономарёв на упрёки, что он вкручивает порой какое-нибудь острое выражение в воспитательную беседу с очередным разгильдяем.

«Нет ничего скучнее приличного анекдота», – утверждал Я. Гашек, а уж он-то знал толк в юморе.

«Фи, это – казарменные шутки!» – может кто-то сказать, пролистав эти страницы. В чём-то он будет прав: раз это звучало в армейских кругах, «в казарме» – как стало модно пренебрежительно говорить про армию, так и юмор можно обозвать «казарменным»...

Да и в армии, особенно в сложной, экстремальной ситуации, любят применить «непарламентские выражения». И это, конечно, плохо.

Но с другой стороны, «где, покажите мне, Отечества отцы, которые принять за образцы?!» Конечно же – «мастера культуры», почти поголовно заслуженные и народные разных категорий, телевиденье транслирует их нам днём и ночью. И что же мы видим?

Один довольно почтенного возраста знатный юморист взял седобородый анекдот про Гондурас и сочинил на его основе незамысловатую песенку, главной шуткой которой является рифма «...земля – нет в магазинах ни... чего». Это вызывает гомерический смех у собравшихся в зале любителей искусства, да и телевизионных начальников, судя по частоте трансляции данной песенки.

Другой дядя сделал своим брендом выражение «С Новым годом, пошёл на фиг!». Это тоже очень восхищает публику, которая прямо-таки умирает со смеху. Все понимают, что неграмотные арабы, конечно же, «посылают» наших туристов по более конкретному адресу и радостно ржут. Много ли найдётся в мире наций, приходящих в восторг оттого, что их на курорте гостеприимные хозяева ни с того ни с сего «посылают» куда подальше, – не знаю...

У нас многим нравится и это – еще одна «загадка русской души».

Сын гениального советского комика, занимающий ныне крупную должность, поведал с телеэкрана, что однажды в Сингапуре к нему прибежал импресарио с жалобами от артистов труппы на условия размещения в гостинице. Сын уже сидел в баре (у него жалоб не было, конечно) и продиктовал импресарио записку: «Пошли все на...» Адрес «запикали» для телезрителей, но, судя по восторгу собравшихся в студии «мастеров культуры», среди которых выделялся тогдашний министр культуры России (!!!), сын назвал адрес «по-честному».

Можно и дальше приводить примеры культуры, которую несут в массы наши народные артисты. А ведь всё это демонстрируется по многу раз, в пресловутый «прайм-тайм», когда «телек» смотрят миллионы, в том числе и дети...

«Культура! Так и прёт!» – любила говорить в таких случаях моя школьная директриса.

По сравнению с этим наши командиры, ругавшиеся в основном чтобы «снять стресс» и никогда не получавшие за это гонораров – выглядят невинными детьми.

Как говорил в своё время русский классик: «Было сквернословие, но не было скверномыслия!!!»

Книжка была написана, в первую очередь, для моих друзей-товарищей, да и вообще для мужчин, служивших в армии. Знающих армейские порядки и любящих нашу армию, несмотря на всё плохое и хорошее, что в ней произошло и происходит. Для тех, кто ценит и понимает армейский юмор и шутки, умеет посмеяться над весёлыми случаями, да и над самим собой в нелепых ситуациях.

Хочу выразить искреннюю благодарность за создание иллюстраций к этой книжки художнику Юрию Михайловичу Поморцеву.

Это мне хотелось сказать в качестве предисловия.

Необходимо кратко перечислить некоторые действующие лица этой книжки:

«Делегат» – начальник училища, делегат XXV партсъезда;

«Гиббон» – наш начпо (начальник политотдела);

«Комдивка» – командир дивизиона;

«Изюминка» – замполит дивизиона;

«Грабар», «Хиль», «Паитет» – комбаты (командиры батарей);

«Жора», «Витя СКР», «Сычулин», «Балбес» – взводные командиры;

«Бадюля» – начальник физподготовки училища, «начфиз» иначе говоря;

«Сил Силыч», «Рудольфыч», «Артуша», «Папан», «Цыпа», «Альфонс», «Чуня», «Пятачок», «Ефрейтор Юрьев» и т. д. – наши курсанты;

«Дедушка», «Доктор» – руководители факультета в академии;

«*ЧВС*», «*Член*» – член Военного Совета армии, округа и других вышестоящих объединений;

«*Горелово*» – название платформы неподалёку от которой располагалось наше училище;

Небольшой **гlossарий** используемых терминов:

«*Дурбат*» – группа курсантов, оставленных в училище во время отпуска для пересдачи «заваленных» в ходе сессии экзаменов;

«*Уволь*» – увольнение в город, одно из самых приятных мероприятий в армейской жизни;

«*Стаж*» – стажировка в войсках (их было две: летняя и зимняя);

«*Балтика*» – верхняя посудомойка в нашей столовой – море воды и пены, горы грязной посуды, которую надо перемыть три раза за сутки;

ЧП, «*чепуга*» – чрезвычайное происшествие разной степени тяжести, от пустякового до серьёзного;

«*Полморсос*», или «*пыльморсос*» – политико-моральное состояние на армейском жаргоне;

«*Начпо*» – начальник политотдела, была такая должность;

«*Начхим*» – начальник химической службы;

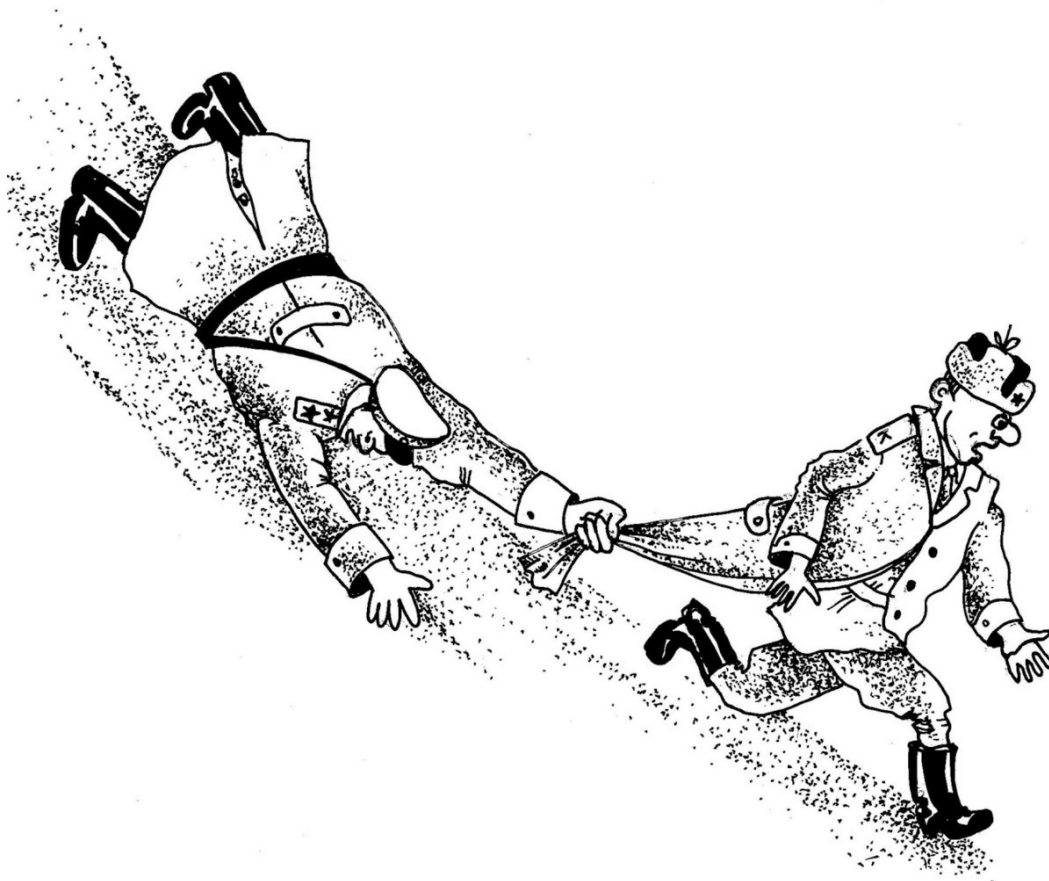
«*ТЗМ*» – транспортно-заряжающая машина, служит для перевозки ракет и зарядания пусковых установок;

«*ВУС*» – военно-учётная специальность;

«*ПХД*» – «парково-хозяйственный день» (суббота, как правило), день, когда в армии в основном занимались «хозяйственной деятельностью».

Часть первая

Полковник Васильев

Начать рассказ о наших «командирах и начальниках» надо именно с него.

Его боялись все курсанты (да и очень многие офицеры училища).

Всегда подтянутый, властный, требовательный и жесткий заместитель начальника училища был ключевой фигурой в нем.

Спустя годы, уже став офицерами, многие из нас с благодарностью вспоминали Леонида Васильевича. Для меня и моих товарищей он был образцом настоящего офицера: строгий, требовательный к себе и другим, умеющий видеть мельчайшие недостатки и добиваться их устранения. Его знаменитый, немного скрипучий, голос был известен всем в училище. Он никогда не кричал, но все его приказания выполнялись беспрекословно и бегом. Словом, такой командирский авторитет за годы службы в армии мне встречался очень редко.

Благодаря Васильеву наш Делегат вместо первоначального «блеяния» научился сносно подавать строевые команды. Мы, однако, всё равно передразнивали Делегата и потешались над его постоянными оговорками и ошибками.

Несмотря на «кавалерийскую» кривоноготь, Васильев был блестящий строевик. На его фоне Делегат на плацу смотрелся просто колхозником.

Когда до курсантов стала доходить информация, что Делегат несколько раз «зарубил» представление Васильева к присвоению генеральского звания, это еще больше добавило отрицательных эмоций в делегатский адрес.

Отношение к Васильеву было особым: его боялись, но уважали. Даже клички в курсантской среде он не имел. Называли мы его просто по фамилии. Доморощенные анекдоты о нём, и те были какие-то необидные.

«Увидел как-то Васильев курсанта, спрыгнувшего с забора и прячущегося от него в кустах.

«Товарищ курсант, ко мне!»

Тот подходит, докладывает, как положено.

Васильев: «Что вы в кустах делали?»

Курсант: «Присел по большой нужде, товарищ полковник!»

Васильев: «Пойдёмте, покажете!»

Подходят к кустам, курсант показывает на кучу.

«*Так это же собачье!*» – удивлённо говорит Васильев.

«*А жизнь-то какая, товарищ полковник...*»

Полулегендарный случай произошёл с ним в такой обстановке. Сразу после отпуска, когда народ после «гражданской» жизни пребывал еще в «расслабленном» состоянии, Васильев обходил казармы. Зайдя в одну из батарей, он не обнаружил «на тумбочке» дневального. (Это считалось грубым нарушением внутреннего уставного порядка).

Васильев сам встал на тумбочку вместо дневального, чем посеял ужас в ряды внутреннего наряда.

Предложить «сойти» ему ни дежурный по батарее, ни дневальный, так опрометчиво покинувший тумбочку, не осмелились, конечно.

Васильев стоял на «тумбочке» и образцово отдавал честь всем проходившим мимо курсантам, как это и требовал Устав ВС.

В это время в казарму примчался комбат, прослышавший, что Васильев делает «обход».

Какого же его было удивление, когда в родной казарме «на тумбочке» вместо курсанта – дневального его встретил... Васильев, подавший к тому же команду «*Батарея, смирно!!!*», как это и требовалось по Уставу.

Бедного комбата чуть удар не хватил. Он автоматически ответил «*Вольно!*».

«*Вольно!!!*» – браво продублировал Васильев.

Содержание последовавшей за этим их приватной беседы в канцелярии так и осталось тайной.

Однажды зимой на 1 курсе «на тумбочке» дневальным у нас стоял Вовочка Колиниченко. Он обладал удивительно тонким и пронзительным голосом, над чем все мы постоянно подсмеивались. (Потом таким, «вовочкиным», голосом стал разговаривать на сцене Е. Шифрин.)

Однажды утром, после зарядки, мы услышали истошный Вовочкин вопль: «*Батарея, СМИРНААА!*» Все застыли, как и положено, но тут же Вовочка заорал громче прежнего: «*СМИИРНААА!!!*», а через секунду ещё и еще раз. Решив, что это старшина решил подрессировать Вовочку за какой-то «залет», мы стали с хохотом подтягиваться к «тумбочке» не обращая внимания на Вовочкины регулярные вопли. Ввиду зимы и утреннего времени все были

в кальсонах. Однако вдруг всем стало не до смеха. Выяснилось, что это сам Васильев прибыл в батарею и, выслушав Вовочкин тенор, попытался добиться от него приличного исполнения уставной команды. Поняв, после нескольких попыток, что Вовочка неспособен это сделать, не вызывая общего смеха, Васильев выдал знаменитое: *«Больше этого петуха на тумбочку не ставить!»* и убыл из казармы.

Вовочка впоследствии пытался спекулировать этим Васильевским указанием и отбивался от назначения в наряд дневальным: *«Васильев приказал!»*. На замкомвзвода Шура Керогаз ему быстро объяснил, что в наряде, вместо стояния на тумбочке, Шланг – Вовочка может запросто мыть «места общего пользования», петушиный голос не помешает.

Знаменитый трагикомический случай встречи с Васильевым был у курсанта 1-й батареи – Жоржа Сапрыкина.

Мы занимались автоподготовкой (практическим вождением). Инструктора были прапорщики, а машины мы осваивали раритетные – «бортовые» грузовики ГАЗ-51. Эта машина создавалась в первые послевоенные годы и имела такие особенности, как «двойной выжим» сцепления, отсутствие гидроусилителя руля, старые и маломощные аккумуляторы и т. п. Любая ошибка с «двойным выжимом» приводила к тому, что сцепление начинало «гореть», и в кабине резко пахло паленым, а машина глохла. Прапора матерились и, в воспитательных целях, заставляли нас заводить грузовик «ручкой», что было малоприятной процедурой.

Так вот, Жорж каким-то образом умудрился скорешиться со своим прапором-инструктором и очень этим гордился, рассказывая народу, как здорово они проводят часы вождения. Накануне 23 февраля Жорж с инструктором решили слегка отметить праздник и не рассчитали «дозу».

Перед обедом в парк въехал грузовик и остановился напротив будки дежурного по парку, не доехав до положенного места. Из кабины долго никто не выходил. Дежуривший майор, удивлённый этим событием, подошел к машине и открыл дверцу кабины. С места старшего машины с деревянным стуком на мерзлую землю выпало тело прапора-инструктора. Он был мертвецки пьян и даже не очухался от падения.

За рулём грузовика сидел доехавший на «автопилоте» и уснувший Жорж. От выпадения прапора он очнулся и стал выбираться на волю. Дежурный с криком: *«Товарищ курсант, стойте!»* устремился за Жоржем. Тот, чуя близость «залета» и неминуемой кары, надавал изо всех сил.

Майор в отчаянном броске ухватил Жоржа за полу шинели, но тот не снижая скорости рвался из парка. Дежурный не устоял на ногах и упал на обледенелую землю, не выпуская фалду жоржевой шинели из руки. Дорога из парка была с небольшим уклоном и позволяла Жоржу развить неплохую скорость вместе с «прицепом».

Проходивший мимо парка Васильев был потрясен открывшейся картиной: из парка неся краснорожий Жорж, волооча за собой по льду дежурного майора, который при этом отчаянно голосил: *«Стойте, товарищ курсант!!!»*

Итогом этого катания были 10 суток ареста Жоржу. Фото героического прапорщика Демьяненко, в знак особой благодарности за науку вождения, было помещено в выпускные альбомы его воспитанников!!!

Васильев обычно ходил на службу в училище через 2-е КПП. На КПП назначался пост дежурных курсантов, одной из обязанностей которых было предусмотренное Уставом представление начальникам: *«Товарищ полковник, дежурный по КПП курсант Сидоров»*. Несложное, на первый взгляд, действо превращалось в целый экзамен при представлении Васильеву. Он всегда придирчиво относился к внешнему виду, строевой подтянутости и умению предста-

виться «командирским» голосом. Не у всех это получалось, Васильев порой делал замечания курсантам, чем вводил нашего комбата Веню Грабара в ужас и тоску.

Курсом младше в одном дивизионе учились курсанты, имевшие забавные фамилии: *Лысый, Кучерявый и Плоскоголовый*. Даже поодиночке такие фамилии вызывают некоторое оживление, а их сочетание «в одном флаконе» производило фурор. Как-то раз они оказались в одном наряде на этом КПП. Утром Васильеву неудачно «представился» курсант Лысый. Васильев сделал ему «втык», и снял с наряда. В обед Васильев шел через КПП домой, ему представлялся уже курсант Кучерявый. Получилось у Кучерявого еще хуже, чем у Лысого, и Васильев тоже снял его с наряда.

Когда он шел с обеда на службу, ему представился курсант ... Плоскоголовый. Васильев, потрясенный таким удивительным перечнем, вызвал и жестоко «отодрал» их комдива за безобразную строевую выучку дежурных.

Запомнился и другой характерный эпизод.

Как-то вышла наша батарея с обеда и начала неторопливо строиться у столовой для следования в клуб на какое-то мероприятие. По такому случаю прибыли, кроме взводных, Хиль и даже Комдивка. И вдруг появился Васильев!

«Смирна!» закартавил Витя Скр.

«Батарея, СМИРНООО!!!» – заревел трубным голосом Хиль.

«Смирно!!!» – истошно завопил, подбегая к Васильеву, Комдивка.

«Ну, ещё смирней! Вольно!!!» – ответил под наш смешок Васильев. Даже нам было видно, что такого «усердия» он не любил и не одобрял.

Гиббон

Такая необычная кличка была у нашего начпо. Что явилось тому причиной, судить не берусь, однако звали мы его исключительно так.

Признаком хорошего тона считалось пошутить в его присутствии (но так, чтобы он не слышал, разумеется): «*В правом углу клетки – Гиббон, в левом – гиббона мать!*» Говорить это надо было голосом скучающего экскурсовода в зоопарке, смягчая на украинский манер букву «гэ».

Он имел огромную лысину, несмотря на небольшой для полковничьего звания возраст. Его «фишкой» была художественная самодеятельность, которая поднялась, благодаря усилиям

Гиббона, на небывалую высоту. Мы пели, плясали, читали стихи и поэмы на всевозможные темы. Но вот с людьми Гиббон неформально общаться не умел, не выходило у него почему-то.

Забавный случай был с выходом знаменитой брежневской «Малой Земли».

Мы были в отпуске, когда сей шедевр был опубликован чуть ли не во всех газетах страны одновременно. Разумеется, никто из нас в отпуске это творение «*Бровеносца в потемках*» не читал.

Наш хитрый комбат Хиль мгновенно просчитал, как можно отличиться перед Гиббоном.

«Ну что, хлопцы, – сказал он на первом же построении после отпуска. – Что вы будете говорить, если вас начнут спрашивать, что вы читали в отпуске?»

Строй недоуменно загудел, в отпуске были занятия намного интереснее чтения книжек.

«*Значит так, хлопцы, на этот вопрос отвечать всем: „Малую Землю“ Леонида Ильича Брежнева!!!*»

Мы были потрясены таким инструктажем и поначалу решили, что это очередная хилевская шутка. Но комбат был настроен всерьез и несколько раз потренировал правильно отвечать, как отдельных курсантов на свой выбор, так и весь строй. Поначалу нам было смешно нести такую ахинею, потом стало получаться всерьез.

И, надо же, Хиль попал в «десятку»! В первый же день, в ходе следования на занятия, нам навстречу «вырулил» Гиббон. Он приказал Хилю остановить строй и громко поинтересовался у первого попавшегося курсанта: «Что вы читали в отпуске?»

«*Малую Землю*» Леонида Ильича Брежнева!!!» хором грянуло 120 глоток. Потрясённый Гиббон расплылся в блаженной улыбке и потом неоднократно приводил нас в пример в своих речах за правильное использование отпускного времени.

Про «Малую Землю», которой всех «достали» тогда до печёнок, у нас была сочинена песенка на мотив популярной «Остановите музыку» с припевом:

«Останови-и-и-те Брежнева!

Останови-и-и-те Брежнева!

Прошу вас я, прошу вас я:

Порвите книжку «Малая Земля!»»

В другом легендарном случае общение народа с Гиббоном прошло не столь гладко.

Зимой четвертого курса в воскресный вечер Гиббон приперся в нашу казарму. День был выходной, и народ занимался своими делами: кто спал, кто смотрел телевизор, кто сидел в курилке. Гиббон, выслушав положенный доклад об отсутствии происшествий, отправился по казарменному коридору в глубину помещения. Навстречу ему из дальнего сортира летел курсант Вова Нос, прозванный так за наличие удивительно широкого шнобеля «в две трети морды». Ввиду личного времени, из форменной одежды на Носу были только тапочки, кальсоны и кальсонная рубашка.

«Так, товарищ курсант» – обратился к нему Гиббон (он был в хорошем расположении духа, но явно не знал, с чего начать «задушевный разговор»).

Надо сказать, что в каждом «кубрике» казармы, в соответствии с требованием Устава ВС СССР, висело 3 больших портрета в рамках: Л. И. Брежнев (как генерального секретаря партии и Председателя Президиума Верховного Совета СССР), А. Н. Косыгина (как Предсовмина СССР) и Д. Ф. Устинова (как Министра обороны). Три с половиной года они взирали на нас, а мы глядели на них.

Гиббона осенило: «*Кто это?*» – спросил он у Носа, показав на портрет Косыгина.

Нос уставился на портрет, одновременно застенчиво запахивая «мотню» на кальсонах. Пауза мучительно затягивалась...

Нос молчал, глядя на Косыгина, как баран на новые ворота.

«Громыко!!!» – вдруг выдал Нос.

Теперь уже пришел черед Гиббона уставиться на портрет Косыгина.

«Надо лучше знать портреты руководителей государства!» – строго сказал он. Вокруг беседующих таким макаром Гиббона и Носа стали собираться любопытствующие. Нос был туповат, и народ предвкушал развитие событий.

«А ЭТО кто?!» – снова и с «нажимом» спросил Гиббон, указав на портрет Устинова. Министр обороны был сфотографирован в полной форме, в очках, и при всех звездах и регалиях.

Нос, после новой томительной паузы, вдруг выдал: «Тоже Громыко!!!»

Мы покатались со смеху.

Гиббон, обреченно махнув рукой, молча покинул казарму. Показывать на единственный оставшийся портрет Брежнева он не решился, очевидно, опасаясь, что Нос и в нем признает Громыку.

Через пять минут в казарму влетел разъярённый Хиль, вызванный кем-то из дома. Он, видимо, уже имел разговор с Гиббоном...

Построив нас, Хиль минут пятнадцать драл Носа за невиданную тупость и политическую близорукость. «За столько лет не узнал, кто перед твоей мордой вывешен! Хоть бы спросил кого!!! Ты мне этого Громыку на всю жизнь запомнишь!!!» – разорвался Хиль, едва сдерживая смех.

Нос получил свои внеочередные наряды, и инцидент был исчерпан.

Еще раз Гиббон отличился во время нашей «голодовки».

Надо сказать, что кормили нас неплохо, и все за годы обучения прибавляли в весе, а некоторые умудрялись наесть изрядные «ряхи».

По воскресеньям нам давали по два куриных яйца. Это радостное событие породило у нас дежурную шутку: «Пальцами и яйцами в солонку не тыкать!»

Однако одно блюдо вызывало практически единодушную ненависть почти всех курсантов: «рагу овощное» – мы называли его «Рога».

Это варево из кислой капусты с мясом вызывало у меня (да и у многих) отвращение на физиологическом уровне, и мы его просто не ели. Кормили нас таким счастьем на ужин раза два-три в неделю, и это были «постные» вечера. Характерный запах из столовой разносился далеко, вызывая мрачный пессимизм. «Опять долбанные „Рога“ сварили» ворчали мы, но особой трагедии не было, большинство просто ограничивалось в такие дни чаем с хлебом. Надо отметить, что встречались и любители данного блюда, съедавшие по две-три порции, но их было немного.

В один из вечеров нам опять подали «рога». Первой перевернула тарелки с «рогами» на стол 1-я, батарея, за ней – наша и третья. Назревал скандал, и дежурный по училищу, в панике, вызвал в столовую Гиббона, который был ответственным по училищу.

Гиббон, прибыв в столовую и обозрев картину, поинтересовался: «В чем дело?»

«Жрать невозможно эти „рога“!!!» – заявил ему старший сержант Черезниченко из 1-й батареи, а мы все одобрительно загудели.

Гиббон понял, что назревает «восстание на броненосце Потемкин», и решил показать личный пример.

Приказав дежурному подать себе порцию «рогов», он начал ее поглощать на наших глазах. Было видно, что Гиббону не доставляет это никакого удовольствия, но он мужественно съел глубокую тарелку. Весь дивизион наблюдал за этой картиной.

«Ну что, очень питательно, и мяса много», – торжественно сообщил нам Гиббон по окончании процедуры.

«*Может, добавочки хотите, товарищ полковник?!*» – подsunул ему ещё одну тарелку Черезниченко.

Гиббон злобно зыркнул на него и от «добавочки» отказался.

Некоторое время после этого нам варили рога пореже, потом снова вернулись к прежнему порядку.

«*Эх, придётся опять Гиббону „рога“ жрать!!!*» – пугали мы столовских начальников новой акцией неповиновения.

Одним из самых известных «проколов» Гиббона была эпопея с «*внуком политрука Клочкова*».

В 1976 году среди абитуриентов училища, получивших неудовлетворительную отметку на вступительном экзамене, был некий Клочков. Он должен был бы, как и сотни других «двоечников», уехать домой и готовиться поступать в следующем году.

Но этот Клочков каким-то образом познакомился с прапорщиком Жировым, который занимал тогда должность начальника гауптвахты училища.

Жиров и посоветовал ему нестандартный приём: «*Что ты нюни распустил?! С такой-то фамилией!!! Подойди к начпо училища, скажи, что ты родственник легендарного политрука, авось он и сжалится над тобой!*»

Клочков так и сделал: пробился на приём к Гиббону и рассказал ему, что он – внук того самого политрука Клочкова, автора знаменитых слов: «*Велика Россия, а отступать уже некуда. За нами – Москва!!!*»

Для «поколения пепси» это, наверное – китайская грамота, а тогда мы все были воспитаны на подвигах героев, и Клочков был для нас – легендой.

Гиббон почему-то поверил «внуку» и дал команду принять его в наше славное училище.

Более того, по команде Гиббона внука начала отчаянно «*пиарить*» (говоря современными словами) наша училищная газета. Вышло несколько статей под броскими заголовками типа «*Внук пошёл по стопам легендарного деда*» и т. п.

Клочков стал ефрейтором и выступал на всяких училищных митингах и собраниях, призывая нас «хранить традиции отцов и дедов». Его в первых рядах приняли кандидатом в партию, весть о нём подхватили сначала армейская, а потом и окружная газеты, тоже выпустившие бравурные статьи об этом «внуке». Наконец и «Красная Звезда» тоже написала заметку о столь неординарном курсанте.

Эта-то известность и стубила внука. Сначала в «Звезду» пришло какое-то письмо от родственников настоящего Клочкова. Чуть ли не единственная его дочь написала, что никогда не имела сына-ефрейтора. А потом и сам «внук», которого назначили каптёрщиком, позорно проворовался на этой должности.

В общем, больше о «внуке политрука» мы не слышали...

Перед выпуском солист дивизионного ансамбля «Август» Чуня написал песню про «*Третий, любимый вагон*» гореловской электрички, посвящённую окончанию нашей учёбы:

«Последняя сессия,
И грустно, и весело...
И летние дождики робко стучатся в окно,
С весёлыми песнями,
Прощаемся вместе мы,
Прощается с нами наш третий, любимый вагон.

Невзгоды забудутся,

Лишь только всё сбудется,
И выйдет на плац батарея, в сияньи погон!
Родное Горелово,
Что с нами не делало...
Тебя вспоминая, садились мы в третий вагон.

И мчались мы лихо так,
В «Париж», или Лигово,
В театры, на танцы с подругами ехали мы,
Вовек не забудутся
Проспекты и улицы
Прекрасного города на берегах
Синеглазой Невы.

Знакомства случайные,
Улыбки печальные,
Всё помнит прокуренный, но не сгоревший вагон:
Как в пять минут первого
Мы едем в Горелово,
Бросая окурки в окно,
Как поленья в огонь...

Разъедемся скоро мы,
Составами скорыми.
На службу нелёгкую вдаль от уютных квартир
И будем в ответе мы:
За небо родной страны,
Надёжность воздушной границы,
За счастье и мир!!!»

Гиббон, услышав про «Париж», насторожился и потребовал объяснений. После того, как музыканты убедили его, что «Париж» или «Тихий Лондон» в песне – не столицы стран членов агрессивного блока НАТО, а всего лишь названия женских общежитий в Ленинграде, успокоился и «разрешил» исполнение песни. Но каждый раз перед ней объяснял залу, про какой там «Париж» поётся.

Жора

Нашим взводом командовал Жора Черноус. Он имел капитанские погоны, красную цветущую физиономию и рыжеватые волосы. Будучи в двадцать девять лет холостяком, Жора пользовался заслуженной славой грозы всех окрестных «барышень и вдов». На груди у Жоры красовался знак об окончании среднего военного училища: овал, с красным флагом на вершине и буквами «ВУ» в середине, на белом фоне.

О, сколько пищи для армейских острословов дал этот знак! Скромная аббревиатура «Военное Училище», задуманная его неизвестными дизайнерами, расшифровывалась в армии на все лады: «Выпить Умеет», «Велосипедное Училище», «Вроде Учился», «Вечный Узник»... Именовали знак и просто «бычий глаз» за некоторое сходство. Мне больше нравился вариант «Внук Ученого».

Справедливости ради надо сказать, что готовили офицеров в таких училищах очень неплохо.

Так, Жора, несмотря на немалые, по нашему тогдашнему разумению, годы, на всех кроссах, где взводные бегали вместе с курсантами, финишировал всегда в первых рядах. При этом он успевал по ходу забега «подбодрить» отстававших курсантов: кого пинком в задницу, кого «добрым» словом. Это при том, что он курил, как паровоз, был «не дурак выпить» и вообще вел не самый спортивный холостяцкий образ жизни.

Настоящую славу и почтение у нас Жора заслужил, произнеся историческую фразу: «Здоровому – спорт не нужен, а больному – вреден!»

Однако сам он был очень сильным мужиком и недолюбливал тех, кто «хромал» в спортивных дисциплинах. Однажды, глядя, как Рома в муках «исполняет» на перекладине подъем переворотом, Жора изрек: «Романенко, ты же мой земляк. У нас на Дону однорукие калеки через двухметровые заборы с ходу перескакивают, а ты тут через перекладину свои яйца по одному перекатываешь!»

Жора в самом начале нашего обучения поразил нас, прибыв на службу на собственном мотоцикле «Днепр» с коляской, в полной капитанской форме и в красном мотоциклетном

шлеме. В зубах его торчала неизменная «беломорина». Что и говорить, вид он имел колоритный...

Через некоторое время Жора прикатил в училище на этом мотоцикле с двумя младшими братьями. Все три братца были похожи, как близнецы: медноволосые, со свекольным румянцем во всю щеку. Оба младших брата были в прапорщицкой форме и чуть меньше Жоры габаритами. Жора же отличался от них капитанскими погонами, значком «Вечный Узник» на груди и «беломориной» в зубах.

Однажды, едуци по территории училища в таком виде, Жора наткнулся на полковника Васильева. Выплюнув «беломорину» Жора браво отдал ему честь приложив руку к красному шлему, тарахтя мимо грозного начальника. Васильев, отдавая честь Жоре, проскрипел: *«Капитан Черноус, после развода – ко мне!»* История умалчивает о подробностях визита, но после него Жора появлялся в училище на мотоцикле в исключительных случаях, когда сильно опаздывал на службу.

В ленинской комнате висела «планшетка», доставшаяся нам по наследству от наших предшественников старшего выпуска. На ней была большая фотография Жоры и историческая подпись под снимком: *«Командир взвода, капитан Черноус Е. Е. постоянно интересуется: «Как дела у коммунистов?»*

Жора был запечатлен фотографом с выражением лица, которое лучше всего описывается известной фразой *«глядит, как солдат на вошь»*. В его глазах читалась любовь к водке, женщинам и полная индифферентность к «делам у коммунистов». В общем, глупее подписи подобрать было невозможно.

Свои выступления перед строем Жора неизменно начинал присказкой: *«Тааак, не понял...»* и дальше шла результирующая часть речи.

В зимнем карауле на 1-м курсе нашу смену подняли для зарядания оружия и следования на посты. Спать отдыхающей смене полагалось в застегнутой шинели, сапогах и ремне с подсумком, где хранились 3 обоймы к карабинам СКС, которыми мы были вооружены.

Было часа 3 ночи, все стояли продрогшие, спросонья. По команде разводящего приступили к заряданию карабинов, Жора стоял за нашей спиной со своей неизменной папиросой.

Внезапно Ефрейтор Юрьев доложил дрогнувшим голосом: *«Товарищ капитан, я патрон потерял...»*. В те времена это было немалым ЧП.

Жора отреагировал блистательно: *«Та-ак, не понял... Яйца ты свои не потерял?! Марш в караулку искать!!!»*

Юрьев, с несвойственной ему живостью, метнулся в караулку. Через пару минут он вернулся с радостным воплем: *«Нашёл, нашёл, товарищ капитан!!!»*

Патрон выкатился из подсумка во время сна, и теперь Юрьев нашёл его в комнате отдыха на полу. Жора вяло обматерил Ефрейтора, и мы отправились на посты нести службу.

Чувство юмора тоже оказалось не чуждо Жоре. Наша училищная газета «Политработник», за скуку и убожество материалов, курсантами именовалась *«Гальян таймс»*. Одним из главных обязанностей почтальона Гроссмана было при получении очередного тиража газеты разделить его поровну и отнести в оба батарейных сортира. Там мы ее и использовали по прямому назначению, не читая.

(Впрочем такая же незавидная судьба была у армейской «Часовой Родины» (*«Стой, кто идет?»* на нашем языке) и окружной «На страже Родины» (*«Настороже»* по-нашему).

С окружной газеты и прорезался наш неформальный интерес к военной публицистике. Один из номеров опубликовал на 1-й странице фотографию. На ней был изображен «обветренный как скалы» пехотный старший лейтенант. Подпись гласила: *«Командир взвода Сидоров*

несет службу в нелегких условиях Заполярья. Седьмой год подряд его взвод подтверждает славу «отличного».

Да...

Семь лет, и всё ещё командир взвода! Да ещё в Заполярье!

Про таких в армии говорят – «карьерист».

Это фото показало нам, что и армейская печать способна приносить радостные минуты своим читателям!

И вот, однажды, свой талант появился и в «Галльон таймс».

Молодой корреспондент, лейтенант Кириллов, начал писать благостные очерки по мотивам курсантской жизни, написанные с таким щенячьим восторгом и прекраснодоушием, что чуть ли не каждая фраза вызывала взрывы здорового смеха в нашей среде. Дошло до того, что мы стали ждать появления очередного опуса Кириллова и вслух читать его бредни с ядовитыми комментариями.

В одном из номеров вышла статья, с «описанием жития» неких курсантов, которые из патриотических соображений набрали в училище землицы и отвезли ее на родину в отпуск то ли живому дедушке показать, то ли на его могилку насыпать. Эта фантазия газетчика вызвала бурю наших восторгов и эмоций. Дело шло к отпуску, и мы вовсю потешались над идиотской выдумкой Кириллова.

Жора, сроду не читавший никаких газет, тоже заинтересовался причинами веселья в казарме. Прочтя опус, Жора крикнул и дал команду каптерщику: «*Нартыш, а ну-ка спрячь вещмешки, а то вдруг все за землицей кинутся!*»

(Если уж вспоминать о военной печати, надо рассказать и ещё про одну историю о ней. Много лет спустя, уже «на гражданке», работая в крупной московской компании, мы готовились к очередному Дню Советской Армии и ВМФ. У отдела персонала компании возникла идея – попросить офицеров запаса принести свои «военные» фотографии и вырезки из газет про свою службу. У многих такие вырезки бережно хранятся в домашних «архивах».

Их принесли и, как водится, все стали рассматривать фото и заметки 25—30 летней давности. Особенно порадовала нас заметка из армейской газеты 4-й ОА ПВО «На страже». Она была посвящена нашему товарищу Диме Чернову. В годы его боевой, «старлейской» молодости, он служил оперативным дежурным на КП бригады. Дима – воспитанник суворовского училища и, как все «кадеты», он отличался особой выправкой, статью и подготовкой. Это и решил подчеркнуть штатный корреспондент армейской газеты. Красочно описав безупречную Димину службу, он завершил свою заметку следующей фразой: «*Есть офицеры, о которых говорят: „В них военная жилка заложена в каждой косточке!“*. Так в нашем подразделении говорят о старшем лейтенанте Дмитрие Чернове».

В общем – снова порадовала нас военная пресса глубиной армейской мысли!)

Наши предшественники, учившиеся под Жориным руководством 4-мя годами раньше, благоговейно хранят в памяти ещё одно знаменитое Жорино изречение. Устав бороться с самовольщиками, бегавшими по ночам к гореловским девушкам, Жора поразил курсантов знанием мужской физиологии: «*Мужчине на всю жизнь природа дает только два ведра сперматозоидов!*» – поведал он перед строем взвода. «*А некоторые курсанты хотят их полностью расплескать за четыре года учёбы!*»

Однажды Жора серьезно повздорил с Изюминкой. Дело было на новогоднем вечере. Мы справляли его в курсантской столовой. Особого веселья не было: трезвый стол, первый курс, мороз и недостаток дам не способствовали «искрометному» состоянию души.

Жора числился ответственным, и времени даром не терял. Несколько раз он исчезал из столовой и возвращался во всё более приподнятом настроении.

У нас была довольно симпатичная официантка Наташа, которой многие курсанты пытались оказывать знаки внимания. Но она была постарше нас и никому не отвечала взаимностью.

Жора в новогодний вечер с лихвой восполнил этот пробел. Оперативно вскружив девушке голову, он уединился с ней в одном из помещений для хранения уборочного инвентаря. Народ, еще не развращенный грядущей сексуальной революцией, столпился у двери, пытаясь угадать по звукам, что происходит за закрытой дверью. В это время в столовую прибыл Изюминка, для контроля за ходом праздника. Увидев толпу у двери в шваберное хранилище, он мгновенно решил, что там распивают спиртное, и попытался «накрыть» нарушителей с поличным.

Этому выводу способствовало и то, что на его вопрос: «*Что тут происходит?!*» группа любопытных, пытавшихся подслушать у двери, бросилась врассыпную. На стук Изюминки с требованием открыть дверь ответа не было, и он всей тушей вынес косяк двери, вломившись в «храм любви».

Через мгновение он вылетел оттуда красный, как рак, и исчез на улице.

Жора появился чуть позже, морда пылала у него ярче обычного.

«*Где этот мудака?!*» – спросил он у курсантов. Все поняли, о ком он, и показали на дверь.

После праздников Жору вызвали к себе Комдивка с Изюминкой... Содержание их беседы осталось в тайне. Самое удивительное, что на Наташе на 4-м курсе женился один из наших сержантов. Любовь зла...

Спорить с Жорой, когда он был не в духе, бывало опасно. Однажды Веня Грабар решил воспитать его за какую-то провинность.

Рома, рисовавший очередную стенгазету, рассказывал нам потом о «битве гигантов».

Из канцелярии долго доносились вопли, проклятия и угрозы. Периодически доносился примиряющий голос Хиля: «*Жора, только без рук! Только без рук!!!*»

Потом, с возгласом: «*Да пошел ты на хер!!!*» – Жора покинул помещение, оглушительно хлопнув дверью.

За ним вылетел взбешенный Грабар: «*Черноус, стой! Смирно!!!*» – заорал Веня не своим голосом.

Жора схватил двухпудовую «*маишку*», которой мы натирали полы, и с разворота через голову хряпнул ее об пол так, что затряслись все окна в казарме. Грабар мгновенно скрылся в канцелярии и не выходил из нее до прихода батареи с занятий. Жора, проорав комбату несколько непечатных эпитетов, тоже покинул помещение.

Однажды, будучи «ответственным» по дивизиону, Жора неожиданно сводил нас в культпоход в Красное Село.

Дело было на 2-м курсе летом, Жора успел к этому времени жениться. Он прибыл в батарею с молодой женой, был весел и слегка пьян.

Приказав построить тех, кто не был отпущен в увольнении и скучал в казарме, Жора обратился к нам с пламенной речью: «*Та-а-а-ак, не понял...*»

«*Кто хочет пойти со мной в культпоход на англо-франко-итальянский фильм «Сто грамм для храбрости?!*»

Вызвались все поголовно. Жора отвёз нас в Красное Село в какой-то затрапезный Дом Культуры. Там мы посмотрели кино, которое оказалось весёлым и смешным, несмотря на советское, а не импортное происхождение.

Потом Жора с молодой женой уехал домой, а мы весело добрались до казармы.

«*Англо-франко-итальянский*» фильм запомнился нам надолго. В нём прекрасно играли Вицин, Куравлёв и Крамаров.

Жора, вскоре после женитьбы, «ушел» на повышение комбатом в соседнюю казарму.

Последний подвиг для нашей группы Жора совершил, уже будучи майором и комбатом в соседнем дивизионе.

Мы сдавали спецкурс №2 (техника ЗРВ, комплекс «Волхов»). Вел курс и принимал экзамены у нас полковник Кучминский, Кучма в просторечии.

(Вот уж гримаса истории, его однофамилец Кучма станет через пятнадцать лет президентом «Нэзалэжной...»)

Кучма был строг, и экзамен шел нервно. После того, как Кучма «зарезал» кого-то из отличников, поставив «тройку», наш замкомвзвода Шура Керогаз кинулся к Жоре за помощью.

Жора вник в ситуацию и пришёл на помощь, согласившись «подсветить» несколько билетов. Заявившись на экзамен, он пожал руку Кучме и уселся за экзаменационный стол. Нашего нового взводного Валеру Сынулина, ранее пытавшегося «просто попридусутствовать», Кучма безжалостно выставил за дверь без всяких проволочек.

Жорина красная рожа была известна в училище всем, и его Кучма допустил «поболеть за своих бывших подчиненных».

Жора блестяще справился с задачей. Спустя полчаса, подсветив с десятков билетов, он вышел к нам, якобы покурить. Экзамен шел к концу, нас осталось как раз столько человек, сколько Жора подсветил билетов. Раз десять мы спрашивали Жору, где и в каком порядке лежат билеты, пока он не нашел выход. Нарисовав мелом на доске стол, лежащие на нем билеты и пронумеровав их, во главе стола он изобразил профиль головы человека. Ткнув мелом в глаз рисунка, Жора начал инструктаж: *«Вот тут это чучело сидит. Вот справа от него билеты, вот слева, подходите отсюда. Што непонятно?!»* Теперь было все понятно, наглядность сыграла свою роль.

Шура Керогаз отобрал себе самый легкий билет, мы разобрали остальные и начали их лихорадочно учить. У меня до входа в аудиторию было минут пять. Быстро пробежав содержание вопросов, я вошёл в класс. Взял билет, убедился, что Жора не подвел, и приступил к подготовке. После меня еще пара человек вошло и, судя по их довольным физиономиям, они тоже взяли «свои» билеты. Все шло как по маслу.

Настал черед Вовы Колосова. Войдя жутким строевым шагом, Вова дрожащей рукой взял билет и застыл.

Кучма: *«Ну, товарищ курсант, докладывайте».*

И Колосов «доложил», от волнения «булькающая» скороговоркой больше обычного: *«Товарищ полковник, я взял не свой билет. Разрешите взять второй билет?»*

Кучма смерил Жору уничтожающим взглядом, перемешал все оставшиеся билеты, добавил новых и сказал: *«Разрешаю!»*

Вова трясущимися руками взял билет.

«Ну, теперь – свой?!» – ядовито поинтересовался Кучма.

Колосов, выпучив глаза, сумел кивнуть.

«Садитесь, готовьтесь».

Кучма пресек попытку пунцового Жоры покинуть экзаменационный класс: *«Посидите пока, товарищ майор!»*. После этого он сам вышел в коридор и приказал Керогазу: *«Заходите все оставшиеся вместе!»*

Оставшиеся курсанты, не подозревая ни о чём, дружно вошли. Выражение их лиц, когда они брали билеты и читали их номера, не поддается никакому описанию. Все эмоции в диапазоне от предвкушения удачи до «это песец!!!» отражались на них. Каждый, после того, как обнаруживал, что номер – не его, с ужасом и мольбой глядел на Жору. Тот, с кирпичного цвета мордой, ненавидяще смотрел на Колосова.

Когда Керогаз увидел номер доставшегося ему билета, он скривился так, что я стал опасаться, что его парализует.

Рассадив всех, Кучма выставил за дверь Жору: «Идите, товарищ майор, вам тут *больше* делать нечего!» и приступил к экзекуции.

Итогом было: куча незапланированных «троек», в том числе Керогазу. Колосов исписал мелом две доски и «булькал» минут пятнадцать. Кучма подвел итог: «*Очень слабо, товарищ курсант, «два!»*»

Колосов обратился к нему с просьбой взять третий билет!

Кучма, не без яду напомнив, что для того, чтобы получить хотя бы «тройку», Колосов должен ответить на «пять», разрешил.

Вова взял третий билет и исписал ещё две доски. Кучма, выслушав его ответ, сообщил: «*Могу вам поставить только „неуд“!*»

В результате Колосов загремел вместо отпуска в «дурбат», а оставшиеся два года учёбы на все экзамены (включая государственные) ходил только первым. За этим лично следил возненавидевший его Шура Керогаз.

Хиль

*Нас ждёт нелёгкий труд,
Нас комары – сожрут,
Вы дома не увидите отныне...
Но спросишь у ребят:
«Комар, или комбат?!» —
И комары – покажутся родными...*

Старший лейтенант Нахилюк командовал первым взводом нашей батареи. Это была – ФИГУРА!

Хиль начинал свою службу в училище лейтенантом, с бесславной прапорщицкой должности начальника гауптвахты, но быстро «вырос» до взводного, а затем сменил Грабара на должности нашего комбата, к великой радости всех курсантов.

На первом курсе мы частенько слышали, как старшекурсники приветствовали Хиля, ведущего наш строй, репликами: «*О, начальник гауптвахты Нахилюк идёт!*»

Хиль тоже носил значок «*Внук Ученого*» и был ярким выразителем лучших качеств украинского народа в армии. Умный, хитрый, любящий поучить других уму-разуму, говоривший с мягким южным «гэ», он на фоне мрачного Грабара смотрелся «лучом света в темном царстве». Будучи взводным, он докладывал комбату, немного «глотаая», обычно, своё воинское звание: «Батарея на развод построена! *Старший Нахилюк!*» Так его сначала и звали, но потом к нему прижилась кличка «*Хиль*», созвучная его «широй» фамилии.

Тем более что голос *наш Хиль* имел такой силы, о которой его знаменитый в те годы сценический прототип мог только мечтать.

Когда что-нибудь случалось во взводе или батарее, Хиль имел привычку построить нас и учинить словесный разнос, различной силы и интенсивности. Одним из самых любимых выражений его было «*Вакханалия!!!*». Мы именовали эти соло Хиля «*вакханалиями*». Со временем они получили градации «*Вакханалии 3-й, 2-й и 1-й степени*, в зависимости от продолжительности, громкости хилевских воплей и образности используемых метафор, эпитетов и определений. В ходе исполнения «*Вакханалии*» Хиль краснел, как помидор, шея его раздувалась порою шире головы, и голос приобретал силу иерихонских труб. Нам казалось, что его рулады были слышны даже на гореловской платформе электричек. Пару раз за 4 года обучения мы слышали незабываемые «*вакханалии экстра – класса*» в его исполнении. О них стоит упомянуть.

Первая случилась по трагическому случаю. В конце первого курса в 21-й группе хилевского взвода повесился курсант Попов. Дело было так: группа сдавала рядовой зачет по английскому языку, несколько человек его с первого раза не сдало, что было обычным случаем и не грозило никакими неприятностями. Отдельные индивидуумы умудрялись сдавать зачеты по 10 – 15 раз, не теряя оптимизма и бодрости духа.

Среди не сдавших в этот раз зачет оказался и Попов. Время было предобеденное, они опаздывали, и замкомвзвода Цыпа, наскоро построив группу, бегом отправил ее на обед.

Когда мы, пообедав, возвращались в казарму, посреди плаца батарею поджидал Хиль. Его вид не предвещал ничего доброго: багровое лицо и раздувшаяся шея говорили, что впереди нешуточная «*вакханалия*».

«*Анциферов! – гаркнул Хиль. – Где у вас Попов?!*»

«*В строю!!!*» – бодро ответил Цыпа.

И тут грянула буря: *«Он у тебя в сортире 2-го учебного корпуса висит!!!»* Дальше минут пятнадцать Хиль бушевал с невероятной силой. Из того, что он сказал Цыпе, печатными были только предлоги.

Это была *первая «вакханалия экстра – класса»* в исполнении Хиля...

Выяснилось, что Цыпа не стал «считать» всех курсантов перед отправкой в батарею, а в это время Попов пошел в уборную учебного корпуса и повесился на своем брючном ремне.

Причин такому трагическому шагу не было ровным счетом никаких. Он был членом сборной училища по бегу, вел довольно свободную по сравнению с нами жизнь, частенько бывая на сборах и соревнованиях. За самых тупых «спортсменов», при крайней необходимости, «сдавали» зачеты и экзамены комбаты, договариваясь с преподавателями. Опасности для Попова от несдачи этого зачета не было вовсе. Про то, что у нас вовсе не было никаких «неуставных отношений», и говорить не приходится. Тот случай остался для всех нас загадкой человеческой психики.

Другая *«экстренная вакханалия»* случилась на 4-м курсе и по более веселому поводу.

Слегка «оборзев» за годы учебы, четверокурсники не ходили, обычно, на вечерние прогулки, а смотрели телевизор в казарме.

Однажды во время прогулки в казарму прибыл уже «взведенный» какой-то неприятностью Хиль. Набросившись на старшину и дежурного, он погнал нас на плац на «прогулку», нарушая неписанные традиции. Народ ворчал, но видя настрой Хиля, нехотя вышел «гулять». Построив батарею, Хиль решил, видимо, «воспитать» нас, подав команду «Запевай!». Это было уже слишком. Мы молча шагали строем вокруг плаца. Выждав два круга, Хиль остановил строй и сообщил, что «молча» мы будем гулять до самого утра. Ситуация накалялась.

«С места, с песней, шагом МАРШ!» скомандовал Хиль.

И Женя Кацер запел популярную у нас тогда песню:

«В жизни давно я понял: кроется гибель где:

В пиве никто не тонет, тонут всегда в воде!

Реки, моря, проливы – сколько от вас вреда

Губит людей не пиво, губит людей вода!!!» – грянули мы за ним в 120 глоток.

«Скажем, в работе нашей, друг незабвенный мой

Пиво всего однажды взял и развел водой.

И, улыбнувшись криво, крикнул в день суда:

«Губит людей не пиво, губит людей вода!» – снова «рявкнул» строй.

«Если душевно ранен, если с тобой беда,

Ты ведь пойдёшь не в баню, ты ведь придёшь сюда.

Здесь ты вздохнёшь счастливо, крякнешь и скажешь: «Да!»

Губит людей не пиво, губит людей вода!» – дважды самозабвенно проорали мы озорной рефрен.

Самое интересное, было то, что Хиль внимательно прослушал в нашем исполнении все три куплета, хотя мог остановить пение «неуставной» песни сразу.

Закончив петь, мы подмаршировали к Хилю. Судя по цвету его физиономии и раздувшейся шее, он оценил песню.

«Я вам всем бл..ям, партвысказание вье. у!!!» – издал Хиль вступительный вопль отчаяния, несколько нарушая партийную этику и демократию. И понеслось...

Раскаты его громового голоса разносились по всей округе. Минут 20 Хиль бушевал, как вулкан, осыпая нас проклятиями и коря себя за любовь к нам и мягкотелось, за которую он получил черную неблагодарность в виде этой бл...ской песни.

Потом потихоньку стал остывать.

«Научились за три года: водку жрать, в отпуск рвать и деньги воровать!!!» – срифмовал он итог своей воспитательной деятельности и наших успехов в учебе за означенный период.

(Если первых два упрека были, в общем справедливы, то воровства у нас вовсе не было, это Хиль добавил для «красного словца». Единственный случай воровства денег был в первой батарее каптерщиком Лищенко. И то он был быстро вычислен своими же товарищами и безжалостно выгнан из училища «в солдаты», несмотря на 3-й курс. Простить могли пьянки, самоволки и многие другие грехи, но не кражу.)

Впечатления от этой *«вакханалии экстра-класса»* остались у нас ярчайшие, а хилевское обещание **«вье. атъ партвзыскание»** навсегда украсило наш лексикон.

Хиль вообще любил образные выражения и умел говорить с курсантами и в строю, и в неформальной обстановке.

«Папуасы!!!» – с искренним ужасом восклицал он при виде длинных, на его взгляд, причесок.

«Жизнь есть жизнь!», «Не ищите пятый угол!» – этими присказками он сдабривал свои, всегда образные, спичи.

«Не можете пить вино – мочу пейте!!!» – грозно втолковывал Хиль «залетевшим» любителям горячительных напитков.

«Кому шишки, кому пишки, а кому и пирожки», вручал Хиль нам при «разборах полетов».

«Будем теперь считать баллы и хераллы!» – с горечью заявил он как-то, после неудачной сдачи экзамена своим взводом.

«Доброе совестного курсанта – я всегда пофалю!» – как и каждому «щирому хохлу», произнести звук «хв» в середине слова ему не удавалось в принципе.

Так он нас и **«фалил»**, а мы – не обижались за это.

Во взводе Хиля учился Сурен Маркарян. Парень он был колоритный и свободолюбивый. Обладая живым восточным характером, он частенько спорил со своими командирами и попадал «под раздачу», в результате.

На втором курсе Сурен начал ухаживать за дочкой Делегата. Впрочем, «ухаживать» – громко сказано. Проводил несколько раз дочку от клуба до КПП после «танцев». Но это, разумеется, не прошло незамеченным для командования, и Сурена вдруг зауважали начальники. Помнится, сам Веня Грабар ни с того ни с сего перед строем объявил Маркаряну благодарность за какой-то пустяк. Однако долго «роман» не продлился и ни к каким результатам не привёл.

Отчего там у них вышла размолвка – неизвестно, только «драть» Сурена стали, как и раньше.

Другой случай произошёл из-за смены фамилии Сурена. На 3-м курсе он подошел к Хилю и попросил заменить свою фамилию на Галустян, по семейным обстоятельствам.

Сама по себе просьба была довольно необычная, но Хиль «проникся» его семейной ситуацией и довольно долго хлопотал по этому вопросу в штабе училища. Изменить курсанту фамилию было не так просто: надо было поменять его военный билет, права, зачетную книжку, карточку кандидата в члены КПСС и т. д. На все документы надо было фотографироваться, и Сурен довольно активно ездил для этого в Красное Село. Наконец, после 2-х месяцев мытарств, везде, включая нашу «книгу вечерней поверки» Сурен оказался записан Галустя-

ном. Хиль был очень доволен тем, что помог ему сменить фамилию и пару раз приводил нам себя в пример, как заботливого комбата.

На подведении итогов он красочно живописал, чего ему стоили эти хлопоты, и сколько сил и нервов он потратил, чтобы сделать Сурена – Галустяном.

«Теперь ты доволен, Галустян?!» – вопрошал он Сурена, и тот кивал, милостиво улыбаясь.

Сразу же после летнего отпуска, в начале 4-го года обучения, Сурен зашел к Хилю в канцелярию. Через некоторое время оттуда начали раздаваться всё более громкие хилевские гневные вопли.

Потом Хиль выскочил из канцелярии и дал команду «Строиться!» батарее. Было видно, что он на грани «*вакханалии 1-й степени*». И она грянула незамедлительно. Их хилевских проклятий нам стало ясно, что Сурен в отпуске, по какой-то неназванной нам причине, передумал быть Галустяном, а захотел стать снова Маркаряном, о чем и написал в рапорте, которым потрясал Хиль перед строем.

Но не тут-то было:

«Закончишь училище – и сам переименовывайся хоть в Маркаряна, хоть в Петросяна, хоть в Бабаяна!!!» – бушевал Хиль. «Комбат целых два месяца бегал, чтобы его Галустяном сделать по его же просьбе!!! Больше – бегать не будет, хватит, останешься Галустяном!!!» Повыступав в таком духе минут пять, Хиль дал команду отправить батарею на обед, а сам остался вести дальше беседу с Сурином, который был на удивление мрачен и неразговорчив.

Что там произошло дальше – остались только смутные легенды. Наряд, который был свидетелем дальнейшей душераздирающей сцены, хранил гробовое молчание о её деталях.

Было известно только, что после недолгого продолжения их беседы в канцелярии взбесился уже Сурен. Видимо, Хиль задел, по неосторожности, его «за живое», и горячая восточная кровь вскипела. Он начал с дикими воплями носиться за Хилем по казарме, размахивая бритвой!!! Правда, электрической, а не стальной.

Потом они помирились, а историю замяли. Только Сурена периодически «подкалывали» намёками на эту электробритву...

В середине первого курса преподаватель майор Курбыко изловил на своем занятии курсанта Веремчука за сочинением поэмы о многотрудной курсантской жизни.

Курбыко отдал конфискованную поэму Гиббону, а тот – Хилю с рекомендацией выполнить народные чаяния, изложенные в стихах.

Хиль, взбодрённый беседой с Гиббоном, изучил содержание дурацкой поэмы.

На подведении итогов месяца он поднял «народного поэта» Веремчука и вслух прочел все его вирши.

Рефреном жалостливой поэмы повторялась строка типа: «В «уволь» – не пускают, на работу – сколько хошь!» («уволь» – увольнение в город на тогдашнем жаргоне).

Эта строка и взбесила Хиля: «В „уволь“ его видишь ли не пускают», – путая ударение процитировал Хиль. «А на работу, значит – больше всех!!!». Далее он провел блестящий анализ книги увольнений, а также журнала нарядов и работ, из которого выходило, что как раз «народный поэт» Веремчук больше всех ходил в «уволь» и меньше других был на работах и в нарядах.

«Я вам поправлю это соотношение, чтобы Вы писали правду в своих стишках», – зловеще пообещал Хиль бедному поэту.

Месяца три после этого на все работы Хиль в первоочередном порядке назначал «народного поэта». Больше Веремчук в стихоплетстве замечен никогда не был.

Надо сказать пару слов и про самого майора Курбыку. Он вел у нас семинары по радиотехнике, был мужиком въедливым и остроумным. В конце семинара он всегда проводил пяти-

минутку – коллоквиум, мгновенно оглашая результаты наших трудов. «Двойки» сыпались, как из ведра. Учитывая то, что курбыкин семинар был у нас в субботу, а с «парами» в «уволь» не пускали, его коллоквиумов боялись, как огня.

Оглашая итоги своих «коллоквиумов», Курбыко обычно еще и шутил: *«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день – „двойка!“*, – сообщил он как-то результат Ефрейтору Юрьеву. – *До встречи в эфире!!!»*

Юрьев почернел лицом и возненавидел Курбыку *«всеми фибрами души»*.

Вернёмся, однако, к Хилю. Он был любитель в часы нашей самоподготовки, проверяя группы, поговорить «за жизнь». Обычно эти беседы были полезными и наполненными жизненными примерами, каких мы не слышали на официальных занятиях.

«У офицера в году – три отпуска!» — просвещал нас Хиль. *«Первый – когда начальник в отпуске, второй – когда жена в отпуске, ну а третий – когда самого в отпуск отпустят!»*

Он мастерски объяснил нам смысл модной в то время фразы *«опоры на актив»*. Это считалось обязательным при организации работы с подчинёнными, и данное указание мы часто слышали на лекциях.

«Обопрешься – тонет, вытянешь руку – воняет!» – делая красноречивый жест рукой, будто стряхивая с нее чего-то, обрисовал суть этой опоры Хиль (и жизнь многократно, впоследствии, подтвердила его правоту).

Имея среднее военное образование, Хиль заочно обучался в нашем училище. Он использовал все возможности своего комбатства, связи и знакомства среди преподавателей и, будучи сам достаточно подготовленным офицером, «шел» на золотую медаль. (Обычно «давали» одну медаль на выпуск заочников, и он был первый кандидат.)

«Хлопцы, вот для чего нужен красный диплом или медаль вам?», – любил рассуждать на эту тему Хиль, придя к нам на самоподготовку. *«Во-первых, ваши начальники увидят, что выпускник – не дурак! Во-вторых, будет лучшая перспектива „роста“ по служебной лестнице. В-третьих, при поступлении в академию всего один экзамен сдавать будете. А все остальное – приложится. Диплом – первое дело, его начальники всегда смотрят. Как ты учился, такое к тебе и отношение будет»*.

Он заочно учился курсом старше нас, и обо всех своих успехах непременно сообщал народу, говоря о себе в третьем лице: *«Сегодня комбат сдавал тактику ЗРВ! Оценка – отлично!»* Приближались госэкзамены и желанная медаль, к которой Хиль шёл просто церемониальным маршем.

Но жизнь порой вносит свои коррективы в самые радужные планы...

Сдав два госэкзамена на «отлично», перед последним «госом» Хиль прибыл к нам на самоподготовку.

«Ну, хлопцы, завтра последний экзамен», – радостно поведал он. Мы выразили уверенность в хилевских силах и знаниях.

«Да и не в этом дело», – продолжил Хиль. *«Экзамен-то будет принимать мой друг, я его со своего училища знаю. Он мне „пятерку“ вообще ни за что поставил бы! Иду сейчас на встречу с ним!»* – хитро подмигнул нам

Хиль и убыл готовиться к последнему «госу».

Мы позавидовали его умению жить и «решать вопросы».

Госэкзамены – закончились, а Хиль вдруг пропал, не похваставшись нам своей последней «пятеркой». Вместо него неделю батареей командовал взводный Витя Скр. Ни на какие вопросы о судьбе Хиля он не отвечал.

Постепенно, окольными путями, мы уточнили картину произошедшего.

Хиль пришел на госэкзамен и начал бодро отвечать своему другу. Все бы было по плану, но на его беду, Хиля (как без пяти минут медалиста) решили поддержать Делегат с Председателем госкомиссии и припёрлись на экзамен.

Друг, при виде двух генералов, дал слабину и захотел показать себя высоко подготовленным преподавателем, начав задавать Хилю многочисленные дополнительные вопросы. Тут уж занервничал и «поплыл» Хиль, став путаться в ответах. Генералы захотели ему помочь (не зря же пришли!) и назадавали еще вопросов, окончательно запутав бедного Хиля.

Перепуганный друг вкатил Хилю «тройку» сразу в ведомость и в зачетку...

Хиль с горя на неделю запил.

Он появился опухший и мрачный. Никто про его фиаско не спрашивал: *«в доме повешенного о веревке не говорят»*...

Спустя еще неделю Хиль пришел к нам на самоподготовку.

«Ну, что хлопцы... Что самое главное для офицера?!» – начал он обычную беседу. *«Цвет диплома никакой роли не играет. На него и смотреть-то никто не будет. Главное – это опыт, умение работать с людьми, решать вопросы. А дипломы и медали никому не нужны!!!»*

Мы поняли, что Хиль сумел оправиться от удара судьбы. (И, действительно, он впоследствии заочно окончил академию тыла и транспорта, стал комдивом, и зампотылу училища).

Во взводе Хиля учился курсант Самашный, с которым было связано несколько забавных происшествий.

На первом курсе нас как-то взбудоражило происшествие: чем-то отравился Самашный. Его ночью отнесли в лазарет на носилках, в бессознательном состоянии.

«Несло его со всех щелей, как волка», – прокомментировал обстановку дежурный по батарее, чьи дневальные убрали следы ночного кошмара. Мы не знали, что и думать, опасаясь эпидемии чумы ли не чумы.

Хиль, прибыв на службу и узнав про «ЧП», сохранил олимпийское спокойствие. Не побрезговав заглянуть под заблеванную кровать Самашного, он дал команду построить батарею.

Затем, толкнув речь про «дружбу и войсковое товарищество» и против жлобства и скупердяйства, он продемонстрировал нам обглоданный скелет курицы. Оказывается, накануне Самашному пришла посылка, которую он и сожрал после отбоя в темноте и одиночестве под одеялом. Курица, видимо, протухла, и он ей «траванулся». *«Жадность фраера сгубила!»* – закончил Хиль свою речь точной блатной присказкой.

В другой раз Самашный отличился в увольнении. Он пошел в баню около Балтийского вокзала, и у него там спёрли черные армейские ботинки!!! Сконфуженный необычным происшествием банщик выдал Самашному свои белые тапочки в качестве компенсации ущерба. До электрички в училище было рукой подать, но Самашный решил купить форменные ботинки в военторге на Невском проспекте.

Стояла морозная зима, и комендантский патруль был немало поражен видом курсанта, следовавшего по главной улице города в шинели, шапке, полной парадной форме и ... белых банных тапочках.

«Доставать» Самашного с легендарной ленинградской гауптвахты на Садовой улице отправился Хиль. Выполнив задачу, он привез Самашного в батарею, вывел его перед нашим строем и минут 15 «разорвался» на тему того, что большего дурака в подчинении у него не было.

Но самую знаменитую историю про себя Самашный рассказывал сам.

Он долго ухаживал за какой-то девушкой и, наконец, решил на ней жениться (дело шло к выпуску, и у нас многие тогда срочно женились).

Купив цветочки и торт, он прибыл домой к любимой. Та (видимо, догадываясь о грядущей торжественной минуте) спровадила куда-то родителей и хлопотала на кухне. Самашный, вручив ей торт и цветы, отправился пока что в комнату, где был накрыт роскошный стол.

И тут – «случилось страшное»...

«Захотелось мне в этот момент со страшной силой пёрнуть», – рассказывал Самашный. *«Но где? Хрущевка, сортир рядом с кухней, если в нем – звук будет слышен на кухне, неудобно же!»*. Он мгновенно нашел выход. Из комнаты вела еще одна дверь, в смежную комнату. От кухни она была уже далеко...

Заглянув в комнату и увидев, что в ней темно, Самашный от души пёрнул несколько раз. Потом, сняв китель, помахал им в разные стороны, чтобы развеять полученный запах и вернулся в первую комнату к столу, с чувством выполненного долга.

Невеста, закончив накрывать на стол, села рядом. Стол был накрыт на четыре персоны. «Родителей ждем!» – догадался Самашный.

«Что-то ребят долго нет», – сказала невеста. «Таня, Вова, идите к нам!» – позвала она.

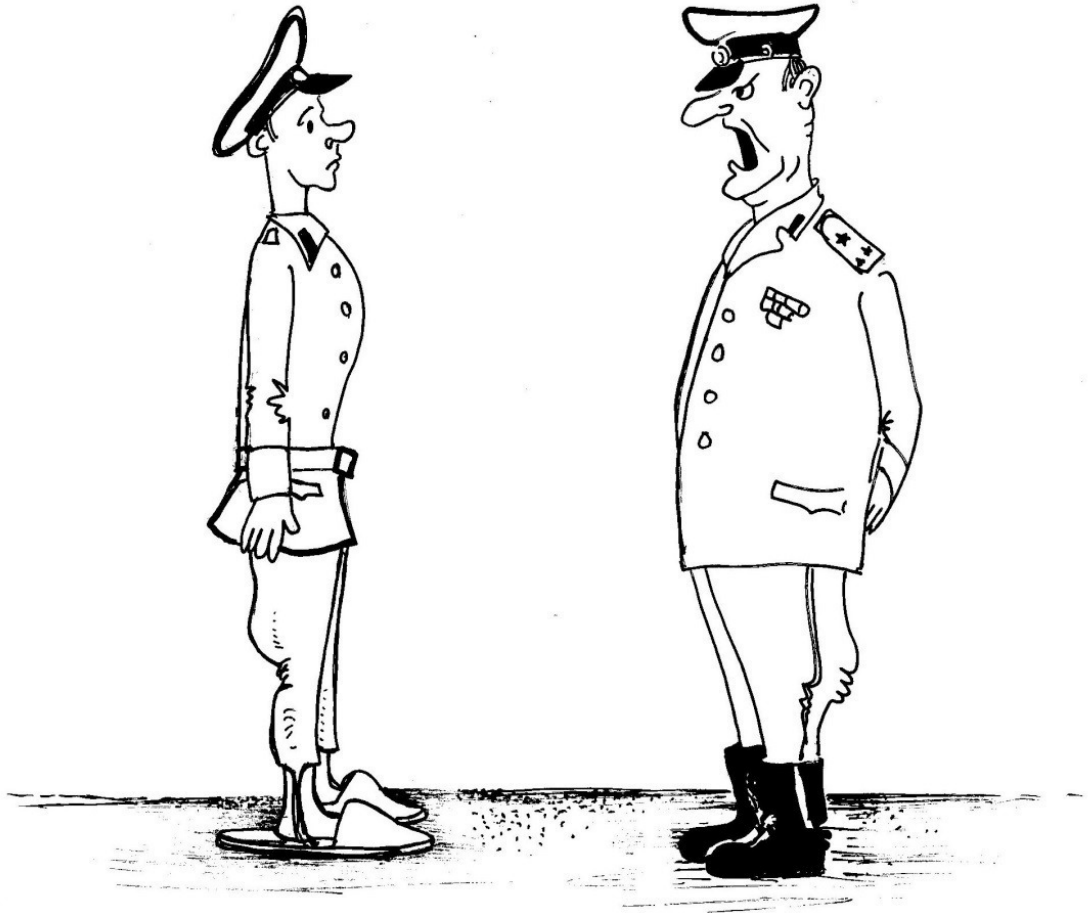
К ужасу Самашного, из смежной комнаты вышла подруга невесты со своим «бойфрендом», сгибавшиеся от приступов хохота. (Они, видимо целовались в темноте, не ожидая столь оригинального знакомства с перспективным женихом.)

«Я схватил фуражку и ботинки подмышку и убежал...» – печально заканчивал свой рассказ Самашный.

Поразительно то, что он несколько раз рассказывал эту историю нам, ища сочувствия и приговаривая: *«Вот невезуха-то!»* К невесте он больше не ездил. После выпуска Самашный загремел на Балхаш, и следы его затерялись.

Много лет спустя, уже учась в академии, я рассказывал эту историю товарищам на самоподготовке. Только все отсмеялись, как дверь аудитории открылась, и в комнату заглянул... сам Самашный, которого я не видел десять лет!!! (Как впоследствии выяснилось, он поступил в академию на заочное отделение и искал «своих».)

Вот и не верь после этого в случайные совпадения...

Чтобы разрядить ситуацию, я вспомнил про «Гордона» и предложил ухажерам выпить с нами «мировую». Они с радостью согласились и приняли по фужеру этой гадости.

Юшин, смиливший гнев на милость, инструктировал гостей: *«Как увидишь курсанта – так переходи на другую сторону улицы! Как увидишь кого вот с такой курсовкой (и показывал три пальца) – так БЕГИ! Понял?»* Все были понятливые, и мы расстались мирно, под их обязательство немедленно привести на расправу Слона. Ухажеры, конечно же, бесследно испарились.

Увлечшись праздником, мы поздновато вспомнили, что из-за дурацкой «общеполковой поверки» из увольнения надо прибыть на полчаса раньше. На электричках с пересадками – уже не успевали, пришлось ехать на перекладных. До Пушкина – на ментовском «уазике» (трое из нас при этом сидели в «собачнике»), потом – на каком-то автобусе. Настроение, несмотря на опасность опоздать, было великолепное, и для поднятия духа мы исполняли парадную присказку. Юшин, пародируя голос Хилья, командовал: *«Старший сержант Анциферов кричит РАЗ!!! А все остальные...»* – *«НОГУ!!!»* дружно орали мы в форточки «Икаруса».

В училище лезли уже через забор, и с небольшим опозданием влетели в казарму. По помещению метался разъяренный Хиль и гнал всех на плац, крича: *«Вакханалия! Понажигались, совсем совести ни у кого нет!»*.

Обнаружив, что на общем фоне выглядим неплохо, мы приободрились и двинули на плац, на пресловутую поверку.

Действительно, то ли из-за пережитого стресса, то ли из-за позднего отбытия в увольнение, но в тот день поднабрались почти все *«парадники»* дивизиона. В строю мы чувствовали себя весело, обмениваясь впечатлениями и «остроумными» репликами. Бедный Хиль с трудом удерживал публику в рамках приличия.

Пока шла перекличка, меня терзало любопытство, кто же вместо Комдивки будет докладывать Делегату.

Наконец раздался знакомый голос замполита: *«Смирно! Ровнение на середину!»*, и он неуклюже затопал к трибуне.

По рассказам очевидцев, в наступившей тишине я выставил руку из строя в его сторону и во весь голос радостно сообщил окружающим: *«О! Изюминка попиздюхала!»*, после чего первым задорно заржал.

Здоровый смех был поддержан всем коллективом дивизиона. Назад Изюминка возвращался под общий хохот, а Гиббон с трибуны отметил, что *«видно праздничное настроение парадного расчета»*.

Еще удачнее мы исполнили обновленный гимн. Настроение позволило его петь не только громче всех остальных дивизионов вместе взятых, но и быстрее на целый куплет...

Наутро слегка разочаровал Хиль. Он всегда отличался хорошим знанием практической психологии людей и цепкой хохлятской хваткой в бытовых вопросах. А тут выдал перед строем совершенно идиотское предложение: *«Тем, кто вчера был выпившим, добровольно отказаться от сегодняшнего увольнения»*.

«Выпившими» были практически все, но дураков – не нашлось. Хиль с досады наорал на Жиркова, который накануне был почти трезвым, и успокоился.

Комдивка запомнился нестандартным подходом к людям еще в самый первый день (точнее, поздний вечер) официального поступления в училище.

Всех поступивших (человек 400) построили на плацу. Надо было разбить нас на 3 батареи. Комдивка скомандовал: *«Кто учил английский – три шага, немецкий – два шага, французский – шаг вперед шагом МАРШ!!!»* Все шагнули, а Комдивка шел и считал нас в каждой шеренге: *«Первая, вторая, третья батарея!»*

Совсем было собрались мы на завтрак, и оттуда сразу же – на экзамен, как в казарму пришел Комдивка.

Он был отчего-то не в духе и, увидев нашу группу в парадной форме, принялся проверять прически. Это обещало почти катастрофу.

Комдивка признавал образцовой только одну прическу – модный ныне *полубандитский «полубокс»*. В описываемое время так постригали только ярких нарушителей дисциплины на гауптвахте.

Мы же старались, по моде, иметь чуть более приличную стрижку.

Комдивка с легким сердцем забраковал прически почти половины группы, приказав немедленно постричься. Стенания нашего замкомвзвода Шуры Керогаза, что нам пора на экзамен, еще больше его распалили. Он приказал вывести «нестриженных» из строя и переписать, сообщив, что лично проверит еще раз их внешний вид перед экзаменом. В число «штрафников» попал и я.

Комдивкина команда рушила все: схему «захода» на экзамен и наше настроение. Да и единственная парикмахерская открывалась только в 9 часов, и пока бы нас всех постригли...

Комдивка, еще раз наорав на Керогаза, закрылся в своем кабинете.

Дежурный Юра Тикицын приступил было к «переписи».

Нельзя терять было ни секунды. Человек 8 смельчаков, из «нестриженной» группы, бегом ринулись из второго этажа нашей казармы вниз по лестнице, стремясь затеряться в толпе своих товарищей и избежать экзекуции с подстрижкой и докладом Комдивке.

Но в дверном проеме первого этажа, спиной к нам, стоит Хиль, видевший комдивкину проверку. Он кого-то «воспитывал» на выходе, и мимо него было незамеченными не прорваться. Наверх – тоже пути нет. Оставалась одна дорога – через окно умывальника Первой батареи – на волю, смешаться с толпой, пока еще не все построились.

С топотом мы пронеслись мимо остолбеневшего дневального и влетели в умывальник Первой батареи. Как на грех, в канцелярии сидел, при открытой двери, Паштет, комбат-1. Он был подслеповат, но очки носить стеснялся (у первобатарейцев даже песня была на эту тему «Паштанов шарит осторожно по прическе...»).

Услышав топот, и не разобрав сослепу, кто это вбежал в казарму, Паштет стал выкрикивать из канцелярии: *«Быстренько все сюда! Быстренько!!!»*, полагая, что его подчиненные не посмеют ослушаться. Но мы уже прошли «точку возврата» и, зная, что нас ждет в случае поимки, лихорадочно рвали перекошенные рамы окон.

Паштет, продолжая орать все более грозно: *«Я кому сказал, быстренько все сюда!»*, направился в умывальник, понимая, что происходит что-то невероятное. В это время окно открылось – и человека 4 успели спрыгнуть с подоконника вниз. Ворвавшийся Паштет поймал Мишу Федотикова в момент прыжка буквально за штаны и задержал тех, кто не успел выпрыгнуть.

Хиль, привлеченный шумом и криками, тоже ушел из двери внутрь помещения, а мы, обежав казарму, незамеченными растворились в толпе, из которой наш старшина Зуб стал формировать строй батареи.

Задержанных потащили наверх стричь, а мы готовились отправиться завтракать и следовать потом на сдачу экзамена.

Но история на этом не закончилась.

Сначала на плац выскочил раздосадованный всем этим происшествием Паштет. Его Первая батарея строилась неподалёку от нашей.

Паштет набросился на Зуба и потребовал назвать тех, кто только что вбежал в строй нашей батареи. Надо отдать должное Зубу, он не дрогнул и не выдал нас.

Тогда Паштет переключился на своих охламонов и сделал замечание курсанту Быкову («Быне») за «разговорчики в строю». *Быня* неожиданно огрызнулся. Паштет разозлился уже

не на шутку, вывел Быню из строя и начал «драть» его всерьёз. Дело пахло пятью нарядами вне очереди, если не арестом.

Надо отметить, что Быня был суворовцем («кадетом» в просторечии).

В нашей группе учился Серёга Полев (партийная кличка «ОбурЭл»), тоже «кадет», заканчивавший одну «кадетку» с Быней.

В *Обурэле*, видимо, разыграло кадетское братство, и он решил поддержать своего товарища: «*Быня, пошли его на хер!*» – посоветовал он из нашего строя.

Хотя эта фраза была сказана Обурэлом вполголоса, но слух у подслеповатого Паштета оказался отменным.

«Кто сказал: „*Быня, пошли его на хер!*“? *КТО???*» – обратился он к нашему строю звенящим от гнева голосом. Обурэл благоразумно молчал. Паштет ещё пару раз повторил свой сакраментальный вопрос, взывая к смелости заявителя, но безуспешно.

«*Заяц!!! Трусливый заяц!!!*» – выдал Паштет своё резюме. Потом он вернулся к своему стою, «*ввалил*» Быне пять нарядов на службу и повёл батарею на завтрак.

Зуб ядовито поинтересовался, глядя на Обурэла: «Все высказались? Ещё есть желающие выступить?!» – и тоже повёл нас на завтрак...

Из казармы вслед нам доносились вопли Хиля: «*Вакханалия!!! Пануасы!!!*» – это он драл наших, пойманных Паштетом, «не стриженных» товарищей.

Благодаря Комдивке всем им сделали вместо причёски – отменные «*шайбы*», накануне отпуска. Когда они, проверенные лично Комдивкой, прибыли, в конце концов, на экзамен, мы не смогли удержаться от смеха и дружеских подначек.

Изюминка

Замполитом нашего дивизиона был подполковник Жадров Виссарион Николаевич. Его кабинет располагался прямо у нас в казарме, и постепенно все его причуды и привычки стали нам известны. Фигура была колоритная, килограммов сто двадцать весом, разговаривал трубным басом, с характерным вОлОгОдским акцентом. Особую радость всему дивизиону доставляли иногда проводившиеся с офицерами строевые занятия. Нас выгоняли с плаца на это время, но окна казармы выходили на него, и вид пузатого Жадрова, пытавшегося изобразить строевой шаг и приёмы, доставлял всем курсантам минуты незабываемого счастья.

Дело в том, что замполит был из «пиджаков», окончил в своё время какой-то провинциальный институт культуры, стал «двухгадюшником», а потом остался в кадрах. Это прошлое наложило неизгладимый отпечаток на его строевую подтянутость. Галифе он почему-то не носил и в случае строевых занятий заправлял в сапоги обычные «прямые» брюки. В ходе шагистики они обычно «вылезали» из сапог и добавляли шарма к его комичным телодвижениям на плацу.

На кителе он гордо носил два «ромбика» о высшем образовании, и мы поначалу принимали его чуть ли не за «профэссора». Однако быстро выяснили, что один «ромбик» означал успешное окончание вышеупомянутого института культуры, а второй (с профилями К. Маркса и В. Ленина) свидетельствовал о том, что Виссарион осилил двухгодичный вечерний «университет марксизма-ленинизма». В армии этот ромбик называли: «Школа двух дедушек».

Сначала мы именовали замполита «Неистовым Виссарионом» (в память Белинского), но этой кличке он соответствовал мало, так как обладал флегматичным темпераментом и целыми днями просиживал безвылазно в своём кабинете.

Новое своё имя Виссарион получил в ходе нашей первой зимней сессии.

Встречая прибывающую с экзамена группу, он каждый раз спрашивал замкомвзвода: «КакОй экзамен сдавали?»

«Высшую математику», – звучало в ответ.

«МОлОдцы! Высшую математику сдать — это не фунт изюма съесть», – ненавязчиво шутил замполит. Экзамена было два (математика и электротехника), учебных групп в дивизионе – двенадцать. После того как все группы по два раза прослушали эту глубокую мысль, кличка «Изюминка» прилепилась намертво.

Обычно прибыв утром в кабинет, замполит в нём затворялся и спал сидя за столом до обеда. Потом дверь открывалась и заспанный Изюминка через полказармы со вкусом декламировал для стоящего на «тумбочке» курсанта: «Дневальный!!! Принеси МНЕ хОрОшую сигарету!!!»

И такая задача повторялась им раза два-три за рабочее время. Поначалу ему действительно искали что-нибудь болгарское с фильтром, потом стали давать что попроще, типа «Примы» или «Беломора», а затем он заслуженно получил репутацию «стрелка», которых не жаловали, и давать закурить ему вообще перестали: «У самих ничего нет, товарищ подполковник!» Окончательно его репутацию в этом вопросе подмочила история, случившаяся с Вини.

«Стою я на тумбочке, – рассказывал Вини, – а тут высовывается из своей берлоги Изюминка с обычной задачей насчёт «хОрОшей сигареты». «Да нет у нас, – отвечаю, – сами стреляем». Ладно, закрылся, затих. Минут через десять снова открывается дверь, он опять высовывается, а в руке вот такусенький «хабарик!» Тут Вини демонстрировал, что в том хабарике было от силы пять миллиметров. И говорит он мне: «На! ВинниченкО! ДОкури!!!» (Надо отметить, что «докуривать» за кем-то у нас было, вообще, не очень принято.)

Вини отвечает: *«Да я не курю, товарищ подполковник».*
«Ну, тогда – выбрОси!!!»

История стала «притчей во языцех», и акции Изюминки в общественном мнении сильно пошатнулись.

Как-то к нему приехал старый приятель, и они, запершись в кабинете, тихо поддавали. Когда «дошли до кондиции», стали вспоминать минувшие годы, и Изюминка начал ностальгировать: *«А помнишь, в Пушкине служили?! Вообще, ни хера не делали!!! А тут – бумаги! Бумаги!!!»* – и начал подкидывать какой-то листок, завалившийся на столе среди закусок. Свидетель этой сцены Рома (исполнявший обязанности писаря у Хиля и заодно у Изюминки, лично сочинявший все эти «Бумаги! Бумаги!») был очень обижен. «Да он в этих бумагах только расписывается!» – бурчал Рома, вспоминая чёрную неблагодарность «Неистового Виссариона».

Однако у него была одна способность, компенсировавшая, в глазах начальства, все его недостатки. Он имел феноменальное чутьё на спиртное и видел бутылки буквально сквозь все портфели и сумки в радиусе досягаемости своего взгляда. Об этом мы знали и обходили Изюминку в эти критические моменты десятой дорогой.

Наиболее громкий успех его на этом поприще случился на 3-м курсе с поимкой много-страдального Артуши.

Дело было так: на «Ленинский коммунистический субботник», который обставлялся в училище с подобающей тому времени помпезностью и серьёзностью, нашу батарею почти в полном составе отправили на Кировский завод, где мы и наводили, в основном, порядок на территории. Группа «подвальных деятелей», в которую затесался и Артуша, была оставлена в казарме для ремонта стульев и прочих хозяйственных работ. Почти все офицеры дивизиона уехали на Кировский с нами, и контроль за теми, кто остался проходить «Школу коммунизма» в казарме, был ослаблен. Конечно же, возникла идея слегка отметить славный субботник, и Артуша вызвался «слетать» в Горелово за вином. Народ скинулся, и Артуша отправился в путь. На обратной дороге, сгибаясь под тяжестью огромного портфеля, в котором он нёс без малого ящик «Агдама», курьер был замечен и мгновенно расшифрован узревшим его Изюминкой.

«Что несёшь, Хайзуллин?» – приветливо обратился к Артуше Изюминка.

«Пирожки...» – ляпнул первое, что пришло в голову, Артуша упавшим голосом.

«Ну, открывай портфель, я тоже попробую...»

В результате, к моменту нашего прибытия с Кировского завода «курьер» уже сидел на гауптвахте, а вино было хищно конфисковано торжествующим Изюминкой. «Сам, сволочь, небось, всё наше вино выпил», – с болью в голосе вспоминал потом эту ситуацию пострадавший.

Сцену допроса Артуши по этому «залёту» опишем в главе, ему посвящённой.

Надо сказать, что, так же по вине Изюминки, на гауптвахте уж совсем безвинно оказался тишайший и добрейший «кадет» Миша Семикозлов. Это было на самом закате карьеры Виссариона Николаича, и от этого вдвойне обидно для Семикозлова, который не мог забыть такой пакости от замполита до конца учёбы.

Взвод был в наряде по кухне, а, учитывая, что мы уже были третьекурсниками, отношение к службе у всех было уже слегка расслабленное.

В столовой имелось две посудомойки: нижняя, где мыли посуду после приёма пищи одним дивизионом (350 едоков), там работало два мойщика, и верхняя посудомойка, где приходилось мыть посуду за тремя дивизионами (более 1000 столоующихся), а значит – соответствующее количество тарелок, мисок, кружек, ложек, вилок, а также бачков, чайников и прочей утвари. Делать это полагалось в трёх огромных чанах с горячей водой, мылом и так далее. Работало там пять «мойщиков» из состава наряда и без дела никто не скучал, а по окончании

мойки все были мокрые буквально с головы до ног. За это и за обилие воды верхняя мойка носила наименование «*Балтика*» и заслуженно считалась одним из самых тяжёлых нарядов. Изюминка, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления.

В ходе несения службы, Ефрейтор Юрьев заспорил о чём-то с дежурившим по столовой прапором, дело быстро дошло до взаимных неллицеприятных личных характеристик. После обмена «любезностями» прапор почувствовал, что его начнут бить, и бегом покинул «дискуссионную площадку». Ефрейтор осуществил энергичное преследование и дважды метал вдогон улепётывающему прапору швабру, но не попал, о чём потом искренне сожалел.

Прапор, бежав с поля брани, доложил об инциденте дежурному по училищу, и для усмирения наряда в столовую был срочно вызван Изюминка. На свою беду первым, кто попался на глаза прибывшего в столовую с карательной экспедицией Изюминки, был Миша Семикозлов.

Он только что закончил мыть гору посуды, был мокрый и усталый. Миша понятия не имел ни о каком скандале, мирно курил, предвкушая душ и последующий отдых.

«*Товарищ курсант, вы откуда?*» – грозно спросил у него Изюминка.

«*Балтика!*» – с чувством выполненного долга отвечивал Миша, дивясь явлению Изюминки на кухню, который на ней никогда ранее замечен не был.

Замполит слабовато знал в лицо своих курсантов, но был уверен, что такой фамилии в дивизионе нет.

«*Вы Откуда, тОварищ курсант?!*» – ещё более грозно спросил он у Семикозлова.

«*Балтика!!!*» – рявкнул изо всех сил Миша, решив, что Изюминка стал глуховат к своему «дембелю».

«*Как стОишь перед зам. пО пОлитчасти?! Хам!!!* – заревел Изюминка не своим голосом. – *Трое сутОк Ореста!!!*» – и прямо из кухни несчастный Миша был направлен в камеру гауптвахты.

Самое смешное в этой истории, что, арестовав безвинного Семикозлова, Изюминка напрочь забыл об инциденте с метанием Ефрейтором Юрьевым швабры в прапора и убыл в казарму с чувством выполненного долга.

Другим неожиданно пострадавшим от инициатив Изюминки стал наш Андрюша Коновалов. На третьем курсе нам предстояло совершить марш-бросок на двенадцать километров в составе дивизиона. Само по себе мероприятие было малоприятным: бежать такую дистанцию в сапогах, с карабином СКС (весом в четыре с лишним килограмма), с противогазом и подсумком никому не доставляло особого удовольствия. Но надо – так надо.

Когда мы построились на плацу для последней проверки перед стартом, из казармы вдруг вышел Изюминка. Он собственноручно тащил лист фанеры размером метр на полтора, к которому была привязана «волосатая» верёвка так, чтобы его можно было надеть через плечо.

«*ЭтО – пОхОдная ленинская кОмната!*» – сообщил он потрясённому строю, после чего вручил фанеру Хилю, заявив, что её надо взять с собой на марш-бросок. Видимо, подразумевалось, что в перерывах марш-броска мы будем выпускать «боевые листки» и вывешивать на этой фанере.

Хиль приказал нести этот дар Изюминки Андрюше Коновалову.

Хуже всех на этом марш-броске досталось бедному Андрюше. Изюминковская фанера била его по спине и заду все двенадцать километров марша. От постоянного трения фанерой и верёвкой на бегу появились дыры в его противогазовой сумке и гимнастёрке. Чтобы не колотить этой фанерой товарищей, ему пришлось бежать сзади строя, и «походная ленинская комната» Изюминки развевалась за ним на бегу, как бурка за Чапаевым в ходе знаменитой атаки на беляков.

Когда мы вернулись на плац, первое, что сделал Андриюша, – закинул в канаву чёртову «походную ленкомнату». Изюминка был очень недоволен этим и что-то сердито выговаривал Хилю.

Рассказ об Изюминке будет неполным без ещё одной легендарной истории. В 21-й группе нашей батареи было два друга – Юра Солопов и Вова Мельник. Солопёнок имел рост 155 сантиметров, субтильное телосложение, а кроме того обладал удивительным дефектом речи: вместо «Л» у него получалось «Р» и наоборот, сверх этого он не выговаривал свистящих, шипящих звуков и добрую половину букв русского алфавита. Свою фамилию он произносил: «*СоРопов*», а вместо «Товарищ полковник» у него всегда выходило «*ТоваЛиц поРковник*». Все его так и звали «*ПоРковник*». Мельник имел 190 сантиметров роста, гренадёрскую выправку и ничем не выделялся, кроме прилепившейся к нему клички «*Глист*». ПоРковник и Глист дружили, а со стороны порой было забавно видеть новоявленных Пата и Паташёна.

В один прекрасный день оба друга угодили в наряд дневальными...

Прибыв в казарму к обеду, мы обнаружили, что весь наряд был снят с дежурства. Вышло вот что: утром, после убытия батареи на занятие, дежурный сержант встал на тумбочку, а друзья отправились убирать умывальники и туалеты обеих взводов. Надо сказать, что они располагались в противоположных сторонах казармы. Солопёнок первым закончил «водные процедуры» и вышел на улицу покурить и отдышаться. Глист, справившись с уборкой своего санузла и увидев, что дежурный всё ещё на тумбочке, отправился в дальний сортир навестить друга, который, по его мнению, всё ещё валандался с уборкой.

Войдя в сортир, он обнаружил, что одна кабинка занята, и решил подшутить над приятелем.

«*Сидишь, ПоРковник?!*» – заорал он, стукнув по закрытой дверце ногой.

«*Сижусь*», – угрюмо ответил действительно сидевший над очком в позе горного орла Изюминка, решивший, что попозже надо будет сделать «втык» Глисту за столь фамильярное обращение к нему.

«*Ну, сиди!!!*» – ухмыльнулся Глист и закрыл дверцу кабинки **снаружи**.

Важно отметить, что защёлка была приделана на совесть, а достать до неё с внутренней стороны, «через верх», было невозможно.

Глист с чувством выполненного долга отправился менять дежурного на «тумбочку» и радостно слушал доносившиеся из дальнего туалета невнятные вопли и проклятия, предвкушая, как он посмеётся, когда освободит друга из сортирного заточения...

Первым он увидел Солопёнка, вернувшегося с улицы после перекура...

«*Кого же я запер?!*» – в ужасе успел подумать Глист, и в этот момент взбешённый Изюминка выбил, наконец, сортирную дверку и вынесся на оперативный простор казармы, оглашая помещение разъярённым воем и пылая жаждой мести...

Самое трудное для Глиста потом было доказать Изюминке, что обращение «*Сидишь поРковник?*» относилось не к нему, а к Солопёнку. Изюминка так в это и не поверил. «*Не бывает таких кличек!!!*» – разорвался он на глистовский «жалкий лепет оправдания».

Уже после отсидки «на губе» Глиста долго вызывали на допросы в кабинет Изюминки. «*Политику мне шьёт*», – мрачно отвечал Глист на расспросы друзей.

В итоге всё для него обошлось, а его «подвиг» вошёл в золотой фонд баек нашего дивизиона.

Артуша

Там, где партия – там успех, там победа!

Л. И. Брежнев.

Отчётный доклад XXV съезду партии.

(Популярная фраза офицоза 1970—1980 гг.)

Там где Артуша – там залёт!

Народная примета, аксиома.

(Истина, не требующая доказательств)

Курсант Артур Тамерланович Хайзуллин учился в нашей группе, и благодаря своей поразительной способности «влипать» во всевозможные истории быстро завоевал широкую известность. Он «залетал» в наряде и увольнении, на хозработах и лекциях, в строю и на отдыхе, по поводу и без повода. Артушу драли командиры и начальники всех степеней, начиная от командира его отделения Толика Улогая, который при упоминании фамилии «Хайзуллин» делал плаксивое лицо и начинал причитать со скорбной интонацией: *«Опять ты, Хайзуллин, ну сколько можно тебе говорить, ну всегда ты залетаешь...»* – что, впрочем, мало помогало.

«Воспитывали» Артушу за различные прегрешения и большие начальники – Делегат, Гиббон, Комдивка, Изюминка, Хиль и даже Особый отдел училища, – но всё с «нулевым» результатом. Больше всего от такого «дара» Артуши страдал его сосед по койкам и ближайший приятель Валерий Рудольфыч. Они были немного похожи – оба блондины, круглолицые, примерно одного роста и телосложения. Я, да и многие ребята их легко различали с самого начала учёбы. Но не все...

Толя Улогай, будучи командиром отделения, научился их различать к концу первого семестра (да и то постоянно путал).

Комвзвода Жора – через год учёбы, Веня Грабар – так за два года своего «комбатства» так и не смог их различить и на всякий случай «драл» обоих с особой свирепостью, именуя «Хайзуллиным» и Рудольфыча, чтобы не ошибиться. Валера очень переживал по поводу такого неудачного сходства с Артушей...

Уже на 4-м курсе у Валерия Рудольфыча родился сын, и он был отпущен по такому случаю в краткосрочный отпуск. Спустя положенное время, Рудольфыч возвращался из этого приятного отпуска в родную казарму в великолепном настроении. Мы (человек пятнадцать его приятелей по совместной четырёхлетней учёбе) стояли в курилке. Кто-то зоркий издали увидел улыбающегося Рудольфыча, и все стали издали ему радостно кричать и поздравлять, предвкушая положенный от молодого отца магарыч.

Тут Цыпа (старший сержант Анциферов), все время проживший с нами в одной казарме и несчётное число раз ходивший в наряды, увольнения и так далее решил сделать ему приятное: *«Как сына назвал, Артур???»* – приветливо заорал он.

Улыбка мгновенно слетела с лица Валеры, и он молча проследовал мимо нас, не здороваясь и не говоря никому ни слова.

«Чего это с Артуром?» – снова удивился Цыпа. И ещё больше удивился, когда мы его обложили последними словами и сообщили, что это вовсе не Артур.

Так их и путали все четыре года.

Зная за Артушей талант к «залёту», народ стал его сторониться, чтобы не «вляпаться» за компанию. Родилась поговорка, поставленная в эпиграфе, которая его, кстати, очень расстраивала.

Важно отметить, что когда Артушей овладевала какая-либо идея (что случалось регулярно), его глаза загорались характерным «безумным блеском» и остановить его было так же сложно, как *сдержатъ «бегущего бизона и поющего Кобзона»*. «Безумный блеск» в Артушинных очках пропадал только после очередного «залёта».

У Тамерланыча «в миру» было два «почётных наименования»: *Артуша* (которое ему нравилось безусловно) и *АРТУ – ИМА* (Автоматизированный Радиотехнический Узел – один из видов техники, стоявший на вооружении РТВ). Этот «позывной» Артуша не любил.

Я только один раз, и то случайно, изменил правилу: держаться от Артуши подальше. И вот что из этого вышло.

Мы готовились к сдаче Спецкурса №3 (техника РТВ). Объём материала был очень большой, вся информация – секретная. Обычно готовились к таким экзаменам группами по четыре-пять человек. Один вслух читал конспект и «тащил» сигнал по схеме, остальные – слушали и кратко обсуждали. В группу, где я «солировал» затесался и Артуша, напрочь никаких конспектов не писавший, так как он предпочитал мирно спать на лекциях.

Избавиться от него не удалось, и нарушение основополагающего принципа сосуществования с Тамерланычем (как можно дальше от него) дополнительно отравляло и так нервную ситуацию с подготовкой. Надо сказать, что мирно сидеть и слушать Артуша был не способен в принципе. Он постоянно вскакивал, уносился в другие группки, спонтанно возвращался, одержимый какой-то проблемой, в общем, был в своём репертуаре.

На беду, параллельно нам готовилась к этому же экзамену группа из 3-й батареи, в которой учился Артушин друг, носивший кличку Альфонс.

(Альфонс был знаменит на весь дивизион своим детородным органом невероятных размеров, поглазеть на который в бане обычно собирались любопытствующие.)

Так вот к нему регулярно и бегал Артуша «набраться знаний». Мы только радовались его отлучкам, так как в эти минуты можно было спокойно позаниматься.

Альфонсова группа сдавала на день раньше нас, и Артуша считал своим долгом держать нас в курсе событий у друга.

«*Альфонс пойдёт на „свой“ билет*», – торжественно оповестил он нас. (Для особо «подготовленных» курсантов взводные и комбаты, присутствовавшие на экзаменах, иногда умудрялись «подсвечивать» несколько билетов.) Значит, повезло и Альфонсу.

Мы посоветовали Артуше порадоваться за приятеля и продолжить подготовку.

«*Альфонс учит „свой“ билет!!!*» – чуть позже с нескрываемой завистью сообщил АРТУ-ИМА. И так повторялось раза три накануне альфонсовского экзамена...

Наутро была сдача альфонсовской группой экзамена.

«*Альфонс взял свой билет!*»

«*Альфонс готовится отвечать по своему билету!*»

«*Альфонс отвечает по своему билету!*» – восторженно оповещал нас Артуша каждые пятнадцать минут, изрядно раздражая и нервируя. Советы «заткнуться» не помогали, АРТУ находился в эйфории от успехов друга.

Спустя час, как гром среди ясного неба, прозвучали слова печального Артуши: «*Альфонс взял ВТОРОЙ билет!!!*»

Итогом эпопеи была заслуженная «двойка» у Альфонса. У нас же было всё – впереди.

Стояло лето, жара. Вечером, накануне экзамена, сидя в казарме, перед сном мы обсудили духоту. Между прочим, кем-то было высказано мнение, что в такую погоду неплохо бы и искупаться. Я тоже поддакнул этой идее, дескать, неплохо-то неплохо, но...

Мыслями мы все были уже на экзамене, и никто всерьёз про купание не думал. Кроме одного человека...

Ночью я проснулся оттого, что меня кто-то энергично тряс.

«*Вставай, наши все уже встали!*» – открыв глаза, я увидел над собой безумный блеск Артушиных глаз.

С ужасом пытаюсь вспомнить сквозь сон, когда это я умудрился загреметь с Артушей в один наряд и не могу.

«*Куда вставать?! Ты что, офонарел?! Утром экзамен!!!*» – вдруг осеняет меня.

«*Купаться договаривались! Наши все уже встали!*» – отвечает Артуша и бросается будить спящего Сил Силыча, который отвечает ему своим коронным традиционным приветствием: «*Чё надо? Пиёл на хер!!!*» – однако это не помогает, Артуша и мёртвого поднимет, коль ему втемяшится что-то.

Оглядываю кубрик: человек восемь сидят на койках, очухиваясь ото сна и не проявляя особого энтузиазма поддерживать Артушино начинание.

Ещё не поздно «послать» чёртова АРТУ и завалиться досыпать. Но Артуша – неудержим.

«*Да вы чо?! Договаривались же ночью идти на бассейн купаться!*»

Совершенно не припоминаю такого разговора и договора, но тут уже кто-то поддакнул АРТУ, и идти «в отказ» – значит струсить в глазах остальных. Приходится вставать, надевать тапочки, брать полотенце и, шаркая ногами, тянуться к выходу, мысленно проклиная и себя, и Артушу.

Он радостно наматывает круги вокруг нашей полусонной процессии, необыкновенно счастливый и гордый собой: «*Щас окунёмся, с дежурным я уже договорился, Юра не выдаст.*»

Вспоминаем, что дежурный по батарее младший сержант Тикицын бздиловатый и ненадёжный.

«*Заметут, век воли не видать, заметут*», – вспоминается фраза из «Джентельменов удачи».

Выходим на улицу. Два часа ночи, свежо, градусов пятнадцать – не больше, дует холодный северный ветерок, светло как днём. Краткая дискуссия пресечена энтузиазмом АРТУ и его воплями: «*Идём!!! Мы же договорились!*»

Идти далековато, километра полтора, мимо свинарника на самый край территории училища. Наконец, пришли. Открытый бассейн окружён высоким (метра четыре) сеточным забором, через который ещё надо перелезть. По водной глади гуляет довольно внушительная свинцового цвета волна. Все замёрзли, купаться уже никто не хочет. Забор форсирует один Артуша, прыгает в воду и тут же вылезает.

Кроя его последними словами, бесславно направляемся в казарму. Задубевший от воды и ветра, АРТУ даже не отругивается.

Навстречу бодро катится Тикицын: «*Там Жора с проверкой пришёл, вас ищет.*»

Жора – сроду никогда после отбоя в казарму не хаживал, тем более в полтретьего ночи.

Заложил нас ему Тикицын с перепугу. Сказав ему вкратце, что о нём думаем, направляемся в казарму, на встречу с Жорой.

Срочно нужна хоть какая-то «легенда прикрытия». Уйти самовольно купаться, да ещё ночью – грубейшее нарушение, Жора всем ввалит так, что мало не покажется.

Меня осеняет: «*Скажем, что ходили в сортир ДОУПа, так как Тикицын не пустил в вымытый туалет в казарме.*» («Наш ответ Чемберлену» заодно.)

С нами Ефрейтор Юрьев, к которому Жора благоволит, и это даёт мизерные шансы на успех этой версии отлучки.

Взятые «для купания» вафельные полотенца компрометируют версию, мы засовываем их сзади в синие армейские трусы (в которых и осуществлялся поход).

Тикицын нас строит при входе и докладывает Жоре о прибытии отсутствовавших.

Жора (морда красная, «беломорина» в зубах, злой с похмела и от недосыпа) тянет любимое: *«Та-а-ак, не понял... Где болтались?!»* Наш вид в майках, трусах и тапочках никак не соответствует облику самовольщиков, и он в некотором недоумении.

Ефрейтор Юрьев: *«В туалет на улицу ходили, товарищ капитан!»*

Жора: *«Та-а-ак, не понял... Вам что двух своих сортиров в казарме мало, что ли?!»*

Ефрейтор «наносит ответный удар»: *«Това-а-арииц капитан, нас в них Тикицын не пустил, говорит, что уже вымыты они».*

Потрясённый Тикицын временно теряет дар речи и смотрит на нас, как баран на новые ворота.

Жора: *«Идите пока спать, завтра всех накажу!»*

Мы обрадованные, что так легко отделались, попрыгали в койки и радостно слышали, как Жора материл Тикицына.

После экзамена нам всем дали от Жоры по три наряда вне очереди.

Больше я с Артушей не связывался ни под каким видом.

Одним из самых знаменитых залётов АРТУ была история с организацией коллективной (!) пьянки на Всесоюзном Ленинском Коммунистическом Субботнике (!!!), о которой вкратце говорилось в главе «Изюминка».

После отсидки Артушей законных пять суток ареста встал извечный русский вопрос *«Что делать?»*.

Лучше всего ситуацию сформулировал Хиль в своей речи на комсомольском собрании, посвящённом разбору Артушиного деяния: *«Хайзуллин! По всем срокам тебя надо в партию принимать, конец третьего курса уже. А по правилам – надо из комсомола исключить и из училища выгнать».*

Надо сказать, что к моменту «подвига на субботнике» АРТУ уже имел два строгача с занесением по комсомольской линии и, как в известном анекдоте, уже полагалось *«Гнать его из этого грёбанного комсомола!!!»*

Но перед этим собранием был допрос с пристрастием в кабинете Изюминки. Кратко о нём.

«Вызывает меня Изюминка», – рассказывал Артуша с тоской в голосе. – Как в гестапо, настольную лампу мне в лицо направил, и давай орать: *«Ты мне в карман насрал!!! (Как даст кулаком по столу!!!) Признавайся, кому нёс вино? Всех спОить хотел? Школу коммунизма разрушить! В глаза мне смОтреть!!!»* И по новой, как даст кулаком по столу: *«Ты мне в карман насрал!!!»*

В общем, «шил» ему Изюминка организацию аполитичной групповой пьянки в такой светлый день, да ещё и самоволку (вино-то на территории училища не продаётся). Пахло серьёзными проблемами.

АРТУ героически держался первоначальной безнадёжной версии, дескать, нёс всё для себя и пил бы все восемнадцать бутылок потихоньку вечерами в одиночку, если бы не бдительность замполита.

Убедившись, что наскоком Артушу не сломить, Изюминка сменил тактику «допроса».

«Так, Хайзуллин. Не хочешь, значит, гОвОрить мне, представителю нашей ленинскОй партии, правды. Буду делать тебе ОчнуЮ ставку с сОбутьельниками. Стань в угОл и мОлчи, пОка не разрешу гОвОрить, пОнял?» Артуша обречённо встал в угол.

По вызову Изюминки в кабинет прибыл Юра Басков, старший в подвальном хозяйстве.

«Вот что, БаскОв, – задумчиво начал Изюминка. – Тебя От исключения из училища мОжет спасти тОлько чистая правда. Хайзуллин раскОлОлся!!!»

«Ничего я вам не говорил», – обиженно прогудел из своего угла Артуша.

«Ты всё испОртил!!! Ты мне Опять в карман насрал!!!» – заревел Изюминка.

В итоге допрос кончился ничем. Перефразируя известный штирлицевский анекдот: *«Артуша стоял на своём. Это была любимая пытка Изюминки»*. С той поры АРТУ стал Изюминке личным и злейшим врагом...

Вернёмся на уже упомянутое собрание, так удачно открытое Хилем.

«Давай договоримся, Хайзуллин», – продолжил «мягко стелить» хитрый Хиль. – Скажешь правду перед лицом товарищей – простим, не скажешь – выгоним из комсомола и училища заодно». Ситуация была патовая. АРТУ крепился из последних сил.

Хиль: «Ты в самоволку бегал за вином?»

АРТУ (перед лицом товарищей (!!!): «Нет, подошёл ко 2-му КПП (там забор из кованой решётки), дал денег мужику, попросил сбегать за вином, он и принёс.

Хиль: «Что же ты, незнакомому мужику столько денег отдал?!»

АРТУ: «А мы с ним познакомились...»

Хиль: «И как мужика звали?»

АРТУ: «Вася...»

Апофеозом экзекуции был момент, когда Хиль начал пофамильно перечислять всех известных ему Артушиных друзей и требовать ответа, стал бы тот или иной пить Артушино вино. АРТУ каждый раз говорил, что нет, так как данный товарищ непьющий в принципе, а Хиль подвергал его ответы всё большему сомнению и грозил полным остракизмом за неискренность перед товарищами. Ситуация накалилась до предела.

«Ладно, Хайзуллин, а Баннов стал бы пить???» (Надо сказать, что до этого Баннов пару раз залетал с пьянкой, и стандартные предыдущие Артушины доводы о его непримиримости к пьянству тут явно не проходили.)

Артуша почувствовал хилевскую ловушку и просветлел лицом: *«Нет, не стал бы!!!» – твёрдо и искренне ответил он Хилю.*

«А почему, тоже непьющий?» – изумился Хиль.

«А он денег не сдавал!!!» – сказал Артуша голосом Павлика Морозова.

Когда Хиль немного успокоился и смог говорить, он закрыл собрание, пообещав Артуше *«подумать над его судьбой»*.

Через два месяца мы принимали Артушу кандидатом в члены партии.

Рассказ о нём будет неполным, если не вспомнить печальную историю с порнографическим журналом, припёртым им со стажировки.

Отметим, что в «годы застоя» увлечение порнографическими картинками, да ещё западного происхождения, не приветствовалось, мягко говоря, и пресекать это был обязан Особый отдел.

Артуша, проводивший зимнюю стажировку на полигоне Ашулук, ухитрился познакомиться с кем-то из стрелявших там представителей «братского соцлагеря» (немцами или чехами) и выцганить у них роскошный порнографический журнал, который он торжественно привёз в родную казарму.

Сразу же по прибытии, АРТУ начал демонстрировать чудо западной полиграфии всем желающим. В бытовку (где Артуша проводил «презентацию») битком набились курсанты, и очередь в неё тянулась через полказармы.

Артуша, в перерывах показов, рассказывал народу, каких трудов ему стоило добыть сей раритет. Глаза его горели безумным блеском, и советы быть поосторожнее он просто игнорировал. Артуша был герой дня.

Вечером, убыв в увольнение, АРТУ отвёз чудо-журнал домой к невесте.

На следующий день прямо с первой лекции Артушу срочно вызвали в штаб, в один из неприметных кабинетов. После короткой беседы с чекистами был вызван их «уазик», и Артуша в сопровождении «бойца невидимого фронта» убыл на нём в краткосрочную командировку домой к невесте за журнальчиком. Развратную продукцию из семейного гнезда изъяли. Артуша никогда и никому не рассказывал деталей прошедшей в тихом кабинете беседы и внезапной поездки к невесте.

Кстати, ещё одна история с порножурналом случилась в Первой батарее. Там с этим злодеянием Запада был изловлен сержант Иванов. Изюминка лично конфисковал у него журнал и упрятал в свой сейф. На каком-то собрании дивизиона он взял слово и стал принародно позорить Иванова: *«А в журнале-то такое – что смОтреть прОтивнО!!!»* (А вот, по словам Ромы, Изюминка иной раз любил «перелистнуть» глянцевого журнальчик из своего сейфа и плохо ему потом почему-то не было).

Артуша не был бы самим собой, если бы не «залетел» самым последним в дивизионе накануне выпуска.

Наш Папан позвал АРТУ на свой день рождения уже перед последним госэкзаменом. Разумеется, они прибыли из увольнения в самом прекрасном расположении духа. Глаза Артуши опять горели безумным блеском, он начисто забыл обо всех своих взысканиях, которыми был обвешен, как ёжик – иголками. Стоя на вечерней поверке, АРТУ вдруг начал звать именинника: *«Папан! Папан! Папан!»* Именинник, тоже изрядно выпивший, стоял в строю и благоразумно молчал. АРТУ докричался до того, что открылась дверь замполита, и майор Филиппов, заменивший на этом посту Изюминку, утащил Артушу в кабинет буквально за шкирку.

Наутро Хиль, злобно сверкая взором в сторону Артуши, сообщил нам, что: *«Некоторые всё ищут на свою жопу приключений, всё им мало. Есть желание встретить выпуск на гауптвахте, наверное... Да, Хайзуллин?!»*

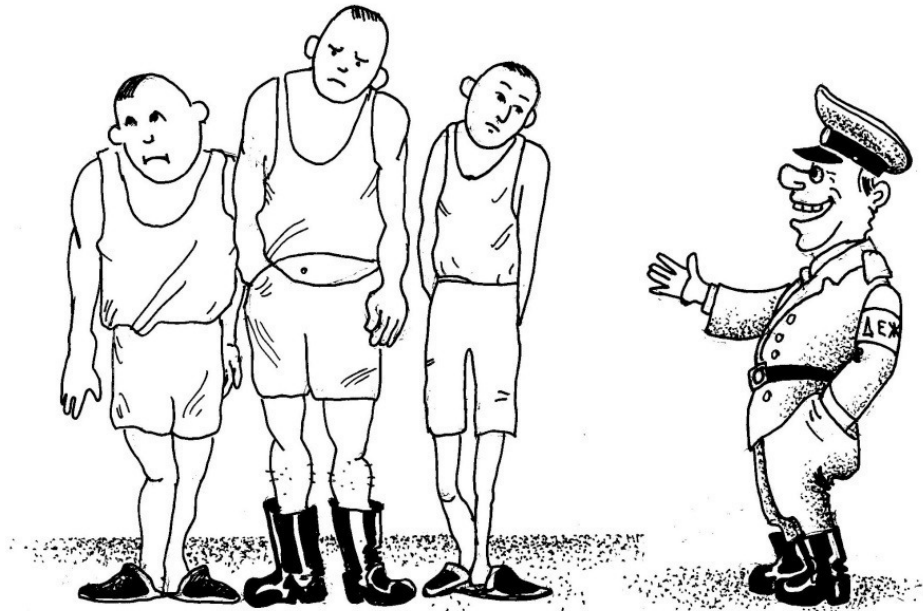
Артуша там уже бывал и особого желанья повторить визит у него, конечно, не было. Он просто угрюмо молчал. Случай замяли, грехов за АРТУ и так было с избытком.

Нечего и говорить, что «по выпуску» АРТУ загремел в самое «чудесное» место – Монголию, в состав дислоцированной в МНР 39-й Армии. Там его следы потерялись.

В 1984 году в Москве, на Всеармейском совещании, я случайно встретился с Вовой Мыльником («Глистом» в училищной жизни). Как водится, разговорились про сослуживцев, и Вова, прибывший из Монголии на это совещание, тут же вспомнил Артушу.

«Они с Вайнером соревнуются, у кого больше партвзысканий с занесением, – сообщил Вова. – Хайзуллин ведёт со счётом 3:2».

Если результатам Артушиной службы удивляться не приходилось, то такие «успехи» Вайнера – поразили.

Вайнер и особенности национального вопроса

Командиром моего отделения был Сан Палыч Вайнер. Еврей.

Надо сказать, что «национального вопроса», в его нынешнем понимании, в училище не было. У нас учились «дети» самых разных наций и народностей страны, а людей мы всегда оценивали по их делам и поступкам, и вопрос наций в любом конфликте стоял на самом последнем месте.

В нашей группе на 30 курсантов было 10 национальностей (включая столь редкие для военного училища, как цыган, еврей, латыш, и даже коми-пермяк). А уж в дивизионе были все: от поляков до якутов, бурятов, кумыков, лезгин, курдов и табасаранцев (я впервые в училище узнал о существовании такого народа...)

Были и евреи – только в нашей батарее двое: Вайнер и Игорь Гроссман (он был почтальоном у нас). Это я к тому, что стенания «диссидентов» о жутких притеснениях «богоизбранного народа» в то время – слегка преувеличены.

Единственным начальником, питавшим к Вайнеру явную антипатию, был Комдивка. Во время первой из встречи, когда Комдивка во время утреннего осмотра обходил строй нашей батареи, Вайнер решил «прогнаться» передним и скомандовал нам «Отделение, смирно!!!»

– *«Вольно, небритый сержант!»* – ответил Комдивка и отправил Вайнера бриться.

С этого момента их отношения нельзя было считать хорошими. Но все-таки виной тому была не столько пресловутое «еврейство» Сан Палыча, сколько его первоначальная небритость.

Вайнер обладал уникальной способностью: умением решить любой шкурный вопрос (*«влезть без мыла в задницу»*, как точно характеризовал его дар Сил Силыч).

На стажировке, в зимнем Волгограде, мы (6 курсантов) захотели сходить в кино на «Клеопатру». В кассах кинотеатров, несмотря на жуткий мороз, стояли километровые очереди на предварительную продажу билетов и висели фирменные таблички «На сегодня все билеты проданы». Вайнер с деловым видом зашел к администратору, пробыл там пару минут и вынес 6 билетов на всех нас.

Да и в целом, Вайнер «на стаже» показал себя с самой лучшей стороны, и заслужил списание всех своих прежних грехов в нашей памяти.

Но начало службы с ним на 1-м курсе было ознаменовано трагикомическим эпизодом.

Жора проводил с нами в ленинской комнате батареи теоретическое занятие по устройству ручных и противотанковых гранат. Всем было безумно интересно, т. к. он принес большой чемодан разных учебных гранат и целых и в разрезе. Большинство из нас близко видело это великолепие впервые. Вайнер, поступивший в училище из армии, всячески подчеркивал ранее, что он – сапёр.

В перерыве, когда Жора ушел в канцелярию курить, мы и устремились к сапёру с вопросами.

«Все очень просто. Смотрите и учитесь», – авторитетно начал Вайнер. «Берете лимонку (он взял в руки гранату), отгибаете усики „чеки“ и ее выдергиваете. Планку пока не отпускаем». Мы, окружив сапёра тесным кольцом, внимали его рассказу. Рассказ Вайнер сопровождал практическим показом порядка действий.

«Когда кидаешь гранату, планка отскакивает, запал срабатывает, и через 2—3 секунды граната взрывается. Она мощная, оборонительная, разлет осколков 200 метров», – продолжал поражать нас Вайнер глубиной знаний. (Вот что значит сапёр!!! Все знает! Мелькнула завистливая мыслишка)

«Характерным признаком того, что запал начал работать, служит щелчок и шипение, потом – взрыв», – сообщил Вайнер и отпустил планку. Раздался громкий щелчок и шипение. Гробовая тишина длилась долю секунды. Потом произошло то, что называется «спасайся, кто может!». В двери ленкомнаты возникла «пробка» из десятка тел, рвущихся на выход. Мгновенно перевернули все 8 круглых столов, за которыми народ искал спасения от смерти.

Краткосрочная паника была такой силы, что кто-то умудрился сшибить все накладные латунные буквы лозунга «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», оставив на стене только «В. И. Ленин» (А цитата, надо сказать, была на высоте метра 2,5 от пола). Рухнула и планшетка с фотографией Жоры и легендарной надписью «Командир взвода капитан Черноус Е. Е. постоянно интересуется: «Как дела у коммунистов?»

Вайнер с выпученными глазами метался по ленкомнате, сжимая в руке шипящую «лимонку», порывался выбросить ее сквозь стекла на плац.

«Там люди, нельзя», – заверещал ему кто-то. Тогда Сапёр выкинул гранату в коридор кубрика, захлопнул дверь ленкомнаты, и рухнул на пол...

В это время по коридору в сторону туалета следовал Рома, которого Жора освободил от занятия для написания какой-то своей важной бумаги. Он не успел подивиться выражению лиц молча разбегавшихся из ленкомнаты курсантов, как оттуда прямо ему под ноги вылетела «лимонка». Раздался громкий щелчок. Запал сработал отлично. Сама граната была пустая и не взорвалась.

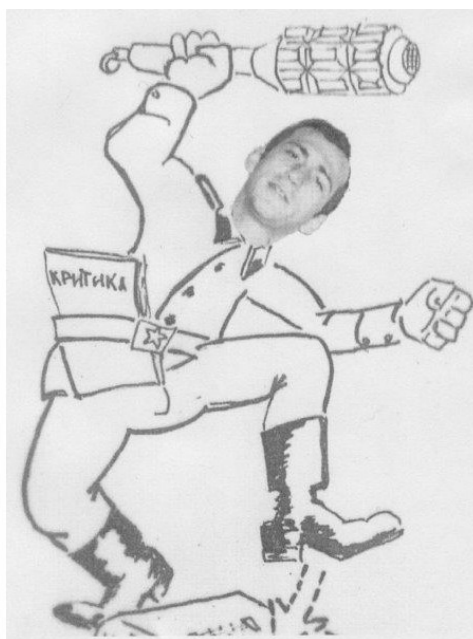
Рома с белым лицом и трясущимися ногами зашел в ленкомнату. «Какая сволочь?! Какая сволочь кинула?! – это то небольшое, что можно напечатать из его образной речи, обращенной к Вайнеру.

На шум прибыл и Жора. Оглядев разгром в помещении, и понюхав острый запах пороха, он поинтересовался:

«Тааак, не понял... У какого мудака руки чесались?» Сан Палыч печально встал, ожидая кары.

«Сапёр херов», – с неизъяснимым презрением завершил речь Жора.

Карикатура на Вайнера, размахивающего гранатой, в наших выпускных альбомах увековечила эту историю.

На втором курсе, в один прекрасный вечер, Вайнер сообщил нам, что поведет наше отделение в культпоход в Ленинград. Надо сказать, что нас не слишком баловали увольнениями, и это сообщение было воспринято «на ура»!

Едва дождавшись субботнего вечера, наглаженное и подстриженное отделение было готово прикоснуться к миру прекрасного. Поехали мы в Пушкинский театр, смотреть спектакль «Жизнь Сент-Экзюпери». Мне немного портило настроение то, что это был чуть ли не единственный спектакль, который я умудрился в школьном возрасте посмотреть в этом же театре. Сюжет его я знал, и неожиданно это пригодилось на обратной уже дороге, когда мне пришлось вкратце рассказать товарищам, не уловившим сути событий в ходе бурного культпохода, «про что был спектакль».

Проблемы возникли, когда выяснилось, что день культпохода совпал с днем рождения «Дядюшки Ро» (курсант Рошковец прибыл к нам из глухой белорусской деревни Мохро, что и предопределило его кличку «Дядюшка Ро из деревни Мохро»). Шутливое пожелание: «С тебя причитается» он воспринял со всей добросовестностью белорусского колхозника.

В театр мы прибыли минут за 10 до начала спектакля. Строгая бабуля – гардеробщица, принимая наши шинели, ни с того ни с сего спросила сварливым голосом: «А вы не будете бегать по этажам?!» Несколько удивленные этим предположением, мы заверили бабулю, что прибыли в храм искусств совсем не для этого, и торопливо проследовали в буфет. Успев заказать и принять «три по двести портвейна», зашли в зал и добросовестно просмотрели первое действие, дожидаясь перерыва. Сразу после звонка «группа захвата» бегом пронеслась мимо ясновидящей гардеробщицы «забывать очередь» в буфет.

Думаю, что театральная буфетчица долго помнила заказ Дядюшки Ро. На ее любезный вопрос: «Чего желаете?», Ро пожелал: «9 бутылок портвейна!».

«Бокалов?» уточнила пораженная буфетчица,

«Бутылак!» – рявкнул Ро, со своим белорусским акцентом, «Глухая, что лы?! И три пирожных!» (на большую закуску у нас денег не было).

Пока буфетчица выдавала бутылки, Миша Федотиков, не разобравшись в околобуфетной толчее и суматохе, прихватил вместо маленького блюда с тремя нашими оплаченными пирожными огромное хрустальное блюдо, еще наверное царских времен, где были красиво разложены штук 30 разнокалиберных пирожных.

Буфетчица, подсчитывая наши деньги, не сразу заметила исчезновение раритетного блюда и заголосила о нем с некоторым опозданием. Мише пришлось возвращать императорский поднос с нетронутыми пирожными обратно под хохот всей очереди. Конфликт был исчерпан, и мы принялись за портвейн.

Вайнер с ужасом наблюдал за вакханалией. Пить спиртное – нам было строжайше запрещено.

После того, как вино в рекордные сроки было выпито, мы потеряли остатки интереса к жизни Сент-Экзюпери и отправились курить в роскошный театральный туалет. Возникла оживленная дискуссия со смехом и соответствующими образными выражениями. Было очень весело. На второе действие отправился один не пивший Вайнер, мы же вели оживленную беседу на злободневные темы.

На нашу беду в туалет пришел кто-то из администрации театра и что-то проблеял о тишине. Он тут же был послан по известному адресу и ретировался. Однако через некоторое время вернулся в сопровождении ментов. Это резко изменило ситуацию, «залетать» было нельзя.

Прорвав ментовский заслон, вайнеровское отделение неслось по этажам Пушкинского театра снизу вверх, стремясь оторваться от погони.

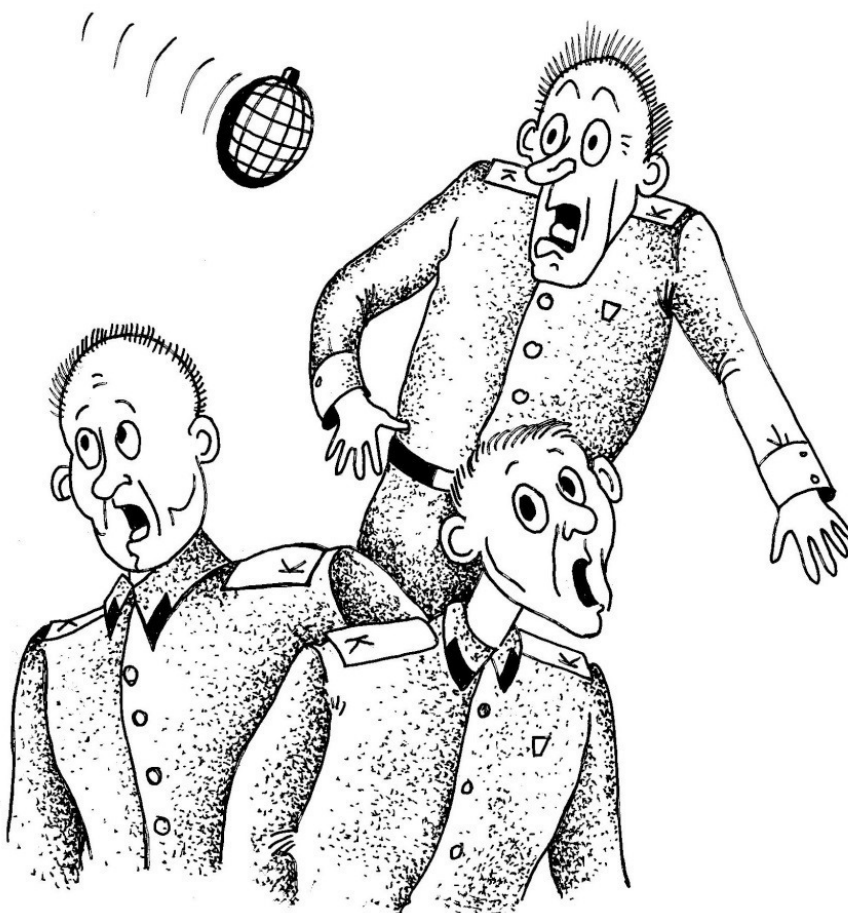
Этаже на третьем это удалось, и тут нам путь преградила бабуля-гардеробщица: «Вы же обещали не бегать по этажам!» – воскликнула она с хорошо усвоенной театральной интона-

цией. Впасть с ней в дискуссию времени не было, пришлось вежливо «послать» и отодвинуть с дороги, после чего забег был продолжен до самой галерки.

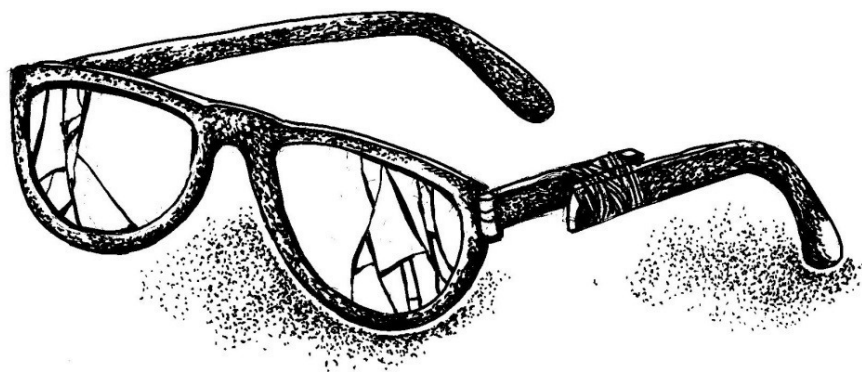
Там мы смогли отдышаться, и во втором перерыве покинули храм Мельпомены, не дожидаясь окончания спектакля.

Вайнер тоже был вынужден к нам присоединиться, и повел всю компанию в «родные Пенаты», тщательно пресекая попытки наименее трезвых «культпоходчиков» пообщаться с патрулями. В электричке я коротко изложил по памяти сюжет спектакля для желающих. Общим мнением было то, что мы ничего не потеряли.

Больше нас Вайнер в кульпоходы никогда не водил.

Мусиков

О том, что существует должность освобожденного секретаря парткома факультета, мы узнали, когда в начале 2-го курса нам на построении представили невзрачного старлея в очках и мешковатой повседневной форме. Вскоре его избрали секретарем, и Мусиков стал рулить коммунистами дивизиона.

Мужик он был тихий. Без закидонов, и поначалу запомнился только одной спортивной историей.

Его жена работала каким-то начальником в управлении гостиниц Ленинграда и обеспечивала местами в гостиницах города различные московские комиссии, прибывавшие к нам с проверками. Это считалось немалым «блатом». Думаю, что одной из причин назначения Мусикова к нам и были возможности, которыми располагала супруга.

В то тоталитарное время в стране еще существовал массовый спорт, и проводилась Спартакиада ГТО Ленинграда, на которой объединенная команда грузчиков, шоферов и подносчиков багажа Управления гостиниц занимала прочное последнее место. Видимо, их начальство получило за это взбучку и, понимая полную бесперспективность своих штатных работников в спорте, решило использовать нетрадиционные формы повышения результатов через супругу Мусикова.

Он, будучи совершенно индифферентным в спортивных проблемах, вдруг начал усиленно интересоваться лучшими спортсменами дивизиона, и собрал их у себя на инструктаж.

Друг Степа, будучи КМС по плаванию, попал в число «счастливиц» и, много позже, рассказывал про эту эпопею:

«Решил Мусиков помочь жене и сформировал сборную дивизиона из курсантов, лучших по отдельным видам многоборья ГТО. Набрал человек 10, каждому дали легенду, кем он якобы работает в гостинице, и его ФИО. Я стал подносчиком багажа *Колумбековым*».

Каждое утро к училищному КПП подъезжал шикарный «Икарус» с табличкой «Управление гостиниц», Мусиков с командой садился в него, курсанты переодевались в спортивные костюмы и ехали выступать на Спартакиаду.

Там царил многократный чемпион страны по многоборью ГТО, легко побеждавший на этих стартах из года в год.

Он обладал огненно рыжими кудрями и такой же рыжей мордой, держался барином и сразу вызвал личную неприязнь всех наших курсантов. Обставить Рыжего стало делом чести команды Управления гостиниц.

В первый же день на кроссе 3 км наш лучший бегун Леша Новиков (который и в сапогах-то бегал как лось) в кедах развил свою лучшую скорость и «привез» Рыжему метра 3 на финише. Остальные «псевдогрузчики», конечно, отстали от чемпионов, но бежали кучно, в группе середнячков, и команда Управления неожиданно для всех вышла в лидирующую группу.

Так продолжалось дня 3. Кто-то из наших умудрялся обязательно «обставить» лично Рыжего в очередном виде соревнований. Остальные – дружно занимали места не ниже «золотой середины». Эта тактика принесла свои плоды. Управление гостиниц вышло на первое место среди всех команд, что стало нешуточной сенсацией. Рыжий ходил, надувшись, как индюк, и о чем-то злобно дискутировал в судейской коллегии.

Руководство команды и Мусиков были в панике. Дело пахло проверкой личностей фальшивых вахтеров и шоферов. Мусиков дал команду не напрягаться и «завалить» результаты по плаванию и стрельбе, по которым соревнование еще не проводилось.

Степа вспоминал: «Как назло, мне „плылось“, да и хотелось Рыжему „сопли вытереть“. Будь что будет. В „заплыве сильнейших“ мы плыли на соседних дорожках. Сделав поворот, я заметил плывущего навстречу Рыжего».

На финише выяснилось, что подносчик багажа Колумбеков из Управления гостиниц выполнил норму кандидата в мастера спорта по плаванию.

Степу вызвали к главному судье.

– «Вы где-нибудь занимаетесь, тренируетесь? Кем работаете?» – поинтересовался рефери.

– «Да нет, просто любитель, у пляжа на „Петропавловке“ плаваю», – отвечал лже-Колумбеков. «Подносчиком багажа тружусь». Тут Степа стал показывать, как он отрывает от земли тяжеленные чемоданы на работе.

– «Побольше бы нам таких подносчиков!» — ледяным тоном произнес судья.

На этом спортивные подвиги команды Мусикова и закончились. На стрельбу ездили уже настоящие пузатые гостиничные грузчики и подносчики.

Но самая яркая страница в историю дивизиона была вписана Мусиковым на зимней стажировке.

Он был назначен старшим двух групп, следовавших в Волгоградский и Астраханский радиотехнические полки.

Перед отправкой, ставший к тому времени капитаном, Мусиков нас довольно вяло проинструктировал на предмет норм поведения и воинской вежливости и убыл с «астраханцами» на поезд. Мы были предоставлены сами себе. Старшим остался сержант Вайнер.

Дорога «туда» и сама стажировка прошли без особых приключений.

Помню только, как зимней ночью у нас кончилось спиртное, и мы с Рудольфычем, наудачу, выскочили на станции Ряжск, в привокзальный ресторан, в тренировочных костюмах.

Ресторан уже был закрыт, но мы прорвались сквозь обалдевшего швейцара внутрь.

«А водки – нет!!!» – несколько испуганно сообщила нам официантка, сообразившая, для чего мы едва не сбили с ног швейцара.

«*Девушка, у Вас такие красивые глаза!!!*» – плотоядно улыбаясь, парировал этот враждебный выпад Рудольфыч.

«*Водки – всё равно нет, есть только коньяк!*» – растаяла официантка.

«*Так дайте же нам два коньяка!!!*» – заорали мы в два голоса, и, расплатившись «без сдачи», успели вскочить в поезд, который уже трогался.

После этого подвига мы с Рудольфычем стали «героями вечеринки».

Дней за 15 до конца срока стажировки Вайнер, сидевший в штабе полка, начал обзывать нас на «точках» с предложением прекратить «стаж» и приступить к отдыху. Вопросы с командованием, отзывами, документами и т. д. он брал на себя. Эта инициатива была с энтузиазмом принята. Наутро в отдаленные роты полка пришла телеграмма с предложением «обеспечить прибытие курсанта такого-то в штаб».

Через сутки все стажеры прибыли в Волгоград. (Надо сказать, что на всех нас эти отдельные радиолокационные роты, где мы пробыли по месяцу с лишним, произвели сильное впечатление).

После бурной встречи и братаний выяснилось, что Джон зачем-то прихватил с собою из своей роты нового приятеля, старлея-двухгодичника Юру, выпускника филфака Алмаатинского университета. «*Вот такой парень!*» — охарактеризовал его Джон.

Юра был одет в китель и галифе, солдатские сапоги и почему-то светлую парадную шинель. На его голове, несмотря на мороз и ветер, была напялена фуражка. Выяснилось, что это он не «пижонил», а просто ничего другого ему не выдали.

На нашем бравом фоне Юра являл картину «как нельзя носить военную форму одежды». Просто – находка для патруля. К счастью, в Волгограде мы патрулей почти не видели, и решили взять Юру с собой.

Вайнер блестяще решил все вопросы с местными командирами, отчетами и отзывами. На кратком военном совете было решено: как следует отметить завершение «стажа» и наутро разъехаться по домам.

Стоял изрядный мороз, денег у нас было в обрез, но, несмотря на это, мы решили «рвануть в кабак».

Для Волгограда образца марта 1979 года это оказалось не такой простой задачей. Мы проехали через почти весь вытянутый вдоль Волги город, пока нашли на берегу реки работающее «стеклянное» кафе «Якорь», где и решили обосноваться.

Поначалу нас туда не пушал швейцар: «*Солдатам не положено*», – угрюмо твердил он, отмечая наши аргументы о курсантских погонах и лычках. Среди нас чуть не победили сторонники силового решения вопроса, но врученный деду рубль и представление ему очоленного двухгодичника Юры, в качестве нашего «комбата», помогло решить вопрос мирно.

В ресторации стояли столы и стульчики на железных ножках и строгая официантка.

«*Мальчики, договариваемся сразу: „свое“ не пить*», — сурово предупредила нас она.

Проблема была в том, что именно «свое» мы и собирались пить, из финансовых соображений. 6 бутылок водки уже были закуплены, и каждый из нас внес в ресторан по бутылке, из соображений конспирации буквально в штанах. Ледяная водка обжигала кожу, и требовалось ее срочно перепрятать.

После нашего заказа (1 бутылка водки и по салатику каждому) официантка криво ухмыльнулась и ушла на кухню. Действовать следовало молниеносно, ясно, что будет «сечь» за нами, а под столом – все видно, как на ладони.

«*На подоконник ставим!*» – осенило кого-то. В мгновение ока вся батарея принесенных бутылок оказалась на подоконнике, за занавеской. Снаружи, со стороны улицы, она была, конечно, видна, но внутри «стекляшки» занавеска надежно скрывало наше сокровище от враждебных глаз.

Тетка принесла нам заказанную водку и салатки, мы при ней разлили по рюмочке и *«процесс пошел»*, как позже говаривал наш первый и последний горе-президент.

Молниеносно «раскидать» водку по стопкам, пока тетка отвлекалась – было делом техники. Настроение повышалось с каждой минутой, смех и веселье витали над нашим скромным столом.

Поначалу Юра пытался «сачковать», не допивая свою рюмку. Это у нас было не принято, и народ потребовал от «комбата» объяснений.

«Я, когда пьяный – строгий!!!» – заявил Юра в качестве оправдания. Ему со смехом сообщили, что *«мы и когда трезвые – строгими бываем!»*, а в нашей компании не «шлангуют». Пришлось ему пить с нами наравне.

В результате, после нескольких рюмок, первым и начал сдавать двухгодичник. В начале вечера он блистал знанием английского и французского, произнося на них тосты и вставляя иноземные поговорки к месту и не к месту.

Рудольфыч, после очередной Юриной репризы на французском, задумчиво сообщил ему: *«Знаешь, Юра, мы академиев и консерваториев не кончали. Но морду – набьем грамотно!»*. Эта шутка была встречена дружным смехом компании.

Юра, напротив, стал тих и задумчив, и на все предложения: *«Юра, ну-ка загни что-нибудь по-французски!»*, отвечал стереотипно *«А, баловство все это!»*.

Вскоре на него перестали обращать внимания – начались танцы.

В перерывах между плясками мы «разливали и принимали», соблюдая все правила конспирации. Часа через полтора официантка капитулировала:

«Ребята, я не буду шуметь, пейте на здоровье. Скажите только, где вы водку прячете, понять не можем». После недолгих препирательств мы получили гарантии нейтралитета и ознакомили официантку с местом хранения своей водки. Тетка подивилась нашей находчивости и, хихикая, ушла.

Чуть позже, прямо в разгар пьянки, к нам обратился швейцар с просьбой призвать к порядку Юру.

«Вы все молодцы, хорошо гуляете, но ваш комбат нажрался – гостей материт!», – пожаловался дедуля. Выяснилось, что забытый нами Юра наклюкался, сел перед входом в зал на один стул, ноги в грязнущих сапогах положил на второй и каждого входящего в зал зычно посылал по известному в России адресу, без различия пола и возраста гостей.

Видимо, в этом и заключалась его обещанная *«строгость»*.

С Юрой была проведена эмоциональная воспитательная беседа, в ходе которой он узнал, что мы думаем о нем и его близких родственниках. В качестве меры воздействия Рудольфыч пообещал Юре: *«Выкину, как козла, на улицу»*. «Строгий» Юра понял нешуточность обещания, притих и весь оставшийся вечер мирно дремал в углу.

В остальном – вечер удался.

Правда, в самом конце начудил Сил Силыч.

Ввиду дефицита финансов (а на вечер все скинулись из последних сил), а также мороза и нашего нелегального положения в городе, в самом начале мероприятия был жесткий уговор, что пьем вместе и возвращаемся в полк вместе. Никаких баб и провожаний. Этот договор все свято соблюдали. Однако перед самым закрытием к коллективу воззвал Вайнер: *«Вы поглядите на этого гада!»* Сил Силыч сидел в компании 2-х девиц, заказал им шампанское и явно собиравался завершить вечер в их обществе. Попытки воззвать к его совести наткнулись на традиционное Силовское: *«Чо надо?! Пшел не хер!!!»* Никаких аргументов и увещаний он не слушал.

Оставалось или применять силу, что грозило немалым скандалом при силсировском нраве и состоянии, или искать оригинальный ход, который бы обезвредил его *«основной инстинкт»*.

Я предложил прибегнуть к коллективизму и чувству локтя.

«*Давай в гардеробе подхватим этого балбеса под руки и грянем «В жопу клюнул жареный петух!»*» (была у нас тогда популярная песенка на мотив «Прощания славянки»).

Вайнер, с некоторым сомнением, согласился с таким отвлекающим маневром.

Как ни странно, сработало.

Только успел Сил Силыч галантно подать своим дамам шубки, как мы энергично оттерли их от него, подхватили «нарушителя конвенции» под руки и рванули что есть мочи: «*В жопу клюнул жареный петух!»*»

«*Остаюсь на сверхсрочную слу-ужбу*

И быть может, вступлю в комсомол...» браво подтянул Сил Силыч, начисто забыв о растерявшихся подругах...

Распевая удалую песню, мы вышли из питейного заведения. Чуть задержавшись, чтобы закурить, я обнаружил, что все наши садятся в какой-то «пазик». Поднимаясь в темное чрево автобуса, я поздоровался с кондуктором в фуражке.

«*Да пошел ты на хер!!!*» – раздалось в ответ. Это был наш Юра на кондукторском месте.

В ходе кратких переговоров с солдатом-водителем мы выяснили, что автобус идет в Капьяр (откуда я только что прибыл, и куда нам совсем не надо было возвращаться).

Оказывается, первым в автобус забрался Юра, а все остальные проследовали за ним по стадной привычке.

С выгрузкой вышла заминка. Слегка протрезвевший Юра вдруг вспомнил все обиды и категорически отказался выходить, проклиная нас на всех известных ему языках и немилосердно матеря. Пришлось «принимать меры». Решили, что мы втроем с Вайнером и Рудольфом выкинем Юру из автобуса, а Джон с двумя другими курсантами – его поймает.

С трудом оторвав отчаянно брыкавшегося Юру от стойки, мы выбросили тело на счет «три!» в дверной проем.

Товарищи на улице не были морально готовы к столь резкому его полету и... расступились.

Юра смачно шлепнулся в масляную лужу... Светлая парадная шинель (и так не блиставшая чистотой) на Юрином животе стала черной. Фуражка укатилась под автобус.

Юра, очевидно, решивший, что его будут бить, вскочил и неожиданно резво убежал во тьму. Автобус уехал, Юрину фуражку Сил Силыч отправил в заиндивевшие кусты молодецким ударом ноги.

Ночевать в полк ехали на трамвае, весело, с песнями, около часа. «*Где строгий Юра?*» периодически вспоминал Джон друга. «*Да пошел он на хер!*» – дружно звучало в ответ.

Проснувшись утром в общежитии, мы с изумлением обнаружили в нашей комнате в углу на полу спящего Юру. Он спал сидя в масляно-грязной шинели, но без фуражки. Когда его разбудили – ничего не помнил ни про вечер, ни про то, как добрался. Мы нашли ему замызганную солдатскую шапку и попрощались навсегда. Впереди была дорога домой и 10 суток незаконного «отпуска» до прибытия в стены родного училища.

Финансы у всех были на нуле. Скинулись из последних сил. Денег хватило на покупку бутылки водки, батона черного хлеба и банки консервов «сайра» на всех. Отчаянно ругая Сил Силыча за вчерашнее «гусарство» с шампанским, двинулись к вокзалу. Там выяснилось, что билетов на Москву нет – вообще никаких. Толпы народа, толкавшиеся в здании вокзала, подтверждали серьезность проблемы.

Вся надежда была на Вайнера. Он прорвался в кабинет начальника вокзала с воплем: «*Я по срочному вопросу, на минутку!*»

Через полчаса вышел к нам с 6-ю билетами в общий вагон. Даже Вайнер не смог добиться плацкартных мест.

Посадка в поезд обещала быть экстремальной. Мы отрядили 3-х добровольцев захватывать места, так как понимали, что битва будет нешуточная. Добровольцы отдали нам свои чемоданы и «сидора» и разминались, оглядывая море народа, ожидавшего объявления о начале посадки.

Поезд, разумеется, подали с опозданием и на самый дальний путь, до которого надо было добираться подземным переходом.

Что тут началось! Крики, вой, плач, давка у перехода, метание сотен людей вдоль состава в поисках своих вагонов. Когда мы, отягощенные вещами и «сидорами» добровольцев, протолкались к своему «общему» вагону, в его дверь пытались влезть человек 5 одновременно. Наших, из группы захвата, не было видно, значит, они уже в вагоне. Это внушало некоторый оптимизм. Проводника не было вообще, как впоследствии выяснилось, он был один на 2 «общих» вагона.

Прорвавшись в вагон, мы услышали в его конце яростную ругань. Это наши добровольцы сумели занять последнее, дальнее «купе», у сортира, и отбивались от целого цыганского табора, претендовавшего на эту же жилплощадь.

«Я те сяду!» – гремел Рудольфыч на пузатого главаря цыган. *«Щас в харю получишь, рожка цыганская!»*

Наше прибытие предотвратило мордобитие, и цыгане, отказавшись от силовых приемов борьбы, прибегли к правовым, притащив откуда-то начальника поезда, вставшего, почему-то, на их сторону. Это, правда, уже мало что меняло. Все 6 полков предсортирного «купе» мы уже заняли.

После долгих переругиваний и угроз ссадить нас на первой станции начальник поезда удалился со всем табором в другие вагоны. Общественность вагона была нам очень благодарна и даже подкармливала на протяжении поездки.

Это было тем более важно, что до Москвы нам предстояли сутки голодного пути. Бутылку водки мы выпили вечером, закусив её половинкой буханки чёрного хлеба. Банку «сайры» утром долго катали по столу и съели её в обеденное время с остатками хлеба. На этом всё наше питание закончилось. Рудольфыч с изумлением прочитал на стене рядом со своей полкой оставленную кем-то из наших предшественников надпись: *«Сыр, сыр, сыры!!!»*.

«Значит не одни мы тут голодали! Кто-то о сыре мечтал!» – сообщил он нам, смеясь.

Первым на станции «Грязи» сошел Вайнер, а затем и все остальные наши товарищи. Договорились встретиться в Москве, 31 марта в 12 часов на Казанском вокзале. До Москвы доехали только мы с Джоном.

Через 10 дней, ровно в 12 часов «без замечаний и опозданий» все встретились на Казанском.

Купили билеты на поезд до Ленинграда и поехали домой к Джону, отмечать окончание стажировки. Его чудесные родители нас всех накормили и напоили.

В самом прекрасном расположении духа мы прибыли на Ленинградский вокзал и там встретили наших товарищей, стажировавшихся под руководством Мусикова в астраханском полку. По странной иронии судьбы, мы купили билеты с ними в один поезд и даже в один вагон.

«Астраханцы» были настроены мрачно, предрекали нам исключение из партии, училища и чуть ли не тюрьму.

В общем-то, самовольное убытие со стажировки (да еще на 12 дней раньше срока) было серьезным нарушением.

«Тебя он вообще убьёт!» – заявили они Вайнеру.

Вайнер источал оптимизм: *«Не ссыте, я сам с ним разберусь»*, – сообщил он нам и «астраханцам».

Мусикова пока не было.

Пока ждали посадки, «астраханцы» рассказали нам о последних днях своей стажировки. Мусиков собрал их в Астрахани и привез в Волгоград.

Оставил на вокзале в зале ожидания, а сам поехал в полк за нами, сообщив «астраханцам» что через час приедет с нами и «покажет всем город».

«Астраханцы» прождали его ровно 12 часов, не зная, что и думать. Поздно вечером прибыл Мусиков. Он был пьян и растерян. Одно «очко» в его очках было покрыто трещинами. На все вопросы он отвечал одним словом: «ТРУБА!»

«Что с „волгоградцами“, где они?!» – допытывались взволнованные курсанты. «ТРУБА!» – мрачно отвечал им Мусиков.

«Что, пьянка, самоволка, ЧП?»

«ТРУБА!»

«Что же случилось?»

«ТРУБА!!!... Они уехали 12 дней назад», – наконец выдал Мусиков.

«Куда?»

«Не знаю, совсем уехали. ТРУБА!» – закончил речь Мусиков.

В таком деморализованном состоянии Мусикову было уже, разумеется, не до показа красот Волгограда.

Итак, спустя 3 дня мы ждали Мусикова на Ленинградском вокзале.

Объявили посадку, мы прошли в вагон и начали слегка волноваться. Руководителя все не было.

Ровно за 3 минуты до отправления поезда на перроне показался Мусиков.

В расстегнутой шинели, из кармана которой торчала бутылка водки, он вел под руки каких-то «двух швабр», по меткому определению Рудольфыча. Уже обе половинки его очков были покрыты густой сетью трещин.

Перед вагоном он начал усиленно целовать обе «швабры» поочередно и так увлекся, что мы еле успели затолкать его в тронувшийся вагон.

Мусиков не особенно удивился наличию «волгоградцев» в вагоне и сидел, блаженно улыбаясь.

«Товарищ капитан!», – обратился к нему Вайнер. «Вы мне хотели что-то сказать?»

– «Да!» – грозно ответил Мусиков. После некоторых усилий он продолжил: «Принеси стакан!»

Вайнер сходил к проводнику, взял у него стакан и принес капитану.

– «Пить будешь?!» – еще более грозно спросил Мусиков, наполняя стакан.

– «Никак нет!» – по уставному ответил Вайнер.

– «Свободен!» – завершил беседу Мусиков.

Конечно, же у нас не хватило выдержки держать эту историю в секрете.

«ТРУБА» – стала в дивизионе кличкой Мусикова до самого выпуска, до которого, впрочем, оставалось совсем недолго.

Через пару недель нас, «волгоградцев», тихо пригласили в кабинет Трубы.

«Ну, что, ребята. Меня вызывает начальник политотдела и требует отчет, как я провел вашу стажировку».

Мы наперебой стали заверять Трубу, что под присягой подтвердим его неустанную заботу о нас и то, что мы выехали вместе точно в означенный срок.

«А начальник политотдела не скажет мне, что я учу курсантов говорить неправду?!» – сумрачно поинтересовался Труба.

Мы заверили его в полной лояльности и сохранении тайны разговора. Потом, по просьбе Мусикова, написали ему реквизиты своих «точек», ФИО командиров и способы проезда к ним.

Как ни удивительно, но Труба выкрутился в этот раз и сумел навешать Гиббону лапшу на уши. Дело «замяли», и никто нас не будировал про убийство со «стажа».

А вот Труба так и не сумел выйти из пике и продолжал *«поддавать»* с переменной интенсивностью и успехом.

Перед самым нашим выпуском он запил всерьез и перестал появляться на службе. Ввиду того, что нам нужно было оформлять открепительные талоны и прочие партдокументы перед убийством в войска, это вызывало беспокойство у народа.

На все прямые и косвенные вопросы исчерпывающе ответил Хиль: *«Мусиков тренируется. Хочет, чтобы на выпуске в него ведро входило. Пока только полведро получается, но время еще есть!»*

Спустя месяца три в офицерской столовой штаба армии я случайно столкнулся с Мусиковым. Он меня не признал, пришлось представиться. Вид он имел помятый и какой-то потерянный. *«В войска меня отправляют. Начальником клуба, вроде бы... ЧВС что за мужик?»* – поинтересовался он.

Членом военного Совета армии был генерал Ситников (ныне покойный), который имел репутацию отличного человека и руководителя, о чем я Мусикову с радостью и сообщил. Он порадовался и пошел на беседу.

Дальнейшая его судьба неизвестна. Среди наших армейских начальников клуба Мусикова не было.

Шура

Шура Андреев обладал ослепительной «американской» улыбкой. Причем она была не вымученно-фальшивой, как у нынешних теледив, а настоящей, подаренной ему родителями. Он улыбался всегда, даже в самые трудные минуты своей курсантской карьеры. Какие бы тучи не клубились над бедовой Шуриной головой, он был неизменно улыбчив. Эта его особенность вызывала у нас здоровое чувство зависти.

Другим «пунктиком» Шуры был безупречный внешний вид. Всегда наглаженный, со свежесподшитым воротничком и в блестящих сапогах, Шура был наглядным пособием по образцовому внешнему виду курсанта.

Сапоги – это вообще была его слабость. Он таскал с собой в полевой сумке и карманах кучу щеточек, «бархоток» и кремов и начищал сапоги до невероятного блеска. При первых же признаках малейших пылинок на них Шура бросался с остервенением надраивать сапоги, используя для этого любую возможность.

На переменах все шли на перекур, Шура полировал и так сверкавшие сапоги.

Равных в этом мастерстве ему не было.

Не склонный к похвале Жора, пораженный блеском его сапог, однажды вывел Шуру перед строем, поставил всем нам в пример и объявил благодарность. «Вот, всем брать пример с Андреева!» – заявил Жора. «У него сапоги всегда блестят, как у коты яйца!».

Шура сиял улыбкой и сверкал сапогами.

В физподготовке, которой у нас придавали огромное значение, Шура не отличался особыми успехами, но зато умел делать эксклюзивный гимнастический номер: «лягушку». Он садился на пол, закидывал свои ноги себе на плечи, поднимался на руках и довольно быстро скакал на них. Вид был феерический!

Перед Новым годом на первом курсе Шура выкинул неслабый фортель. Надо сказать, что батя у него в то время был полковником, начальником политотдела чукотской дивизии ПВО. Это была большая должность, кроме того, Шурин батя хорошо знал Гиббона, что было известно нашему комбату Вене Грабару.

Однажды, Шура стоял дневальным и, по прибытию Грабара с обеда, сообщил комбату, что его искал Гиббон, а не найдя, велел передать, чтобы Грабар отпустил Шуру в отпуск на 3 дня в Ригу, т. к. туда приезжает Шурин батя.

Перепуганный Грабар и не подумал перепроверять и звонить начпо по такому вопросу, а мигом выписал Шуру отпускной, и тот убыл в Ригу. Как обычно, случилось «головокружение от успехов», и Шура опоздал на сутки.

С этим тогда было строго, и Грабар, с испугу, доложил Васильеву об опоздании курсанта Андеева из отпуска, за который просил Гиббон. Васильев мигом разобрался, что Гиббон ни о чем не просил, и «свалил» Грабару по первое число, приказав наказать Шуру своей властью. Грабар побоялся лично связываться, и перепоручил процедуру наказания Жоре.

Жора созвал в ленкомнате комсомольское собрание, сказал маловразумительную речь о значении воинской дисциплины для всех нас и объявил Шуру три наряда вне очереди, прямо на комсомольском собрании, изрядно обогатив Устав ВЛКСМ невиданным доселе видом наказания.

С учебой у Шуры получалось несколько хуже, чем с внешним видом. Если гуманитарные предметы он сдавал, то все точные науки и спецкурсы были для него немалой преградой.

По окончании зимних и летних сессий курсантов отпускали в отпуск.

Всех, кроме тех, кто получали «двойки».

Таких оставляли в «*дурбате*» – команде двоечников, которые несколько дней готовились к передаче экзаменов, за счет своего отпускного времени, попутно выполняя различные хозяйственные работы, и снова сдавали экзамен.

Надо сказать, что я тоже имел печальный опыт нахождения в *дурбате*. Это произошло при следующих трагикомических обстоятельствах.

На первой сессии первого курса нам надо было сдать всего 2 экзамена. Высшую математику и электротехнику. Математику мы все страшно «боялись». Принимал её старенький отставной полковник Савченко, имевший кличку *Лопиталь*. Говорят, когда-то он очень любил спрашивать курсантов на экзамене правило Лопиталья, из-за чего наши предшественники и дали ему эту кличку. Нас он особенно этим злосчастным правилом не допекал, но прозвище к нему прилипло крепко, а правило Лопиталья, на всякий случай, выучили самые отъявленные двоечники.

На его экзамене у нас в группе было 4 двойки (в том числе «банан» получил и Шура). Мне удалось сравнительно легко получить у Лопиталья «четвёрку» и я был на седьмом небе от счастья.

Оставалось сдать 31 января электротехнику и убыть в долгожданный первый курсантский отпуск.

Электротехнику у нас вёл добрейшей души майор Смирнов. Мы к нему очень хорошо относились, как и он к курсантам. Кроме того, я работал на его кафедре, помогая что-то мастерить, используя свои слесарные навыки. Это всегда учитывалось при выставлении экзаменационных оценок, и все мои приятели были убеждены, что «пятёрка» мне обеспечена. Грешным делом и я так думал. Предмет знал неплохо, да и отношения со Смирновым у меня были хорошими. В общем, мысленно я уже был в отпуске...

На всякий случай, по школьной и институтской привычке, я написал шпаргалки и рассовал их по карманам кителя перед экзаменом. Рассчитывал прибегнуть к ним только в самом крайнем случае. Зайдя на экзамен и взяв билет, я сел за последний стол в аудитории, готовясь к ответу. Спиной ко мне сидел мой приятель Миша Федотиков. Он перед училищем с отличием закончил техникум авиаприборостроения, и был у нас признанным авторитетом

в вопросах радио и электротехники. К нему за стол подсел подполковник Соколовский, второй преподаватель, принимавший экзамен.

И вдруг Соколовский начал «драть» Мишу, как сидорова козла, так что от него только перья летели. И я «задёргался», представив, что сдавать вдруг придётся не Смирнову, а Соколовскому. С испуга показалось, что плохо знаю свои вопросы, захотелось подглядеть в шпаргалке. Короче, я достал «шпору» и сунул руку с ней в парту. Видимо, зашуршал при этом рукавом о фанеру. Соколовский резко обернулся ко мне:

«Что у вас в руке? В столе?»

«Ничего» – отвечаю ему, понимая, что горю синим пламенем.

«Да, ладно, показывайте, *на честность!*» – по-отечески улыбаясь, говорит мне Соколовский. Этой улыбкой и «честностью» он меня и подкупил. Можно было спрятать шпору в парте, уйти в «несознанку», но – «на честность», так «на честность». Я вынул руку со «шпорой» и показал её Соколовскому, в душе рассчитывая на ответное снисхождение, конечно.

Тот забрал у меня «шпору» и буднично сказал: «*Ну всё. Два! Свободен!*».

Это всё произошло настолько буднично и быстро, «без шума и пыли», что ни Смирнов, ни Жора, сидевший с ним за экзаменационным столом и слушавшие в этот момент чей-то ответ, ничего не заметили.

Я подошел к их столу за зачёткой.

– «*Уже? Так быстро? Пять?*» – приветливо спросил Смирнов, готовясь поставить оценку в зачётку.

Я объяснил ситуацию.

– «*Ну ты и дурак!!!*», констатировал очевидный факт Жора. «*Марш из аудитории!!*»

Я вышел из класса к товарищам, совершенно деморализованный, разумеется. Минут через пять выскочил и Жора. Построив группу, он обложил меня последними словами и выразил уверенность, что пребывание в «*дурбате*» добавит мне ума.

Так и вышло. Три отпускных дня мы (человек 30 *дурбатовцев* «*первого призыва*» нашей батареи) «набирались ума».

Заключалось это в ежедневной очистке лопатами «стрелок» на гореловской ветке железной дороги (та зима была очень снежная, и выростали огромные заносы). Вечером под руководством Вени Грабара мы, «дурбатовцы», занимались ремонтом казармы.

На четвёртый день нас отвели на передачу экзаменов. Смирнов, грустно улыбаясь, поставил мне «четвёрку».

«*Ты же понимаешь, что „пять“ я не могу поставить в такой ситуации?!*» – сказал он мне. Я это, конечно, понимал.

Положительным итогом пребывания в «дурбате» для меня стало то, что я прекратил писать шпаргалки – раз и навсегда. Стал надеяться только на свою память, и это принесло неожиданные результаты.

Все оставшиеся экзамены в училище сдавал без них и на сплошные «пятёрки», как ни странно. Вот такую пользу мне принесло пребывание в «дурбате».

Шура же был неизменным участником «*дурбатов*» всех 4-х зимних и летних сессий с 1-й по 2-й курс включительно.

Но он всегда был строг и последователен. На сколько бы дней его ни задерживали в «*дурбате*», на столько же дней он опаздывал с прибытием из отпуска, каждый раз привозя заверенную бумагу, что «была нелетная погода».

Мы к этому привыкли, Грабар тоже.

Летом на 2-м курсе Шура задержался в «дурбате» дней на 10. Но из отпуска умудрился прибыть с опозданием суток на 15. Усугубило ситуацию то, что батя его уже убыл с Чукотки,

и Шура привез откровенно «левую» справку о нелетной погоде, от какого-то аэродромного штурмана.

Случай был вопиющий, и все ждали развязки.

(Надо сказать, что Шурин батяня был, как и наш Делегат, участником 25 съезда партии. Шура этим очень гордился и носил на своей гимнастерке совершенно неуставной значок, где на фоне красного знамени красовалась надпись «*XXV съезд КПСС*». Шурин командир отделения Толя Улогай покусился было на этот значок, заявив, что его надо снять, но получил от Шуры неожиданно жесткий отпор:

«А что Вы имеете против 25 съезда партии, товарищ сержант?!» – спросил его Шура тоном сталинского прокурора Вышинского. Толя сник и завял, потеряв к значку всякий интерес.

Остальные наши командиры, включая Комдивку, значок старались не замечать, тем более, что внешний вид Шуры всегда был безупречным).

По прибытию Шуры из этого отпуска его наскоро «вздрючили» Хиль с Комдивкой, но наказывать не стали...

После обеда Комдивка построил весь дивизион на плацу, что было крайне необычно. Внезапно с противоположной стороны плаца появился сам Васильев!!! Мы застыли в нервном ожидании. Комдивка скомандовал: «Дивизион, СМИРНО!!!» и пошел печатать шаг через весь 100 метровый плац. После доклада Комдивки Васильев, не давая команды «ВОЛЬНО!», строевым шагом вошел в середину каре дивизиона. За ним «рубил шаг» Комдивка.

«Курсант Андреев, выйди из строя на 5 шагов!» – дал команду Васильев в звенящей тишине. Шура, сверкая американской улыбкой и сапогами, образцово исполнил строевой прием.

Тут взгляд Васильева упал на значок, красовавшийся на Шуриной груди.

«Вы что, делегат 25 съезда партии?!» — прокрипел он своим знаменитым голосом (о «любви» Васильева к нашему Делегату мы знали).

«Никак нет!!!» – громко ответил Шура.

Васильев смерил презрительным взглядом Комдивку и Хилья.

«Снять немедленно!!!»

Шура молниеносно сдернул с груди свою гордость.

«За опоздание из отпуска объявляю 10 суток ареста!!! Разместить в одиночной камере! Нахилюк, исполнить наказание!»

Хиль скомандовал Шуре: «Шагом марш!» и прямо с плаца, они оба строевым шагом отправились на училищную гауптвахту.

Надо сказать, что такого яркого применения ареста мне больше видеть никогда не доводилось

Отсидев 10 суток в «одиночке», Шура вернулся к нам слегка притихший, улыбаясь меньше обычного. На наши настойчивые вопросы, как, мол, сиделось, задумчиво сообщил нам, что у него в камере был один обрывок газеты «Комсомольская Правда», который он и выучил наизусть. А также пересчитал количество различных букв русского алфавита в каждой строке, и может нам на память это сообщить. Мы, с уважением к сидельцу, прекратили расспросы.

Пока Шура «сидел», отличился Изюминка. Видимо, получив соответствующую нахлобучку от руководства, он созвал комсомольское собрание по теме воинской дисциплины в батарее. Взобравшись на трибуну, Изюминка довольно долго и тоскливо рассуждал о необходимости крепить воинскую дисциплину в Красной Армии, пока не перешел к сути.

«*Вот сидит здесь Ондеев и улыбается!*» – грозно сверкая очками в зал произнес он. «*И все ему до лампочки, до фонаря!!! Встань, встань Ондеев!*» – скомандовал Изюминка, намереваясь что-то лично сказать Шуру.

«*Да он сейчас на гауптвахте улыбается!*» — под смех зала сообщил ему Шура Керогаз.

Изюминка смешался и снова перешел на отвлеченные темы. Мы так и не узнали, что он хотел сообщить Шуру в тот раз...

Особые отношения у Шуры складывались с автоделом. Науке практически управлять отечественным грузовиком ГАЗ-51 нас обучал инструктор – прапорщик. Он был здоровым, рыжим и наглым.

Гонял нас этот «прапор» за малейшие ошибки в управлении капризным детищем родного автопрома, как вшивых по бане. Грузовик наш требовал умения совершать при переключении скоростей «*двойной выжим*» сцепления, и в случае ошибки в этом элементе – глух, или распространял отвратительный запах «горящего» сцепления на всю округу. Если машина глухла, рыжий прапор заставлял заводить её специальной «ручкой», что само по себе было малоприятным занятием. В общем, особенно в начале обучения, скучать на «вождении» не приходилось.

Шура с первых же часов своего вождения научился вводить наглого прапора в состояние тихой паники. В его руках грузовик то прыгал, как лягушка, то вставал, как вкопанный, на полном ходу.

Шура умудрялся делать или тройной выжим, или вовсе пытался «воткнуть» передачу не выжимая сцепления. Запах от «горящего» сцепления, вой движка и мат прапора сопровождали всё время Шурино нахождения за рулём. Шура в ответ улыбался прапору своей фирменной улыбкой и уверял того, что в следующий раз «всё получится».

Рыжий прапор, отчаявшись справиться с манерой Шуриной езды, стал просить нашего замкомвзвода Сашу Керогаза назначать Шуру на вождение как можно реже и только на последнюю «пару» занятий. Объяснял он эту необычную просьбу тем, что Шуру всё равно ничему не научишь, а у него от Шурино вождения поднимается давление и дрожат руки.

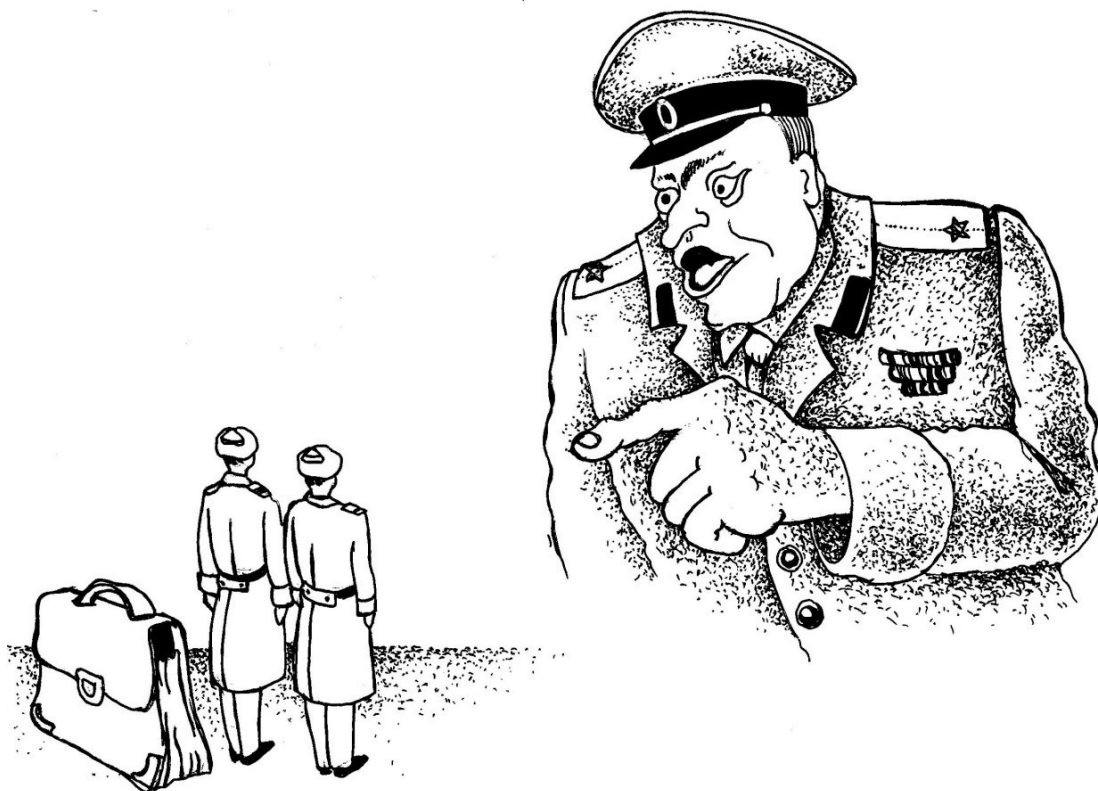
Нас, всех других своих учеников, он толком не знал и по фамилиям, зато при виде Шуры менялся в лице и говорил со смесью ужаса и почтения только одно слово: «*Шура...*». Для прапора рабочий день на этом заканчивался. Сразу по окончании Шурино урока прапор уезжал домой, приходит в себя.

Как и кто сдавал за Шуру вождение в ГАИ – история умалчивает.

Грабар

*«Работа – это витамин!
сказал Вениамин»
(из нашего фольклора)*

Веня Грабар был нашим первым комбатом. Небольшого роста, пухловатый, с маленькими глазками майор держал нас все время своего комбатства «в черном теле». Причиной тому, как много позже мне рассказали друзья из предыдущего выпуска, было то, что они буквально сидели у Вени на шее, не обращая на прибывшего «из войск» Грабара никакого внимания.

Грабар запомнился им исторической фразой: *«Это сейчас я с вами работаю, а вам-то в войсках работать – с людьми!»*

Веня поддерживал у нас в батарее очень строгие порядки.

Он стремился все время заставлять нас что-нибудь делать. Что именно – не важно: мыть стены, чистить ножки стульев, убирать снег «на территории» и т. д. Читающего, даже в личное время, курсанта он воспринимал как личное оскорбление.

Тут же начинал возмущаться: *«Старицина! Им что, делать нечего? Почему все бездельничают?»* (Грабар разговаривал с интересным акцентом, в принципе не выговаривая букву «ш», у него всегда выходило «щ»). *«Направляющие: щире щаг! Щире щаг!»*

Одним из самых любимых выражений Вени было: *«Накажу усамым строгим образом»*).

Наученные Вениной реакцией на чтение и т. п. «безобразия», мы действовали так: при появлении Грабара в коридоре казармы раздавалась команда «Грабар идет!», все бросали книжки и газеты и с деловым видом начинали изображать чистку ножек стульев, протирание пыли и т. п. труды. Грабар, видя, что все работают, проходил по коридору с блаженной улыбкой и исчезал к канцелярии.

Горе было тому, кого Веня застукивал за каким-то грехом. Однажды он обнаружил, как два приятеля Кувшинов и Капустин, разговаривая между собой, слегка раскачивались на задних ножках стульев. Что тут было!

Мало того, что Веня им ввалил по 5 нарядов вне очереди, он запомнил их фамилии!!! (это ему удавалось не всегда, к нашему счастью).

Все еженедельные подведения итогов, оба года своего комбатства, Веня начинал с одной и той же фразы: *«Щинели – не заправлены, в суцилках – беспорядок, Кувицинов и Капустин – стулья ломают»*. Каждый раз «Кувшинов и Капустин» вставали, и Веня несколько секунд злобно буравил их глазами перед тем как сказать «садитесь».

Иногда Веня был способен на запоминающиеся заявления. Так, однажды, видимо, в лирическую минуту он посоветовал нам: *«Сапоги надо чистить с вечера, чтобы утром надевать их на свежую голову!»*.

Физиономия Грабара всегда хранила выражение насупленного недовольства, он был мрачен и придиричив. Его любимой забавой было – «гонять» суточный наряд до седьмого пота. Если Грабар с утра оставался в казарме – дежурному и дневальным приходилось очень туго. Целый день они драили полы, мыли умывальники и туалеты, подметали и протирали всё, что можно и нельзя. Грабар был неистощим на обнаружение разных недостатков и запросто мог «снять» наряд за пару часов до законной смены. В таком случае – всему наряду приходилось «по-новой» заступать на дежурство, толком не отдохнув. Единственный раз за два года службы под началом Грабара мне удалось его увидеть весёлым и даже смеющимся.

Я стоял на «тумбочке», дневальным, а Грабар, на наше счастье – с утра отсутствовал в казарме. Как потом выяснилось, Делегат делал обход казарм, и всем комбатам тогда было приказано его сопровождать при этом процессе. Это делалось для того, чтобы они лично видели все замеченные Делегатом недостатки и потом принимали меры по их недопущению, очевидно. Один из комбатов, носивший кличку Кирпич, имел неосторожность перед этим разобрать Ленинскую комнату (для её дальнейшего ремонта и улучшения, естественно). Это вызвало большой гнев Делегата.

По словам очевидцев драмы, Кирпича драли, как помойного кота, за разгромленную не ко времени Ленкомнату. Этот процесс и вызвал приступ неудержимого веселья у нашего Грабара. В казарму он заявился в самом прекрасном расположении духа, лучезарно улыбаясь. Я истошно проорал уставное: *«Батарей, СМИРНО!!!»*, а тут случилось – и вовсе невероятное. Веня обратился ко мне **лично** (первый и последний раз за всю нашу совместную службу). Речь его была коротка и маловразумительна: *«Когда будешь...»* – произнес Веня, продолжая сиять от счастья, – *«Никогда так не делай, понял?!»*

– *«Так точно!!!»* – браво отрапортовал я, хотя не понял абсолютно ничего. Про делегатский «разбор полётов» в «кирпичевской» батарее мы, конечно, узнали позднее, и только тогда до меня дошел потайной смысл грабаровской «указивки».

Веня зашел в канцелярию и неожиданно высунул из неё голову: *«ТуалЭт должен быть чистым!!!»* – выдал он уже обычным, суровым тоном.

– *«Так точно!!!»* – снова ответил я комбату. Это были последние слова, слышанные мной от него в личной беседе.

Когда пришли мои друзья-товарищи с занятий в казарму, и я рассказал им про это веселье Грабара и беседу с ним – не все даже мне поверили, настолько это не вязалось с его обычным угрюмым обликом и манерой.

Старшиной нашей батареи, сначала, был Юра Куриков. Член партии, старший сержант – он являлся идеальной кандидатурой для этой должности. Его карьере сгубила Венина бдительность.

Субботним зимним вечером Грабар отпустил Курикова и Ефрейтора Юрьева в увольнение. Приятели отлично провели время и возвращались в родную казарму в легком подпитии и прекрасном настроении. С собой Юрьев тащил портфель, в котором лежало несколько бутылок вина.

Они не учли, что ответственным был Грабар.

Веня встретил их на улице. Ощувив на морозе легкое алкогольное «амбре», Грабар командовал: *«За мной в канцелярию Щагом Марц! И портфель с собой несите!»* – и, не оборачиваясь, пошел впереди них в казарму, до которой было несколько шагов.

Вход в казарму, да и весь плац были залиты светом многочисленных ртутных ламп, который отражался от белоснежных сугробов, выровненных правильными прямоугольниками. Спрятать портфель было решительно негде. Друзья «горели» синим пламенем...

Единственный пятачок тени давал почтовый ящик, повешенный прямо у двери казармы. В эту тень и поставил «на ходу» портфель Ефрейтор.

Поднявшись на 2-й этаж и войдя в помещение батареи, Веня обернулся на послушно следовавших за ним приятелей.

– *«Где портфель?»* – спросил он с некоторым удивлением.

– *«Какой портфель?! Не было у нас никакого портфеля!»* – сообщили ему друзья.

Веня метнулся на лестницу, выскочил на улицу – чистый белый плац, правильные сугробы, нигде не видно портфеля. (Расчет Ефрейтора оказался точен: стоящий в маленькой тени, буквально у Вениной ноги портфель был малозаметен.

Не ожидавший такой наглости Грабар бегом вернулся в казарму. Заперев проштрафившуюся парочку в канцелярии, он построил всю батарею и лично возглавил поиски. Под его командой мы вооружились лопатами и «снесли» до асфальта все правильные снежные сугробы у входа. Веня, видимо, решил, что портфель был запрятан в утрамбованных сугробах. (А «отвечала» за порядок при входе в казарму – Первая батарея, и её комбат, капитан Туча, наутро сильно пенял Грабару за произведенный нами погром на его территории).

В общем, под наблюдением Вени мы минут 30 перелопачивали все окрестности, не понимая, чего он так взбеленился. Эффект был нулевой.

В конце концов, батарея была отпущена спать, а Веня, вызвав Комдивку с Изюминкой, приступил к допросу наглецов.

Их допрашивали и порознь и вдвоем почти всю ночь. Куриков и Ефрейтор стойко держались: не было никакого портфеля, почудилось комбату.

В конце допроса Изюминка применил «секретное оружие» к Курикову: *«Как коммунист, Вы можете дать нам, трем членам партии и Вашим прямым начальникам „честное партийное слово“, что не было портфеля?»*

«Могу!», – бестрепетно ответил Юра. *«Честное партийное слово, что не было никакого портфеля!!!»*

«Грабар, может быть, и правда, не было портфеля?!» – с недоумением поинтересовался поражённый Комдивка.

Грабар опять запричитал, что видел его своими глазами.

Итогом «разбора полетов» было снятие Курикова с должности старшины. Юрьева «снимать» было неоткуда, и он не пострадал.

Интересно, что из-за поиска загадочного портфеля их прибытие «подшофе» как-то ушло в тень.

Да, забыл сообщить о судьбе портфеля.

Пока Грабар первый раз бегал на улицу и обратно, Куриков успел шепнуть нашему солдату – каптёру, где стоит портфельчик и тот, пользуясь тем, что Веня в ходе поисков контролировал курсантов, тихонько отнес портфель в каптёрку.

Когда все утряслось, им было чем отметить снятие Курикова с должности.

Делегат

Начальником училища был генерал Елдокимов С. С. Он пришел к нам еще полковником, на место отправленного на пенсию генерал-майора Стукалова П. И.

Стукалова курсанты уважали, как фронтовика и первого начальника училища.

Помню, как на построении по случаю прощания с ним выступавший старшекурсник, без всякой бумажки, очень хорошо сказал генералу: *«Могу сказать от всех своих товарищей: мы назвали Вас «батей».* После этих слов строй курсантов устроил Стукалову бурную овацию, а Павел Иванович не смог удержаться от слез.

Выступавший в конце прощания Елдокимов закатил длинную пафосную речь, в которой раз пять упомянул, что он только что прибыл с 25 съезда партии, делегатом которого являлся, и какое впечатление на него произвел доклад дорогого Леонида Ильича Брежнева. Его спич мы удостоили жидкими хлопками, а кличка *«Делегат»* стала его полуофициальным именем среди курсантов, да и офицеров училища.

На фоне строевого командира Стукалова, и тем более своего зама полковника Васильева Л. В. Делегат смотрелся бледно. Путал команды, давал «петуха», а вместо резких строевых команд у него выходило какое-то бляение. От его исполнения строевых команд на различных

построениях мы покатывались со смеху, а доморощенные пародисты в строю их дублировали, вызывая новые вспышки смеха и злобные взгляды комбатов.

Кроме того, чуть ли не первым его распоряжением было «временное» запрещение «свободного выхода» для старшекурсников. Этого мы не могли ни забыть, ни простить Делегату.

Зато в любви к речам, докладам и выступлениям Делегату не было равных.

«Наше родное!!! Высшее!!! Военно-политическое!!! Училище ПВО страны!!!!» ревел он белугой на всех построениях, не замечая, какой эффект на слушателей производит.

Самым любимым выражением Делегата было: *«Хочу выразить свое НИЗКОЕ человеческое спасибо!!!»* Это «низкое человеческое спасибо» вошло в наш юморной лексикон, и было синонимом напыщенной и фальшивой фразы.

Другой его «фишкой» было собственное делегатство на 25 съезде КПСС. Он упоминал о нем к месту и не к месту на всех митингах и построениях, делая доклады и разносы, и «достал» всех до печенок. За все 3 года учебы под его началом мы так и не привыкли к его манере командовать и выступать. А слово «Делегат» было в нашей среде почти ругательством.

Однажды, когда мы уже завершали 4-й курс, нас собрали в клубе по какому-то поводу, и Делегат, взобравшись на трибуну, начал нести свою обычную околесицу. Мы прибыли прямо после обеда, в клубе было жарко натоплено, и народ начал постепенно засыпать под делегатскую речь. Минут через пять 80% зала было погружено в глубокий сон. Остальные курсанты и офицеры героически боролись с приступами сонливости, кляня носом.

На обеде нас накормили гороховым супом, и это дало прогнозируемый результат.

В зале была благодатная тишина и сопение спящих, а на трибуне распинался Делегат, которого никто не слушал.

Неожиданно, в тот миг, когда Делегат замолчал, набирая в грудь воздух для продолжения речи, раздался резкий характерный звук. Это громко пёрнул спавший Сил Силыч. Те, кто не спал – засмеялись, разбудили соседей, те тоже посмеялись небольшому происшествию. Виновнику натыкали кулаком в спину и потребовали «перестать срать» в публичном месте.

«Че надо?! Пили на хер!!!» – отбивался Силыч от нападков товарищей.

Сидевший рядом со мной Миша Федотиков, которого тоже разбудило это происшествие, довольно громко прокомментировал инцидент: *«Вот же Бабай чимкентский! Совсем культуры нет никакой! Чурбан! Надо же – пёрнул в приличном обществе!!! Сразу видно, что из Средней Азии!»*

Сил Силыч привычно «послал» его в ответ. Постепенно страсти улеглись, и народ снова начал засыпать. Делегат же сделал вид, что ничего не слышал, и продолжал нести свою ахинею.

И тут снова в микропаузе делегатской речи оглушительно пёрнул уже заснувший Миша!!! Да как! Длинно и переливчато, с каким-то подсвистом в конце!

Тут уже проснулся и хохотал весь зал минуты полторы.

Делегат стоял на трибуне и не знал что сказать, пока все не отсмеялись.

Почему-то из всех речей Делегата больше всего нам запомнилась эта.

Забавная история с речами и приветствиями случилась уже после нашего выпуска, в 1984 году. После кончины Ю. В. Андропова руководство страны приняло решение увековечить его память, и одним из пунктов этого постановления было – присвоение нашему училищу имени Юрия Владимировича.

В связи с этим, по тогдашней практике, в училище состоялось торжественное построение с выносом знамени и митинг. Всё прошло гладко, кроме одного момента. Одним из выступающих на этом митинге был командующий войсками округа генерал армии С., специально приехавший на торжество. Участник войны, он был уже довольно пожилым человеком, и это,

видимо, сыграло свою роль. Довольно бодро прочитав по бумажке заготовленную речь, командующий, видимо, решил в конце поприветствовать народ «от души».

«Поздравляю командование, профессорско-преподавательский состав, всех офицеров, прапорщиков, курсантов и солдат училища с присвоением ему имени.. (тут он неожиданно запнулся и после некоторой паузы выдал): Леонида Устиныча Андропова!!!»

«Ураааааа!!!!» – дружно заорали поздравляемые, тоже после некоторой паузы.

Ещё один курьёзный случай произошёл во время «войны хлястиков».

Дело в том, что шинель имеет так называемый «хлястик». Те, кто служил – знает, что это такое, а не служившим объяснить вид и назначение детали в двух словах будет непросто, да и нет особой необходимости.

Достаточно сказать, что хлястик имеется на каждой армейской шинели, носится он на двух пуговицах, в районе талии, как бы стягивая саму шинель.

Как показали дальнейшие события, без хлястика шинель приобретает вид сиротский и жалкий, а сам военнослужащий в такой шинели становится моментально похожим на «окруженца», чудом избежавшего плена.

С чего началась «война хлястиков» – точно сказать сложно. Помню, что мы были курсе на третьем. Осенью, когда пришла пора надевать шинели, провисевшие всё лето без дела, выяснилось, что у кого-то не хватает хлястика на ней. Пострадавший, недолго думая, снял хлястик у соседней шинели, и... *«процесс пошёл»*, как любил выражаться, впоследствии, незабываемый «лучший немец года».

Кто-то взял хлястик товарища «про запас», кто-то, может быть, и действительно умудрился его где-то потерять, в общем, из этой мелочи выросла нешуточная проблема. Хлястики вдруг стали дефицитом, их начали снимать со своих шинелей и носить в карманах, подписывать шариковыми ручками на обратной стороне свои ФИО и номер военного билета, но ничего не помогало.

Проблема распространялась с удивительной скоростью. Скоро в строях можно было видеть немалое число курсантов в шинелях без хлястиков, что вызывало законный гнев наших командиров и начальников.

Ситуацию усугубило распоряжение Делегата о запрещении передвижения по территории училища «одиночек». Им предписывалось, в самом крайнем случае, передвигаться по огромной территории «партийного вуза» бегом, а по плацу – шествовать только строевым шагом.

Понятно, что поначалу на такую глупость никто особого внимания не обратил. То, что хорошо для сержантской 6-ти месячной «учебки» и 18-ти летних новобранцев, не всегда подходит для 4-х лет военного училища и курсантов, некоторым из которых было по 23—25 лет в момент обучения.

Грабар на одном из своих «подведений итогов» так выразился по этому поводу:

«Выглянул я в окно, а по плацу одиночки – толпами ходят!»

Однако для контроля за выполнением этого распоряжения Делегат приказал привлечь офицеров-заочников, которые в немалом количестве приезжали «из войск» сдавать экзаменационную сессию в училище.

Это сразу же обострило ситуацию.

Патрулям заочников давали план по поимке и «записыванию» одиночек. Записанных стали привлекать к дополнительным занятиям по строевой подготовке (в субботу, под руководством коменданта училища), да и комбатов, у кого больше всего было поймано подчинённых «одиночек», драл лично Делегат на совещаниях.

Курсанты, в ответ, начали «тырить» хлястики у заочников. Благо, в учебных корпусах шинели заочников никто не охранял во время занятий.

Это оказалось «несимметричным» и действенным ответом.

Курсант без хлястика выглядел, конечно, плохо, но для похода в увольнение мы всегда могли занять хлястик у товарища, и это не было неразрешимой проблемой.

А вот отсутствие хлястика у офицера делало его просто смешным и совершенно исключало возможность посещения им Ленинграда.

Появились «ходоки» от заочников к нашим комбатам с предложением прекратить «войну» на паритетных условиях. Они прекращают особо стараться с «переписью одиночек» и будут записывать минимум разгильдяев, а курсанты – прекратят снимать их хлястики и вернут уже «спёртые», по возможности.

Хиль, после такого «визита парламентёров» разъяснял нам вред порчи отношений с заочниками:

«Хлопцы! Вы ещё со многими из них в войсках встретитесь, они же начальниками вашими будут там! Ещё припомнят вам эти хлястики!».

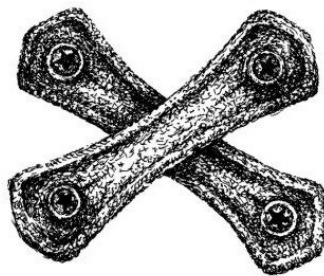
Но войну закончили не увещевания, а несколько необычное происшествие.

Во время собрания в клубе, на котором присутствовал сам Делегат, какой-то безвестный герой умудрился спереть хлястик с его шинели. Делегатский, генеральский хлястик перевесили на место обычного офицерского на соседнюю шинель, а тот, офицерский – прицепили на шинель Делегата.

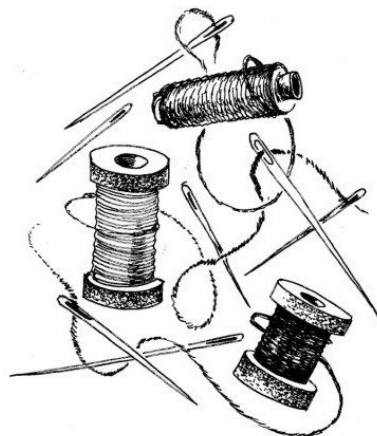
Вышел серьёзный конфуз, к поискам ловкого злоумышленника подключили чуть ли не «особистов», и «хлястиковая война» постепенно пошла на убыль, а потом и совсем прекратилась.

Этому способствовало и то обстоятельство, что для курсантов пошили и раздали в батарее множество дополнительных хлястиков из старых шинелей.

Они прекратили быть «дефицитом», их перестали прятать, и весь ажиотаж вокруг хлястиков закончился.

«Жизнь есть жизнь!»

Этой любимой присказкой Хиля можно кратко охарактеризовать происходившие с нами процессы. В каждом мгновении училищной жизни – от подъема до отбоя, да и после него, было место и подвигу и юмору и разным драматическим происшествиям. С подъема жизнь начинала крутиться с бешеной скоростью. Туалет, зарядка, умывание, заправка коек. Все и всегда были не выспавшимися и хотели спать. Почти все умели спать сидя на занятиях, некоторые умудрялись слегка вздремнуть и стоя в строю. Отдельные индивидуумы научились спать на занятиях с открытыми глазами, сжимая в руке авторучку.

Помнится, однажды Вова Титьков, обладавший таким даром, до полусмерти напугал подполковника, преподавателя автодела. Тот расхаживал по аудитории с указкой и, показывая на стенды, рассказывал нам про устройство ЗИЛ – 131. Вова мирно спал с открытыми глазами, сидя под одним их стендов. Видимо, голос преподавателя его разбудил, и Вова спросонья подскочил под вытянутой рукой, едва не выбив башкой указку из рук подполковника.

«Курсант Титьков!» – представился Вова по уставному.

Преподаватель шарахнулся от него, с перепугу, метра на полтора. Потом, оправившись от неожиданности, выгнал Вову из класса, да еще и Грабару сообщил.

Очень оригинально отходил ото сна Сил Силыч. От подъема и до завтрака он обычно пребывал в пресквернейшем расположении духа. В это время Сил смешно почесывался и на любой обращенный к нему вопрос давал стереотипный ответ: «*Чо надо?! Пшел на хер!*». Лучше было его не трогать в эти мрачные минуты. В остальном – Сил был прекрасным человеком и товарищем.

Своеобразно и нестандартно действовал наш Фил, сменяясь с наряда. Для всех обычных курсантов «сдача» наряда не обозначала ровным счетом ничего. Просто ты становился в общий строй и действуешь по распорядку дня со всеми вместе. (Я, к примеру, дважды имел счастье стоять по 5 нарядов «через день» от Жоры, и мне в голову не приходило выпрашивать себе какие-то послабления после смены).

Фил на протяжении 4-х лет функционировал по одной схеме. Он «заболевал». Едва «сдав» наряд, Фил шел к своей кровати. На лице его была написана такая нечеловеческая мука и усталость, что было страшно смотреть. Он медленно раздевался, несколько раз оглушительно встряхивал свои знаменитые портянки, приводя окружающих в ужас жутким запахом. Мы называли этот аромат «филовские духи *«вот солдаты идут»*».

Потом ложился и мгновенно засыпал. Ни Вайнер, ни Керогаз ни разу не осмелились ему сказать в эти минуты ни слова. Все знали – раз Фил сменился с дневальства – значит болеет.

Фил всегда любил слегка «попижонить» и был ярким нарушителем уставной формы одежды, стремясь ее «улучшить». Укоротить шинель, наглядить поперечную стрелку на спине гимнастерки, подшить воротничок «дембельским стежком», расклешить парадные брюки – были его любимыми забавами. В этих вопросах он шел в первых рядах наших батарейных «законодателей мод». В то время очень модно считалось носить обувь на высоком каблуке. В училище это делать было решительно невозможно, но были любители носить форму (и такие ботинки) в отпуске.

Фил однажды притащил из увольнения черные форменные ботинки на умопомрачительно высоких каблуках. Они вызвали небывалый ажиотаж у любителей пофорсить.

«Знаю армян – сапожников. Могут пошить такие же за 35 рублей» – важно сообщал Фил окружающим. По тем временам это были немалые деньги (на 4-м курсе курсант получал 15 рублей 80 копеек). Нашлись и желающие. Был среди них и наш Рома, поступивший в училище из захолустной станицы Ростовской губернии. Он весь отпуск ходил на танцы исключительно в форме, и ему, имевшему рост 160 см, ботинки на таких роскошных каблуках были нужны как воздух.

Фил отвез армянам деньги и потом раза 3 ездил к ним за готовыми заказами. Желающих было немало.

Рома тоже получил свою вожделенную пару и вскоре уехал в отпуск, везя драгоценные ботинки с собой в чемодане.

Он вернулся из отпуска и долго скандалил с Филом, требуя вернуть деньги.

Выяснилось, что прибыв в отпуск, Рома нацепил филовские ботинки и «почапал» в них в соседнее село на танцы. Тут пошел дождик, и бумажные армянские подметки отклеились вместе с роскошными каблуками.

«Я из-за тебя 7 километров босиком по грязи под дождем шел!!!» – орал Рома, нещадно матеря Филадельфию. Тот выражал свое сочувствие, но никаких денег не вернул.

25 лет спустя мы встретились отметить годовщину выпуска.

Первое, что вспомнил Рома Филу – это были злосчастные ботинки.

Эта юбилейная встреча в Питере вышла очень весёлой. Мы все собрались на квартире Папана, где знатно отметили юбилей, к ужасу его супруги. Фил, занимавший должность начальника отряда спасателей МЧС в столице, приехал последним, когда публика была уже хорошо разогрета.

Для того, чтобы слегка «kozyрнуть» значимостью своей новой должности, он привёз нам свой месячный отчёт для префектуры о совершённых отрядом подвигах. В нём дотошно перечислялось, сколько было выездов и по каким поводам (пожары, самоубийства, утопленники, утечки газа и т. д.) Всё это очень впечатляло и, если бы мы все были трезвыми, прошло бы рутинно.

Но тут, кто-то из празднующих заметил в отчёте графу *«Выезд по поводу «неизвестного запаха»!!!*

Это привело собравшихся в восторг.

Все два дня праздника кто-нибудь регулярно восклицал: *«Тревога!!! Чувствую неизвестный запах!!!»*

– «*Вызывай Спасателя!!!*» – тут же требовал Шура Андреев.
В общем, этим «*неизвестным запахом*» бедного Фила затерроризировали.
Мораль: не выпендривайся перед нетрезвыми товарищами!

В первый раз *солдатская смекалка*, внезапно, проснулась у меня в училище. Мы выходили на плац на какое-то построение. Я не имел и не имею привычки плевать без крайней необходимости, а тут вдруг меня какой-то чёрт дернул, и я плюнул неожиданно для самого себя. Да как-то неудачно, через плечо, норовя попасть в большую железную урну, стоявшую у входа в казарму. В результате – чудом не попал в... Комдивку, который, оказывается, мирно шел сзади меня.

«*Верблюд!!!*» – взъерепенился Комдивка, наливаясь гневом (совершенно справедливым, подчеркну), глядя на меня злыми глазами.

«*Таааак Точно!!!*» – громко, с интонацией начальника почётного караула поддакнул я Комдивке.

Он сразу смягчился: «*Больше так не делай!*». Гроза миновала.

Зачастую армейская служба помогала по-новому раскрыться возможностям человеческого организма, особенно в стрессовых ситуациях.

У нас были два курсанта: латыш Нартыш (имевший необычное слово-паразит «*также самое*») и русский БАМ (имечко его пошло от популярной магистрали и аббревиатурвы заглавных букв Богданов Александр Михайлович). Они были чуть похожие – одного роста, очень здоровые физически, немногословные и спокойные. Мы их звали за толстокожесть и мощь «*Два слона*». Кроме всего прочего, они были нашими «секретчиками» – таскали чемоданы с секретной литературой и тетрадками. Нартыш к тому же был и каптёрщиком и имел свой «кабинет», что для казарменной жизни было немалой роскошью.

На улице, у курилки нашей казармы со времен последнего ледникового периода нашла вечный покой огромная глыба гранита. Она на три четверти находилась под землей и никому не мешала. Даже ее торчащий кусок внушал почтение к ее размерам и весу.

Однажды Комдивка, будучи в дурном настроении, пришел в курилку. Ему еще и несвоевременно подали команду: «Смирно!»

Комдивка, узрев (словно впервые) глыбу, вызвал Грабара и дал команду ее выкопать и убрать от казармы. За территорию курилки отвечала наша батарея, и эта глыба стала наказанием для всех нас. Целый год мы ее выкапывали в свободное от учебы время. Чем глубже мы вгрызались в землю, тем больше поражала глыба наше воображение своей мощью, уходя трапецией в глубины земли. Казалось, работе не будет конца...

Весной мы сдавали какой-то зачет, и сдавшие отправлялись в казарму, готовиться к обеду. В первых рядах сдали и ушли от нас «два Слона».

Когда остатки группы Керогаз привел в казарму, нас ждало сенсационное зрелище. У курилки на земле лежала выкопанная и вывернутая на поверхность глыба исполинских размеров.

Выяснилось, что наши «Слоны» прибыли в казарму и начали в каптерке варить чай, используя в качестве кипятильника самопальный нагреватель из безопасных бритв, что было строжайше запрещено.

За этим занятием их и застукал Комдивка. Наорав на «Слонов», он, в качестве искупления их вины, приказал им выкопать несчастную глыбу. И «два Слона» с перепуга за час выкопали и вывернули на поверхность эту каменюку, с которой вся батарея мучилась целый год. Да еще и яму заровняли!!!

Глыба потом еще долго лежала на земле – не могли найти грузовика, который бы выдержал ее тяжесть, и крана, чтобы оторвать ее от земли.

С БАМом была еще одна веселая история перед самым выпуском. У нас было принято тогда ходить в увольнения в новые общественные бани на проспекте Ветеранов. Там был дедок банщик, который за рубль предоставлял нам свою «кандейку» в качестве отдельного кабинета, в котором можно было уютно посидеть и выпить в перерывах между помывками.

В один прекрасный вечер в баню отправилась компания любителей пара, среди которых были Ефрейтор Юрьев и БАМ. Они и стали героями мероприятия. «Дозу», видимо, рассчитали плохо. Вначале Юрьев грохнулся в парилке в обморок, всех изрядно перепугав. Несколько ушатов холодной воды привели его в чувство.

БАМ же держался до самой казармы молодцом. «Сломался» он, уже переступив порог родной батареи. Все уже спали. Войдя в кубрик, БАМ включил весь свет в кубрике и заорал молодецким голосом: «*ПОДЪЕМ!!!! Какого хера спите????!!!*», изрядно ошарашив нас такой выходкой (он всегда был очень спокойным и выдержанным, «Слон», одним словом).

Затем он уселся на свою койку и начал громко икать каждые 10 секунд. В перерывах между иканиями БАМ пытался рассказать разбуженным товарищам о своей замечательной помывке, повторяя, как заклинание: «*Вы не подумайте, я не пьяный... Я просто отравился колбасой! Двести пятьдесят грамм краковской колбаски!!!!*», и заливаясь идиотским смехом.

Напротив него была койка Артуши, которого БАМ разбудил самого первого, просто сев на него спяну. Артуша, поняв, что БАМ быстро не успокоится, взял в каптерке свой «выпускной» чемодан и начал раскладывать и перекладывать в нем разные вещи и подарки, приготовленные к окончанию училища для родни. Потом он отошел зачем-то в сторонку.

И именно в этот момент БАМу «*сплохело*», и он кинул *могущественнейший «харч»* прямо в раскрытый Артушин чемодан, наполнив его едва ли не до краев. Бедный Артуша в ужасе унесся с чемоданом в умывальник спасать содержимое, хотя нам было видно, что это – пустая затея.

БАМ снова повторил свою сентенцию про «*краковскую колбаску*» и еще пару раз «*кинул харч*» уже на Артушину койку, а затем – просто на пол.

Потом БАМ просветленным голосом поинтересовался: «*А кто завтра уборщик?!*» – снова захохотал, плюхнулся на свою кровать и уснул сном младенца. Уборщиком был Ефрейтор Юрьев, лежавший на своей койке с мокрым полотенцем на голове. Его матюги БАМ уже не слышал...

Просто необходимо кратко сказать и об увольнениях. Это было не просто мероприятие. Это было – счастье. Ему предшествовал целый ритуал: нужно было иметь хорошие спортивные показатели (тех, кто не укладывался в нормативы физподготовки, месяцами не выпускали в город), не иметь «неудов» и «залетов» в дисциплине. В увольнение отпускали на строго определенное время, и только по субботам и воскресеньям. Ни о каких нарушениях дисциплины, порядка, правил ношения формы одежды и отдания воинской чести не могло быть и речи.

«*Что должен делать курсант, чтобы не принести из увольнения замечания от папруля??*» – задавал на инструктаже «увольняемых» Хиль свой сакраментальный вопрос.

И сам же отвечал: «*Плакать, проситься и убежать!!!!*»

«Увольняемых» тщательно проверяли на предмет соответствия внешнего вида и прически уставным правилам. Делал это ответственный офицер в батарее и дежурный по училищу. Иногда в процесс вмешивалось и высшее руководство училища, и это порой приводило к неожиданным результатам. Курсе на 4-м нас привели на проверку внешнего вида к дежурному по училищу перед увольнением. Неожиданно из штаба вышел полковник Анненков, начальник учебного отдела, и тоже включился в процесс.

Все шло нормально, пока он не дошел до Миши Федотикова, перед которым Анненков остановился. Они уставились друг на друга. Анненков смотрел на Мишу, тот «поедал глазами» начальство.

Оба были немного похожи внешне: высокого роста, оба в очках с золотой оправой. Молчание затягивалось.

«Вы когда в последний раз чистили пуговицы на шинели?!» — вдруг «выдал» Анненков.

Мы все, кроме Миши прыснули от смеха. Дело в том, что пуговицы у всех нас изначально были анодированные, они блестели сами по себе, и мы их не чистили НИКОГДА! Да и не положено это было делать, только испортишь.

Видимо, Анненков вспомнил что-то из своей курсантской юности про чистку пуговиц.

«Сегодня утром!!!» – без тени смущения соврал Миша.

«Надо чаще это делать. Почистить еще раз и доложить дежурному», – по-отечески пожурил его Анненков, и ушел, не придираясь больше ни к кому.

Миша отошел в сторону, постоял и через минуту доложил дежурному о выполнении приказа под наш смех.

Улыбавшийся дежурный благословил нас на выход в город, и мы бегом рванули к платформе. От штаба до платформы электрички было расстояние километра 2, и если бы кто-нибудь догадался засекаеть время его преодоления курсантами, бегущими в увольнение – были бы зафиксированы рекордные результаты...

Самый замечательный отдых был, конечно, во время отпусков. Чего только не творили наши ребята за время своих каникул...

Всего и не упомнишь, и не расскажешь. Кто-то чудил, кто-то совершал добрые дела в тимуровском духе. Помню, что один курсант в отпуске спас утопающего, и его даже наградили медалью за это. С нами учился Володя Кибернетик. Он был знаменит тем, что каждый раз после отпуска в курилке говорил народу усталым голосом: *«Ребята, а я в отпуске подвиг совершил!»*

После этого он излагал какую-нибудь удивительную историю своего очередного героизма. К этому мы привыкли, и спокойно выслушивали его рассказ об очередных похождениях героического отпускника. Наиболее правдоподобной историей был рассказ о том, как он с друзьями, в нетрезвом виде, справил малую нужду с плотины Днепрогэса.

Я в отпуске обычно жил дома, в Ленинграде и частенько отдыхал в компании со Стёпой и Юрой Юшиным. Почему-то так случалось, что именно эти дни запоминались каким-то бесшабашным весельем, забавными посиделками и приключениями. Надо сказать, что ребята мы были спокойные и неагрессивные. Будучи довольно высоким (185 см) молодым человеком, я был самым малорослым в нашей компании. Так что выглядели мы довольно внушительно, и все наши приключения носили исключительно мирный характер. Мы никого не трогали, и нас никто не трогал, как говорится.

А вот смеха, взаимных подначек и весёлых воспоминаний от отпуска оставалось много.

Однажды мы гуляли по Кировскому проспекту летним ленинградским вечером. В «гражданке», конечно (в отпуске курсантскую форму мы не одевали, хотя это и было нарушением уставных правил в то время).

Днём немного выпили, для настроения, но к вечеру хмель выветрился, хотелось «добавить». Водки после 19.00 тогда не продавали, а вот сухого вина или шампанского можно было свободно выпить в любом кафе-мороженом, которых было довольно много. Кафе эти работали обычно до 23.00, и вход в них был совершенно свободным, без швейцаров. Винцо там продавали с приличной наценкой, считалось – дорого, поэтому народу в кафе обычно было немного, а пьяницы и алкоголики в них не хаживали.

Зашли мы пару раз в разные «кафешки», «дёрнули» по стаканчику – и наши деньги закончились.

Да, вино в этих кафешках разливали в обычные гранёные стаканы. Скромненько, конечно... Зато никому ещё в голову не приходило его разбавлять (в худшем случае – могли

недолить), и уж тем более – торговать из-под полы «палёной» водкой. Этому искусству обучились только в конце «эпохи Горби».

Поняв, что деньги на исходе, мы опечалились. Пора было уже и расходиться, но на такой грустной ноте расставаться не хотелось. После тотального поиска остатков мелочи по всем карманам мы набрали медяков еще на 200 граммов «Алиготе». Решили зайти в ближайшее кафе и выпить на прощанье.

Зашли, купили стакан вина и подошли к стойке у выхода, чтобы его «употребить». Рядом, за столиком, сидели два каких-то поддатеньких мужичка. И тут Юшин отчебучил незабываемый номер.

Я глотнул свою «норму» из стакана, Стёпа отпил свою и передал остаток – Юшину.

Юра, увидев, что перед мужичками стоят два полных стакана с вином, подошел к ним. Поставив свой «бокал» на их столик, он покровительственно приобнял одного из мужичков:

– *«Ну, мужик, тебя как зовут-то?!»* – поинтересовался у него Юра задушевно-покровительственным тоном. Мы со Стёпой с изумлением таращились на эту мизансцену.

– *«Кеша!»* – как-то радостно ответил Юре мужичок.

– *«Ну, Кеша, твоё здоровье!!!»* – торжественно провозгласил Юшин, взял со стола полный стакан Кеша и выпил его единым духом.

Собутыльник Кеша, видимо, опасаясь, что Стёпе тоже захочется выяснить, как его зовут, молча, в мгновение ока, тут же выпил свой стакан!!!

Кеше ничего не осталось, как залпом выпить остаток вина из Юриного стакана, после чего мы с хохотом покинули кафе, поражаясь находчивости приятеля.

После этого Юрина фраза: *«Ну, Кеша, твоё здоровье!!!»* – долго была дежурной в наших дружеских застольях.

Силу коллектива тоже лучше всего узнаешь в суровых армейских условиях.

Курсе на третьем у нас вошел в моду коллективный ответ в строю.

Обычно было 4 варианта выражения коллективного мнения:

1. По какому-нибудь грустному поводу. Из строя кричал один из курсантов: *«Взгрустнем, товарищи!!!»*. И 120 человек дружно отвечали: *«Эх, бяя!!!»*

2. Выражение неудовольствия кому-то из посторонних. Так однажды мы «поприветствовали» майора – заочника начальника патруля, придравшегося к нашему старшине по поводу дисциплины строя.

«Сколько лет этому майору до дембеля?!» – громко задал вопрос Женя Кацер. *«БЕЕЕЧНОСТЬ!!!»* – ответила батарея, изрядно удивив заочника таким прогнозом, судя по выражению его лица

3. Выражение *«общественного презрения»* кому-либо. Один из наиболее популярных у нас приёмов. Кто-либо выкрикивал из строя: *«Товарищи! Выразим общественное презрение дежурному по столовой!»*. И весь строй дружно и угрюмо тянул: *«Уууууу, суууука!!!»*

4. Самым ярким, безусловно, был *четвертый вариант* выражения общественного мнения. О нем стоит рассказать чуть подробнее.

Преподавателем кафедры тактики ЗРВ в училище служил знаменитый полковник Пишкин. Он имел маленький рост, но обладал очень громким металлическим голосом, а кроме того был исключительно въедливым, принципиальным и строгим офицером. Его дочь вышла замуж за училищного курсанта. Ходили легенды, что Пишкин проверял у мужа дочери наличие увольнительной записки прежде чем пустить его на порог. Когда он звонил домой, представлялся так: *«Доченька, это дежурный по училищу, полковник Пишкин звонит!»*

За принципиальность, «упертость» и идейность он имел кличку *КВС* (*«Коммунист Вооруженных Сил»*). «КВС» – так назывался также довольно занудный журнал, в котором Главпур публиковал материалы к очередным темам политподготовки.

Хуже КВС – Пишикина дежурного по училищу не было. Он образцово нес службу и «доставал» всех «нарядчиков» своей требовательностью.

И вот *КВС* заступил в очередной раз дежурным, и прибыл после отбоя в нашу казарму. Найдя, как обычно, кучу недостатков, он начал распекать за что-то дежурного по батарее. Его металлический голос гремел под сводами казармы и изрядно нас раздражал, мешая уснуть. Несколько раз КВСу выкрикнули «Потише!», на что он не обратил ни малейшего внимания.

КВС, в центре казарменного коридора, продолжал делать «втык» нашему дежурному.

И тут: «Где мы видели этого полковника Пишикина?!» – раздался чей-то звонкий голос. «В ЖОООПЕ!!!» прогремело в ответ.

Потрясенный КВС, впервые услышавший о своем месте в курсантских глазах, впал в экстаз, и вызвал Хиля в казарму.

Прибывший из дома Хиль, не очень разобрался в инциденте, но поднял с коек всех сержантов и долго драл их в канцелярии. «Вакханалия!!! Самого Пишикина в жопу послали!!! Совсем обнаглели!» – сквозь сон слышали мы хилевские вопли.

Несколько слов о спорте. У нас его было с избытком. Каждое воскресенье – какой-нибудь кросс, или гимнастика, или гири, или другой «спортивный праздник».

Бега обычно назывались «кросс на приз имени Александра Матросова». Сколько раз мы бегали – не счесть, но приза этого никто так и не увидел, что давало повод к разным злым шуткам. Обычно после кросса тех, кто «уложились» в норматив и были внесены в списки очередников, отпускали в увольнение в город. На эту тему у нас была даже сложена песенка про комбата:

«...Он говорит, что трое лыжников из ста пойдут, быть может, скоро в увольнение. Пойдут, конечно, но когда растает снег...»

Да и настроение после «пробежки» в 10 км у нас часто было неважным...

Однако бегали все, включая взводных и комбатов. Во главе всего этого спортивного великолепия стоял полковник Васильев, который лично присутствовал на финишах и следил за результатами участников. Нечего и говорить, что увольнения в город и отпуска находились в прямой зависимости от спортивных успехов. Не укладываешься в норматив – про увольнение забудь. Строго, но эффективно.

Особенно кисло на лыжне приходилось «бабаям». Так мы называли ребят, поступивших в училище из республик Средней Азии. Они, кстати, не обижались, и слово «бабай» было у них типа шуточной самоидентификации. Порой в казарме была слышна неуставная команда: «Бабаи – в ленкомнату!!!» Мы не удивлялись – значит, что-то обсуждают между собой наши среднеазиатские братья (которые у нас на 80% были славянского происхождения, кстати).

Нормальному – то человеку «сплохеет» после пробежки 10 км в сапогах и на тех дровах, которые нам выдавали в качестве лыж. Что и говорить о ребятах, увидевших снег впервые в училище...

Гоша Ищенко (уроженец хлебного города Ташкент и цыган по крови) бегал на лыжах особенно смешно. Сначала он пытался просто бежать по снегу, держа лыжи и палки «в охапке». Когда же убедился, что это невозможно делать, стал героически изображать бег, падая через каждые 10 метров. Вместо 58 минут по нормативу, он передвигался с лыжами 2,5 – 3 часа. Помню, курсе на 3-м я встречал его на финише. Гоша был весь покрыт ледяной коркой и абсолютно счастлив. Он покрыл дистанцию менее чем за 2 часа. «Только 67 раз упал!!!» – восторженно прокричал он мне, финишируя.

Ещё несколько слов о «национальных кадрах». Среди них попадались очень яркие индивидуумы.

Во время «курса молодого бойца» у нас в батарее был здоровенный парень Магомэд. По-русски он говорил очень плохо, приняли его (условно) как национального кадра и кандидата в мастера спорта по борьбе. В редкие свободные минуты курса мы пытались с ним разговаривать, и это всегда вызывало у участников приступы весёлого смеха. Выяснилось, что Магомэд был уверен, что в училище готовят ... милиционеров. Как он объяснил, где-то в горах враги (!!!) зарезали его лучшего друга, который скончался на руках Магомэда. «*Он минэ сиказал: Магомэд, атамсты!!!*» – эту последнюю фразу зарезанного друга Магомэд всегда орал душераздирающим голосом, веселя слушателей до слёз. Он долго нам не верил, что училище не готовит милиционеров, а когда понял это – пришел к Комдивке и потребовал, чтобы его отчислили. Что и было сделано. Даже присягу он не принимал.

Другим необычным курсантом был курд Мамед. Он прославился на 1-м курсе, в первом же своём наряде. Будучи дневальным второй смены, он должен был бодрствовать с 1 до 4 ночи. Он уснул вместе со всей батареей, после отбоя, а вот поднять его через 2 часа для несения службы оказалось нелёгким делом. Ничего не соображая, спросонья, он категорически отказывался просыпаться и вставать с койки:

– «*Вставай, ты же дневальный!!!*» – яростно командовал ему дежурный сержант, тряся Мамеда за плечо и пытаясь достучаться до его сознания.

– «*Я к Урдеи, а не дневальный!!!*» – гордо отвечал ему Мамед, отчаянно отбиваясь.

В общем, пока его подняли для несения службы, разбудили полбатарей. А его фраза: «*Я к Урдеи, а не дневальный!!!*» – стала «притчей во языцех» нашего дивизиона.

Вернёмся к спортивной тематике.

У нас встречались индивидуумы не способные к спорту в принципе.

В начале второго курса в первой батарее появился замечательный курсант. Под 2 метра ростом, худой и удивительно нескладный внешне. Это был Гена Демьянович. Он перешел к нам в училище с 3-го курса Ленинградского Государственного Университета. Сейчас в это невозможно поверить, но тогда такие случаи не были особой редкостью, престиж военной профессии стоял высоко.

Помог, конечно, Гене перейти в училище и его батя, полковник с кафедры ЗРВ. Мы называли эту кафедру «*черными полковниками*» за цвет петлиц и суровое отношение к курсантам в ходе учебы. На кафедре выделялись два друга-полковника: Демьянович (Генин папаша) и Алексеев. Оба высокие, худые, с вытянутыми «лошадиными» (как у Б. Пастернака) лицами, они были даже похожи внешне, а так как еще и дружили, то частенько ходили по училищу парой, представляя довольно забавное зрелище. По аналогии с боевыми наименованиями американских ракет класса «воздух – земля», за знание ТТХ которых они нас нещадно «гоняли», эти полковники имели клички «*Дядюшка СРЭМ*» и «*Папаша ХАУНД ДОГ*».

Так вот, Гена Демьянович был сыном как раз *Дядюшки СРЭМа*. Гена прекрасно у нас учился, был замечательным человеком и отличным товарищем, но полным «нулем» в спорте и строевой подготовке и вообще совершенно невоенным, по складу души и характера, человеком.

Началось все с того, что Гена имел 49-й размер ноги и с неделю ходил в батарейном строю в форме, но в домашней обуви (пока ему персонально с окружных складов не привезли сапоги такого гигантского размера). За столь необычный вид он сразу же получил кличку «*Дембель*», которая к нему намертво прилипла.

Строевые приемы в Генином изображении в течение первого года его учебы вызывали у всех зрителей приступы неудержимого веселья. Но самое главное *Дембель* творил в спорте.

Одной из ведущих дисциплин в физподготовке у нас был кросс на 1 км. Норматив жесткий – 3 минуты 20 секунд – «отлично», 3 м. 35 сек. – «хорошо», 4 м. 05 сек. – «удовлетворительно». Гена первый год не мог выбежать из 6 минут, к выпуску «укладывался» в 5. Причем он не «сачковал», а старался изо всех сил, буквально «умирая» на дистанции.

Вид финиширующего «Дембеля» был незабываем: «лошадиное» лицо смертельно белого цвета, широко открытый рот и выпученные от напряжения глаза. Поразительным был стиль «дембельского» бега. Он бежал, как кенгуру, совершая скачки невероятной длины, но довольно редкие. На это зрелище всегда собиралось много зевак.

Самый зоркий курсант кричал: «Дембель бежит!!!» И все зрители начинали скандировать: «Дембель, давай! Дембель! Давай!» На финише Гена падал в полном изнеможении на асфальт.

Комбат 1-й батареи капитан Туча, впервые увидевший такой незабываемый бег подчиненного, произнес сакраментальную фразу: «Ох уж мне эти студенты!!!»

Васильев смотрел на Генины спортивные телодвижения с выражением лица человека, которого только что «хватила кондрашка», но он еще этого не осознал. Поняв, что из Гены стайер не получится ни при каких условиях, Васильев дал команду ставить Гену в наряд на все официальные состязания и проверки.

Характерной особенностью тех славных лет была привычка к проведению митингов и собраний на различные темы. Чаще всего они проводились «для галочки», не давая ничего для ума и сердца участников. Редкие исключения только подчеркивали справедливость этого правила.

А раз были частыми митинги, нужны были и выступающие на них. У нас в дивизионе был завзятый и записной выступающий на любых митингах, торжественных собраниях и встречах. Это был Вова Сидоренко, «Сидор Лютый» по-нашему. Вот кто был настоящим любимцем Изюминки!

Сидор мог выступать по любому поводу и говорить долго и красиво, как по-писанному, но без бумажки, экспромтом. Нас поражала его способность нести ахинею на любую тему, выступать вдохновенно и эмоционально, словом, оратор он был прирожденный.

Только один разок его «занесло». Была встреча с ветеранами, в честь очередной годовщины Победы. Как водится, в клуб привезли ветеранов (человек пятнадцать), посадили их в президиум, с ними рядом уселась Делегат с Гиббоном, и мероприятие пошло своим чередом...

Ветеран ветерану – рознь, и наряду с действительно героическими людьми и интересными рассказчиками встречались любители прихвастнуть своими подвигами или ораторы, которых было невозможно стащить с трибуны.

И в этот раз нам «повезло», и какой-то ветеран занял трибуну «надолго и всерьез». Он сначала усыпил всех присутствовавших в клубе занудным голосом. Когда время его пребывания у микрофона превысило все разумные пределы, Гиббон на разные лады стал намекать разошедшемуся докладчику на «регламент», но помогало мало, и ветеран только еще больше «расходился». Мы с тоской смотрели на остальных ветеранов, которые тоже были не прочь что-нибудь нам рассказать, а пока нестройно призывали оратора «слезть с трибуны». Мероприятие грозило затянуться до немыслимых временных пределов.

Наконец Гиббон буквально за руку увел упирающегося ветерана с трибуны в президиум и сделал «ход конем», предоставив слово *Сидору Лютому*.

И Сидор не подвел. Он закатил грандиозную речугу о роли ветеранов в воспитании подрастающего поколения (т. е. нас).

Завершил свою речь Сидор блестящим ораторским приемом.

«Вас остается с каждым годом все меньше и меньше...»

Редеют ряды ветеранов! Смерть косит вас беспощадно. Вы тоже скоро все помрете!!! Но ваше дело – в наших надежных руках!!! И мы высоко понесем знамя, которое выпадет из ваших ладоней!!!» – тут Сидор замолчал, не понимая, почему на лицах ветеранов президиума написан неподдельный ужас, а вся аудитория весело смеется от его пророчества.

Больше желающих выступить среди ветеранов не нашлось.

Воспоминание о Сидоре невольно приводит к другой тесно связанной с ним теме. После выпуска (лет через 10) прошел слух, что Сидор уже в войсках оказался *«голубым»*...

Эта тема требует отдельного разговора. Дело в том, что во времена «мрачного тоталитаризма» этой проблеме не уделяли такого большого внимания как сейчас. И это, наверное, очень плохо...

Мне лично кажется, что единственное действительно достойное слово, которое сказал Никита Сергеевич Хрущев за все 10 лет своего правления – было его блестящее определение художников-авангардистов на знаменитой выставке в Манеже: *«Пидарасы!!!»*

Именно так мы и называли любителей содомского греха. Подобное же определение: «педерастия» было в статье УК РСФСР, и никто тогда не считал данное слово ругательством.

Откуда взялись в русском языке политкорректные *«голубые»* для их определения – загадка.

Почему для определения древнего хобби жителей Содома и Гоморры ныне избран этот красивый цвет???

Аристократы веками с гордостью говорили о том, что в их жилах течет *«голубая кровь»*. Мы часто пели известную песню Дольского с припевом:

*«Господа офицеры, голубые князья,
Я, конечно не первый, и последний не я...»*

И никому в голову не приходили ассоциации с педерастическим уклоном при этом.

В те годы, в армии во всяком случае, этот цвет для определения «сексменьшинств» был совершенно не популярен и не применялся. Помню, как в конце 80-х, когда я уже в Москве учился в академии, мне старый друг Рудольфыч сообщил, между прочим, что популярный кучерявый певец, скакавший тогда часами по телеэкранам – *«голубой»*. Я, совершенно не зная о таком новомодном определении *«пидарасов»*, подумал, что певец из бывших десантников, и выразил сомнение приятелю, что сей «попрыгун» вообще служил в армии.

Рудольфыч со смехом просветил меня в новом значении этого цвета.

В училище же мы вообще в массе своей считали, что данное отклонение существует на развращенном Западе и у нас в тюрьмах, среди уголовников. Такие мы были «моральные уроды», по нынешним понятиям.

Валера Самосвалов однажды вернулся из увольнения раньше срока и очень мрачный. После долгих расспросов он рассказал, что стряслось. К слову, он был небольшого роста, но штангист, и очень силен физически.

«В сортире Балтийского вокзала один придурок на меня уставился», – поведал Валера. «Потом он мне предложил такое...» – после чего Валера снова потрясенно замолк. (Он кстати, так никогда и не рассказал нам, что конкретно сказал ему туалетный гей-любитель).

«Ну я и йоднул ему разок так, что эта сволочь дверку сортирной кабинки проломил и на толчке успокоилась», – закончил рассказ о первом в жизни знакомстве с представителем гей-культуры Валера.

Мы тоже были немало потрясены наличием таких негодяев на свободе. Раздавались даже призывы отправиться в «самоход» на Балтийский вокзал, чтобы «замочить в сортире» недобитого Валерой извращенца. Такое было отношение к данному явлению.

Этой темой мы просто брезговали. Не было ни популярных ныне шуток, ни многочисленных анекдотов на «пидарастические» темы. Слишком назойливое ерничающее по этому вопросу вызывало неприятие и жесткую реакцию у нашей аудитории.

Сейчас когда своей «ГОЛУБИЗНОЙ» стало принято «kozyрять», телевизионный экран стал воистину «голубым», а попасть туда стало возможно в основном «через папу, или через попу» – это, наверное, кажется диким.

«Здравствуй, племя „голубое“, незнакомое!» – порой хочется повторить вслед за поэтом, глядя на экран «волшебного ящика». *«Здравствуй – и до свидания!»*.

«Новые песни придумала жизнь», и далеко не всегда мне эти песни по душе.

То ли дело – девушки!!! Отношение к прекрасному полу в военных училищах всегда было и будет особым. Девушек боготворят и ими любят, любую женщину от 15 до 70 лет строй всегда провожает обжигающими взглядами.

Танцы в училище – всегда праздник.

«Отчего обмелело Гореловское озеро?» – была у нас популярная шутка.

«Оттого, что все крокодилы ушли на танцы в училище!» – гласил ответ.

А где танцы – там и любовь и свадьбы.

Первым в дивизионе у нас женился Винни Пух (из Первой батареи), чуть ли не в сентябре, на первом курсе. Ему едва стукнуло 18. (Он действительно «смахивал» на Винни Пуха из мультика, такой же круглолицый, пухлый и задумчивый).

Как-то в выходной день на училищное КПП к нему приехала молодая жена, и Пух пригласил нас «на смотрины». Жена Пуха произвела на нас тяжкое впечатление. «Молодая» курила одну «беломорину» за другой, лихо сплевывала сквозь зубы, громко разговаривала боцманским баритоном и ржала на все КПП так, что окружающие вздрагивали. В довершение ко всему, она еще и изредка материлась, что тогда для приличных девушек (а не привокзальных шалав) было совершенно немислимым, в мужской компании во всяком случае. Внешне виннипуховая жена напоминала колхозную бригадиршу-орденоносца. Что в ней нашел Пух, чтобы связать себя узами Гименея, оставалось тайной. Как венец всего, на голове у пуховой супруги красовался меховой головной убор, замысловатого фасона. Друг Стёпа обычно именовал такие шапки коротко, но ёмко: *«Малахай старого киргиза!»*

Мы ничего не сказали Пуху, но по выражениям наших лиц он понял, что мадам нам «не глянулась».

Надо отдать Винни Пуху должное – первым он у нас женился, первым через месяц и развелся, что тоже было не так просто сделать.

До самого четвертого курса свадьбы были довольно редким явлением, и многие из нас были «девственниками» до самой свадьбы.

Степа вспоминал, что когда он женился (уже на 4-м курсе) и приехал из увольнения после брачной ночи в училище, человек 15 приятелей из его батареи подходили и спрашивали: *«Ну, как?!»*, заглядывая ему в глаза.

«Что мне было им отвечать?!» — злобно интересовался Степа.

Но были и исключения. Редкую активность на ниве семейной жизни проявил наш Миша Рудько. Он имел такую фигуру, что популярный впоследствии Шварценеггер мог бы повеситься от зависти. Упражнение на перекладине «подъем переворотом» нам требовалось на «отлично» исполнить 6 раз; Миша легко крутил эти перевороты по 150 – 200 раз без видимого напряжения.

Первый раз он женился на 2-м курсе по «залету» подруги. Едва та родила, как Миша нашел новую любовь, и его подруга №2 прибыла в училище с огромным пузом требовать развода с первой женой и новой женитьбы Миши на ней. Был неслабый скандал, т. к. первому ребенку не исполнилось и года, и закон запрещал развод. В конце концов все утряслось,

но на 4-м курсе на беседу к нашему замполиту Изюминке прибыла очередная беременная пассия Миши вместе с мамашей. Две представительницы прекрасной половины человечества закатали Изюминку с Мишей жуткую истерику, страдая их всевозможными карами за совращение девушки.

Тут Изюминка проявил незаурядный дипломатический талант. В разгар воплей и стенаний о невинно загубленной Мишей девичьей чести он вдруг обнаружил на кителе оторванную пуговицу и захотел ее немедленно пришить.

Изюминка долго вставлял в нитку иголку, это никак у него не получалось.

«Совсем я слепой стал, помогите, пожалуйста!» – попросил он мамашу Мишиной жены №3.

Та стала «тыкать» ниткой в ушко иголки, которую держал Изюминка, тоже ничего не выходило.

«Помоги хоть ты, голубушка, у тебя глаза молодые», – обратился он тогда к зареванной Мишиной подружке.

Та стала «тыкать» ниткой в ушко иголки, стараясь попасть в него, но Изюминка в последний момент незаметно отодвигал иголку в сторону.

«Вы же ушко отодвигаете!!!» – капризно заявила претендентка на Мишину руку и сердце.

«Так ведь без обоюдного желания и нитку в иголку не вставишь!!!» – хитро ответил ей Изюминка.

Это была, пожалуй, его самая мудрая мысль за все годы нашего знакомства.

Рассказ о наших ратных буднях будет неполным без упоминания о несении караульной службы. Караул в училище был большой, постов 8—9, и заступала в него целая группа во главе с командиром взвода. В нашем последнем карауле взводным был старший лейтенант Валера Сынулин, под чьим руководством мы и отправились выполнять боевую задачу.

Ввиду того, что мы уже заканчивали 3-й курс, и все были опытные воины, случилась небольшая «расслабуха». После завтрака и смены постов вся караулка во главе с Сынулиным завалилась спать. И тут, на свою беду, приперся нас проверять дежурный по училищу – начальник физподготовки подполковник Бадюля. (Это у него такая фамилия была, легко рифмовавшаяся с неприличным словом).

(Вообще-то необычных фамилий у нас было – хоть отбавляй. Кроме уже упоминавшихся *Лысого, Кучерявого и Плоскоголового*, можно вспомнить курсантов *Жмань, Ерей* (кличку даже угадывать не надо), *Носочкова, Семикозлова, Чоботова и Хоботова*, в хилевском взводе была небольшая эскадра в составе *«Крейсера «Стогул»* и *«Канонерской лодки «Корейко»*, ну а бесспорным лидером среди оригинальных ФИО значился курсант *Цибикдоржиев Дашу-Нема Догбаевич*. Его, для простоты, звали Цибиком, а сам себя он именовал Димой).

Однако я отвлекся от темы, вернемся к описываемым событиям.

Прибывший с проверкой Бадюля был удивлен тем, что на 2-м посту (склады у караулки) никого не было, и он беспрепятственно дошел почти до входа. Тут его внимание привлек какой-то караульный, который носился по полянке у складов с карабином наперевес и пытался заколоть штыком прыгающего перед ним суслика. Это был, конечно же, Артуша. Ему не спалось, и он вышел «на охоту» за сусликом, нору которого приметил с вечера. Увлеченный охотничьим азартом Артуша оглашал окрестности индейскими боевыми воплями и русскими комментариями шустрости суслика, в которого он никак не мог угодить штыком.

Бадюля принял Артушу за часового и принялся призывать его к порядку. Артуша понял, что опять «залетел», и сник, угрюмо глядя на Бадюлю.

«Стой, стрелять буду!!!» – вдруг раздался грозный уставной окрик, Бадюля обернулся и увидел наведенный ему в лоб ствол карабина. Это проснулся настоящий часовой Вова Коло-

сов, который прикорнул за складом. Он очнулся от воплей Бадюли и спросонья перепутал уставные команды.

На счастье Бадюли из караулки выскочил заспанный Валера Сынулин и успокоил Вову, который смотрел на Бадюлю взглядом знаменитого пограничника Карацупы и, с испугу, мог действительно стрельнуть.

Взбешенный Бадюля проследовал за Сынулиным в караулку, и там состоялся их знаменитый диалог.

Бадюля пообещал Сынулину, что немедленно доложит о вскрытых в карауле безобразиях Делегату, и потребовал постовую ведомость, чтобы записать эти неслыханные нарушения.

Валера, сохраняя ледяное спокойствие, парировал Бадюлин наскок, заявив ему, что он в таком случае САМ доложит Делегату, что Бадюля ночью караул не проверял, хотя это была его обязанность, а запись о проверке сделал утром, когда ему Валера принес в дежурку ведомость (что и было в реальности).

«Это не партийный подход!» – заявил Бадюля, пораженный такой наглостью.

«А меня это – не (и тут Валера применил короткий русский глагол, который переводчики в американских фильмах ныне заменяют унылым выражением «заниматься любовью»)!!!!

На этот аргумент Бадюля не нашелся, что ответить, и бесславно покинул караулку.

Нечего и говорить, что акции Валеры в наших глазах после этого подвига резко пошли вверх, а Бадюля стал злейшим врагом нашей группы.

В другом случае активность и принципиальность дежурного по училищу едва не привела к трагедии.

На кафедре военной топографии служил полковник Блинов. Из бывших моряков, попавший в ЗРВ по хрущевскому сокращению флота (таких офицеров у нас было, кстати, немало), он ничем особенно не выделялся до поры до времени...

В одну прекрасную ленинградскую белую летнюю ночь Блинов, будучи дежурным по училищу, отправился проверять караул, в котором стояли курсанты младшего курса.

У нас имелся удаленный пост на полигоне, до которого надо было идти километра 2 по дороге через военный городок летчиков гореловского аэродрома. Там же квартировали и стройбатовцы.

И вот, Блинова черт дернул отправиться поверять смену этого отдаленного поста. Взяв с собой сержанта разводящего и пару караульных, он следовал через ночной городок.

Навстречу им попалась группа пьяных солдат – стройбатовцев в ночной самоволке. Разумеется, никакой «чести» они не отдали.

Другой бы промолчал, но в Блинове разыгралась морская выучка, и он сделал замечание самому здоровому и наглому строителю, после чего был тут же грубо «послан» под хохоток остальной стайки самовольщиков.

Далее события развивались стремительно.

«Взять его!!!!» – приказывает оскорбленный в лучших чувствах Блинов сержанту – разводящему.

Тот, глупо улыбаясь, подходит к громиле – стройбатовцу и говорит ему: «Ну, пойдём!», – после чего получает от того ослепительный удар в доброе лицо.

Стройбатовцы бросаются врассыпную, но сержант, не говоря больше худого слова, сдергивает с плеча карабин и открывает огонь по улепетывающему громиле. Ведет интенсивную стрельбу: сначала стоя, а потом и с колена. Стройбатовец, услышав свист пуль над ушами, стал делать удивительные по мощи и разнообразию прыжки в разных направлениях, не давая сержанту как следует прицелиться.

После пятого выстрела, поняв, что его дело – швах, громиле без всякого разбега перепрыгнул 3-х метровый забор и скрылся из сектора стрельбы!!!

Сержант выпустил по нему еще три пули «влет», после чего встал с колена, хряпнул прикладом карабина об асфальт и с досадой выкрикнул:

«Эх, ушел!!!».

Чувствовалось, что если бы не уникальный прыжок, он бы все же уложил громилу наповал.

Блинов на протяжении всего короткого инцидента стоял, как громом пораженный, утратив дар речи.

Наутро построили все училище, и Делегат с Гиббоном долго и занудно вещали нам о ценности человеческой жизни. (Тогда еще никому и в голову не могло прийти, что через десяток лет безо всякой мировой войны человеческая жизнь на территории многих регионов страны будет стоить копейку и даже меньше...)

Блинова навечно отстранили от несения службы дежурным по училищу. Громила – стройбатовец остался невредим и отделался нервным срывом.

«Несение караульной службы – есть выполнение боевой задачи!» УГ и КС.

Извилины стираются

*«Извилины – стираются,
Что учишь – забывается,
Когда шагаешь шагом строевым...»*

Из популярной училищной песенки

Нас учили прекрасные преподаватели, многие из которых были настоящими специалистами, энтузиастами и мастерами своего дела.

В этих строчках речь пойдет о тех из них, кто выделялся чем-то неординарным и оставил в памяти веселые воспоминания о себе.

Учиться надо хорошо, но без фанатизма. Эту известную истину исповедовало большинство курсантов

«На хер нужен лишний балл, лишь бы отпуск не пропал!» – была популярной в нашей среде поговоркой.

«Лучше иметь красную розу и „синий“ диплом, чем синюю розу и „красный“ диплом!» – лучшим наглядным подтверждением справедливости этой истины являлась для нас красная роза и цветущий вид Жоры.

Вред слишком добросовестного отношения к учебе продемонстрировала история, приключившаяся с Мишей Гладким. (Это, кстати, была не кличка, а его реальная фамилия).

Делегат, заступив на должность начальника училища, стал в своих речах регулярно пугать нас введением практики написания курсовых работ.

Года полтора это было на уровне разговоров и благих пожеланий о важности данного мероприятия для нашего идейного роста. Никто ничего не писал.

Но Делегат, в итоге, прибегнул к наиболее эффективному способу убеждения, заявив, что те, кто не напишет курсовую – не поедут в отпуск.

И работа закипела. Нашлись руководители, темы, и все: кто лучше, а кто хуже – написали и стали «защищать» и «сдавать» свои курсовые.

В первой батарее уже 3 года учился Миша Гладкий. Тихий, спокойный и незаметный курсант – ленинградец. Его отец был военным моряком и часто «плавал». Как-то в отпуске, у Миши дома, мы организовали неслабый журфикс, в ходе которого Юра Юшин воткнул офицерский кортик Мишиного бати в его же полированный стол так, что его потом еле вытащили.

Так вот, Миша прибыл на училищную почту и вручил теткам – почтальоншам запечатанный увесистый пакет, на котором каллиграфическим почерком было написано: *«Москва. Кремль. Леониду Ильичу Брежневу»*.

На вопрос тёток о содержимом пакета Миша сообщил им, что это не их дело и строго потребовал отправить пакет как можно скорее. После чего убыл с почтового отделения.

Тетки, видимо, проинструктированные о порядке действий в нестандартных ситуациях, пакет «тормознули» и доложили руководству. Вскоре весть о том, что курсант 1-го дивизиона М. Гладкий отправляет пакет самому Брежневу, доложили Делегату, повергнув его в немалую панику.

Делегат тут же дал команду Комдивке немедленно представить ему Мишу пред светлые очи. Удивленный Комдивка передал срочную команду комбату-1 Паштету, а тот отправил дневального в класс самоподготовки, где и занималась Мишина группа, за Гладким.

Тут и выяснилось, что Миши на самоподготовке нет, т. к. он «отпросился в кафе» у замкомвзвода, что вообще-то запрещалось делать в часы самоподготовки. Эта печальная информация «по цепочке» дошла до Делегата, вызвав его нешуточный гнев и «наезд» на Комдивку с требованием **НЕМЕДЛЕННО** найти Гладкого и доставить в делегатский кабинет **ЛИЧНО**.

Оплодотворенный Делегатом, Комдивка всерьёз «вздрычил» Паштета, и штаб поисков Гладкого заработал со страшной силой.

Первым делом «строгача» получил замкомвзвода, отпустивший Мишу в кафе.

Потом были направлены посыльные в кафе, учебные корпуса, столовую и даже на КПП, на всякий случай. Гладкого не было нигде!

Тем временем Делегат затребовал с почты Мишину бандероль и вскрыл ее самолично. В ней находились 2 «толстые», 96 страничные тетради, исписанные аккуратным почерком Гладкого. Это была его курсовая работа. Она была посвящена практике построения... коммунизма в СССР. *По содержанию труда выходило, что если строго следовать указаниям Миши, то коммунизм в нашей многострадальной стране можно было построить ровно за 2 недели!!!*

Работа была переполнена ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма, теоретическими выкладками и формулами типа *«Маркс + Энгельс + Гладкий + энтузиазм масс = коммунизм»*. Делегат, бегло пролистав труды Гладкого, все понял. Он позвонил Комдивке и поинтересовался ходом поисков.

Узнав, что Миша «пока не найден, но вот-вот найдем», сообщил Комдивке: *«Твой Гладкий, похоже, свихнулся. Какую-то ахинею Брежневу послать решил. Срочно ищи его, бери курсантов поздоровей и тащи в санчасть, надо его в психбольницу Скворцова – Степанова везти».*

Комдивка организовал прочесывание территории училища всеми наличными силами, но безуспешно. Миша как сквозь землю провалился. Ситуация накалялась до предела...

Тем временем в приемной Делегата скромно сидел курсант Гладкий. Он хотел ознакомить начальника училища со вторым экземпляром своей бессмертной курсовой работы. Дежурный его не пускал, т. к. «начальник училища сейчас очень занят». Миша терпеливо ждал в приемной, где вообще-то курсанты были редкими гостями.

Наконец Делегат, раздраженный долгими поисками Миши, вышел из кабинета и увидел в приемной незнакомого курсанта.

«Вы что тут делаете?» – строго поинтересовался он у посетителя.

«Курсант Гладкий. Разрешите обратиться?» – вежливо ответил Миша.

Радости Делегата не было предела: *«Миша!!! Заходи в кабинет, скорее, жду тебя!».*

Краткая беседа с Мишей еще раз убедила Делегата, что его первоначальный диагноз верен. Но как в глаза сказать человеку, что у него «не все дома», да и реакция может быть непредсказуемой...

«Вот что, Миша. Курсовая у тебя отличная, надо ее показать начальнику кафедры философии полковнику Наздрачеву. Иди, а я ему позвоню».

Обрадованный Миша отправился в первый корпус на кафедру философии, а Делегат дал команду Комдивке лично возглавить операцию по обезвреживанию спятившего Гладкого, на кафедре марксистко-ленинской философии.

Миша пришел в учебный корпус и выдернул Наздрачева прямо с заседания кафедры, безапелляционно заявив, что прибыл по личному поручению Делегата.

Пока два «философа», уединившись в кабинете, приступили к ознакомлению с Мишиными открытиями, на кафедру примчались Комдивка, Паштет и несколько курсантов для того, чтобы «повязать» Мишу в случае его сопротивления. С ними был и начальник медчасти училища подполковник Конников.

Комдивка быстро выяснил, где скрылись Гладкий с начальником кафедры, и вызвал главного философа в коридор: *«Товарищ полковник, не слушайте Вы его, он свихнулся!»*, – сообщил Наздрачеву начмед.

«А-а-а... Я-то и смотрю, что он мне все херню какую-то про коммунизм порет!», – просветлел лицом Наздрачев и пригласил Мишу выйти в коридор.

Конников, пристально глядя в Мишины глаза, сообщил ему: *«Миша, у меня есть знакомый специалист. Доктор наук, как раз по теме твоей курсовой работы».*

«А когда я могу его увидеть?» – поинтересовался Миша.

«Да прямо сейчас!»

Обрадованный Гладкий спокойно прошел в поданную к учебному корпусу санитарную машину и убыл к обещанному доктору наук.

Больше он с нами не учился.

В день выпуска кто-то из зорких новоиспеченных лейтенантов разглядел в толпе гостей Мишу.

«Гладкий!!! Гладкий приехал!!!» – разнеслось в строю. Это была сенсация. Действительно, Миша скромно стоял среди многочисленных гостей и тихо улыбался.

После торжественного прохождения в конце церемонии любопытствующие бросились к Мише. Выяснилось, что он перешел в ЛГУ и учится на одном из университетских факультетов.

«Миша, ну а как там в дурдоме-то было?!» – задал кто-то из смельчаков интересовавший всех вопрос.

«Там столько людей... и у каждого – своя теория!!!» – задумчиво выдал нам Гладкий.

Среди плеяды ярчайших представителей профессорско-преподавательского состава особо выделялся старший преподаватель истории войн и военного искусства полковник Вавилов. Это был уникальный кадр. Наше счастье, что по его предмету надо было сдать всего лишь зачет без оценки!

С первого раза его не сдавал практически никто. Сдача с третьей-четвертой попытки была за счастье. 7—8 раз – нормой. Отдельные «счастливчики» сдавали этот несчастный зачет по 20—30 раз. Страшно подумать, что было бы, принимай он зачет с оценкой или экзамен!!!

Вавилов был строг на своих занятиях и не прощал попыток сна в ходе лекций. Наш Гоша Ищенко попался с этим и сдавал зачет Вавилову раз сорок. В конце концов у них состоялся памятный диалог:

«Хорошо, тов. курсант, ничего вы по предмету не знаете. Скажите мне, что за день 7 Ноября, и я поставлю вам зачет!» – предложил Вавилов «сделку» Гоше, видимо, тоже устав от его исторических изысков.

«Победа!» – угрюмо молвил деморализованный бесконечными незачетами Гоша.

«Какая победа?!» – спросил Вавилов с искренним недоумением. *«Кого?! Над кем?!»*

«Народа!!!» – мрачно выдавил из себя Гоша и прекратил отвечать на другие его вопросы.

У Вавилова был помощник. Прапорщик Швец был у него в роли киномеханика и крутил нам отрывки из различных кинофильмов в ходе вавиловских лекций.

Этот Швец и рассекретил историю танца Вавилова с прекрасной дамой.

Ко всем прочим своим достоинствам, Вавилов был холостяк и не прочь приударить за представительницами прекрасного пола на разных училищных танцах и праздниках. В ходе какой-то вечеринки захмелевший Вавилов пригласил пришедшую незнакомку потанцевать и вел с ней светскую беседу.

Дамочка была моложе его и решила «отшить» староватого и лысоватого полковника.

«А какое у вас звание?» – поинтересовалась мадам у Вавилова в ходе танца.

«Старший лейтенант!» – вальяжно пошутил Вавилов, надеясь, что такое звание сделает его моложе в глазах незнакомки.

«У моего дедуся – такие же погоны, но он полковник!» – заметила партнерша Вавилову, с некоторым намеком на его возраст.

Звучали последние аккорды музыки, тут Вавилов нанес ей «ответный удар»:

«В отличие от вашего дедуся – я ещё ебуса!!!» – и покинул потрясенную даму.

Очень необычным преподавателем был специалист по защите от ОМП подполковник Келлер. Он носил очки в золотой оправе и имел классический внешний вид какого-нибудь штурмбаннфюрера СС в советских фильмах военных лет. Мы звали его *«Папаша Келлер»*.

Любимой темой папаша Келлера в ходе лекций и практических занятий были ... яйца. Дежурной шуткой служил вопрос: *«Для чего в сторону ядерного взрыва надо ложиться ногами?»*

Ответ был прост и незамысловат: *«Чтобы видно было, куда яйца полетят!»*

Ходила хохмочка, что когда папаше Келлеру присвоили звание полковника, между ним и его супругой состоялся такой диалог:

«Ну, жена, мне наконец-то „полковника“ дали!»

«Лучше бы тебе дали капитанские яйца!!!» – достойно ответила ему дражайшая половина.

Очень уважаемым человеком был преподаватель советского военного законодательства майор Татаркин. Мы все его искренне любили за душевность и мягкий характер. Он имел

кличку *Татар Майоркин* и оставался им, даже став полковником. У Татара Майоркина была одна слабость. Он сам был из суворовцев («кадетов», как мы их называли) и требовал, чтобы знак об окончании суворовского училища у кадетов был начищен до ослепительного блеска. Если кто-то из них рисковал попасться ему на глаза с потемневшим знаком, то всерьёз расстраивал добрейшего Татара Майоркина.

Ещё одна курсантская легенда хорошо характеризует наше отношение к Татару Майоркину.

Шёл он как-то на Балтийском вокзале вечером к «гореловской» электричке. Уже имея звание полковника. Однако был крепко выпивши, и поэтому следовал в расстёгнутой шинели, папахе набекрень и держа руки в карманах, пребывая при этом в прекраснейшем настроении. За ним шёл подполковник, начальник комендантского патруля с двумя лейтенантами – патрульными. Начальник патруля периодически обращается к Майоркину: «Товарищ полковник! Остановитесь! Предъявите документы!»

Майоркин следует своим курсом, не обращая на это ни малейшего внимания.

Сзади за ними идёт стайка курсантов, следящих за развитием событий и готовых, при необходимости, вмешаться на стороне Татаркина в назревающий конфликт. Однако Татаркин и сам великолепно «разруливает» ситуацию.

Перед самой электричкой он резко оборачивается к начальнику патруля и строго говорит тому совершенно трезвым голосом: «*Товарищ подполковник! Обратитесь, как положено к старшему по званию!!!*»

Ошарашенный этой метаморфозой, начальник патруля говорит то, что положено: «*Товарищ полковник! Разрешите обратиться?*»

«*Не разрешаю!!!*» – блестяще завершает разговор Татар Майоркин и входит в вагон электрички под восторженный смех курсантов.

Немая сцена в исполнении комендантского патруля.

Отдельного рассказа заслуживает преподаватель исторического материализма капитан Ершов.

Он был маленького роста, совершенно сед и обладал лысиной грандиозных размеров, которая была видна даже из-под фуражки. Внешне он выглядел, несмотря на довольно «молодое» звание, лет на 60.

Если бы его поставить рядом с капитаном Жорой, то Ершов годился ему даже не в отцы, а в дедушки.

Почтенный возраст Ершова подчеркивало то обстоятельство, что заступая помощником дежурного по училищу, он подавал команды по Уставу 1947 года: «Для встречи справа, *СЛУШАЙ* на кра – УЛ!!!», чем немало нас веселил.

Это ершовское «*СЛУШАЙ*» отменил еще Устав, утвержденный в 1961 году.

Кроме этого, Ершов не выговаривал шипящие и свистящие звуки, а самое главное – совершенно не мог сказать звук «Э» в начале слова, у него всегда получалось «Е». (Думаю, что виной тому была его фамилия, начинавшая на «Е»).

Единственное слово, начинавшееся с «Э», которое он каким-то чудом говорил правильно – была фамилия классика: «Энгельс». Со всеми остальными – была беда. Как на грех, в его науке таких слов было изобилие, и он изрядно «доставал» нас своими: «Экономическая Эпоха», «Экономика», «Элита» и тому подобными словечками. С «*элитой*» был забавный случай. Ершов, читая свою лекцию «споткнулся» на этом слове и оторвался от текста.

«*А знаете ли вы, что обозначает слово „элита“?*» – поинтересовался он у аудитории. Мы заинтригованно молчали.

«*Элита – это сорт коров!*» – порадовал нас Ершов своей эрудицией.

При этом на груди героя гордо висел знак об окончании академии, а не какой-то паршивый «бычий глаз» «вечного узника»...

В нашей среде жила легенда, как Ершов умудрился попасть в академию, будучи в таких «преклонных» годах.

Служил он, дескать, долгие годы на каких-то отдаленных северных островах. Нажил немало добра. Пришел срок, прилетела к нему на остров высокая комиссия, а ему подошло время «замены» на материк. Загрузили в транспортный самолет все ершовское добро, нажитое за долгие северные годы, самого Ершова с семьей и всю комиссию, с генералами во главе.

Взлетел самолет, и полетели они на материк.

И забарахлили моторы у самолета, и стал он терять высоту над студенными водами. Подошел командир экипажа к генералам комиссионным, пошептался с ними о чем-то, и – полетело все ершовское барахло в Северный Ледовитый Океан.

Облегченный самолет дотянул до берега, а главный генерал сказал Ершову: *«Чего нюни распустил, капитан?! Хрен с ним, с барахлом твоим, главное – долетели! А чтобы ты не очень убивался – в академию тебя определим!»*

Так и поступил будущий знаток истмата в академию...

Однажды в один день Ершов сменил три воинских звания сразу. Утром – пришел на службу капитаном. А тут и сообщили, что Главком присвоил ему долгожданное звание «майор». Обрадовался Ершов, срочно собственноручно пришил к своему кителю заветные майорские погоны и долго любовался собой перед зеркалом в преподавательской, веселя товарищей своей сияющей физиономией.

А вот перед обедом была назначена сдача нормативов по бегу для офицеров – преподавателей училища.

Наш строй, который Саша Керогаз вёл с занятий на обед, обогнала группа преподавателей, бежавших кросс 1 километр. Все они были в полевой форме и с номерами на груди.

Среди бегущих особо выделялся Ершов. Он бежал с мертвенно-бледным лицом, жутко выпученными глазами и с погонами... старшего лейтенанта. Видимо, на полевой форме погоны он не перешивал с незапамятных времён, и так и вышел «старлеем» на старт.

Мы подбодрили Ершова на дистанции свистом и криками...

Рассказ о наших ученых будет неполным, если не вспомнить, хотя бы вкратце, еще несколько легендарных имен.

Спецкурс-4 нам читал майор Безниско. Маленький, толстый, с вечно опухшей физиономией, он был похож на хомяка. Мы звали его *«Толстый Бизнес»*. Бизнес читал свои лекции зимой, в теплом классе, и умел тихим монотонным голосом усыпить всю аудиторию в самом прямом смысле этого слова. Причем в считанные минуты. Его занятия мы любили, даже была присказка: *«ну ничего, на лекции Толстого Бизнеса отосплюсь»*.

Это вышло боком на экзамене. Во-первых, ни у кого в группе не оказалось лекций, так как все попытки записывать за Бизнесом приводили к засыпанию и каракулям вместо конспекта. Ну и Толстый Бизнес дал на экзамене «прикурить» всем нашим отличникам! Мало не показалось.

Устройство ракеты зенитного ракетного комплекса «Нева» читал нам подполковник Иванов. Небольшого роста, сухощавый, желчный мужичок, он всегда был строг и придиричив к нам. Курсанты его недолюбливали и побаивались за специфику характера. Он получил кличку: *«Силуэт»*, и после полковника Пишкина это был один из самых въедливых и придиричивых дежурных по училищу.

Однако свои занятия Силуэт вёл интересно, умело применяя различные мнемо-приёмы для закрепления в нашей памяти сложных технических терминов.

«Вот здесь расположены серводвигатели рулей ракеты. Обратите внимание, товарищи курсанты, не „стерводвигатели“, а СЕРВОДВИГАТЕЛИ, прошу на экзамене не путать!!!».

После этого образного примера этот термин намертво запоминали самые безнадёжные двоечники.

«У ракеты имеются следующие датчики: ПВД (приёмник воздушного давления) и ПСД (он всегда особо выделял это голосом: „Пэ-Эс-Дэ!!!“), приёмник статического давления. Почему все курсанты помнят про ПСД и начисто забывают ПВД?!»

Благодаря такому творческому подходу Силуэта его ракету все мы знали очень неплохо

ТСП вел подполковник Буслейкин, которого мы прозвали «Гусейн Гуслия», как персонажа повести о Ходже Насреддине.

Он умудрился поссориться с нашей группой в целом и Шурой Керогазом лично накануне своего зачета.

У нас и раньше не складывались с ним отношения. Накануне зачета мы готовились к нему в классе Гусейна Гусли, изучая всякие киноаппараты, магнитофоны, радиоприемники и фотопринадлежности.

Гусейн где-то болтался и появился перед самым окончанием самоподготовки. Он был не в духе и начал придирчиво проверять наличие многочисленных фотоаппаратов и прочего инвентарного барахла.

Внезапно Гусейн объявил, что не хватает какого-то дорогого фотоаппарата и в истеричной форме потребовал его «немедленно вернуть».

Шура Керогаз довольно презрительно сообщил Гусейну, что *«у нас воровать не принято»* и *«за 3 года в казарме куска мыла никто чужого не взял, не то что паршивый фотоаппарат»*.

Гусейн тут же «взвился» и объявил, что *«никто из класса не выйдет, пока мы не вернем фотоаппарат»*, что вызвало наш смех и подначки в адрес Гусейна. Через полчаса веселого ожидания Керогаз сказал Гусейну, что группе пора на ужин и *«если мы опоздаем – будет большой скандал, виноват в котором окажется Гусейн Гуслия!»*

Гуслия понял, что действительно, будет фиаско с этим его начинанием. Тогда он потребовал личной проверки наших командирских сумок на отсутствие в них несчастного фотоаппарата. Керогаз тоже «завелся» и заявил Гусейну, что не может приказать нам это сделать, и мы можем только добровольно показать свои сумки Гусейну. Мы это и сделали с соответствующими комментариями в адрес заглядывавшего в сумки Гусейна и советами ему искать *«тщательнЕе»*.

Нечего и говорить, что его поиски ни к чему не привели, и раздосадованный Гуслия в запале объявил, что *«пока мы фотоаппарат не вернем, никто зачета не получит!»*

Наутро Керогаз привел группу «на зачет» к учебному корпусу и распустил нас. Мы уселись на траву и принялись за «перекур», невзирая ни на какие звонки.

Минут через 5 на улицу выскочил злобный Гусейн Гуслия и строго поинтересовался у Керогаза, *«почему группа не представлена к сдаче зачета?»*

Шура спокойно ответил ему, что поскольку фотоаппарат не найден, то и на зачет ходить незачем, все равно *«никто его не получит!»*

Гуслия оказался «в нокдауне» и унесся обратно в учебный корпус. Мы продолжали мирно покуривать, лежа на травке.

Через 20 минут вышел начальник кафедры ППР полковник Александров, которого мы очень уважали за ум и доброжелательное к нам отношение. Он был в сопровождении поникшего Гусейна Гуслии.

Выслушав рассказ Керогаза, Александров *извинился* за своего преподавателя и *попросил* Шуру отправить группу на зачет, сказав, что *он гарантирует, что все зачет получат*. На Гусейна в эту минуту нам было жалко даже смотреть.

Все зачет получили, как и обещал Александров. Даже те, кто совсем ничего не говорил деморализованному Гусейну.

Да, фотоаппарат, как выяснилось, Гусейн накануне сам запер в свой сейф и забыл об этом.

Кафедру ППР (партийно-политической работы) преподаватели других дисциплин именовали в шутку «кладбищем слонов» за большое число служивших на ней снятых с должности бывших начальников политотделов...

Серьёзным предметом была история КПСС. Требовалось знать множество работ классиков марксизма-ленинизма, а главное – повестки дня и решения многочисленных съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Это было совсем непросто. Но был один вопрос, ответ на который знали самые отпетые «двоечники» и самые далёкие от истории нашей партии курсанты.

Вопрос этот был про знаменитую группу «Освобождение труда». Созданная Г. В. Плехановым в Петербурге в конце далёкого 19 века, она ничем особым себя не прославила, за исключением своего персонального состава. Его знали абсолютно, поголовно все курсанты и могли легко перечислить его хоть днём, хоть разбуженные среди ночи:

Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод!!!

Именно в таком порядке их и перечисляли на экзаменах и семинарах торжествующие знатоки истории. Ошибки никогда не было и быть не могло!

Не знаю уж, злобные агенты царской охранки придумали сей коварный мнемоприём, или уже после революции, в стране победившего социализма нашелся острослов, но вся эта группа просто «отскакивала» от наших зубов. Перепутать, забыть могли кого угодно от Троцкого до Хрущёва с Брежневым, но только не «плехановцев». С ними – никогда не было ошибок и сбоев в ответах!!!

Замечательный случай произошел на семинаре по военной психологии. Мы изучали проблемы казарменного хулиганства (в те времена это явление еще не додумались назвать «неуставными отношениями»). Неожиданно, перед семинаром, Ефрейтор Юрьев вызвался стать докладчиком по теме, чем немало нас поразил. Обычно он не очень любил проявлять активность в учёбе, а тут – на тебе, доброволец! Впрочем, резон у него был, т. к. Юрьев был старше нас по возрасту, он поступил в училище, отслужив 2 года в армии и уволившись в запас, уже с «гражданки». Соответственно, и тему всяких армейских безобразий он знал лучше всех нас.

Ефрейтор выступил блестяще. Глубокое знание предмета позволило ему детально ознакомить нас с психологическими особенностями жизни воинов всех периодов службы.

Особенно ярко он клеймил «дедушек»: «*И тогда, после выхода приказа Министра обороны, они начинают заявлять так: «Дембель в маЮ – всё...»* – тут Юрьев слегка запнулся, поглядел на преподавателя и смущённо закончил: «*нипочём!*». Мы, успев мысленно срифмовать поговорку, ему даже поаплодировали.

Эта фраза стала своеобразной визитной карточкой Олега, на все 4 года учёбы.

Одним из самых запоминающихся экзаменов была литература. Курс русской, советской и зарубежной литературы в училище читали несколько женщин бальзаковского возраста. Все они, как на подбор, были холостячками, все курили в ходе своих лекций (что было очень

необычным для женского поведения тогда вообще, а уж на занятиях – в частности), и все были влюблены в свой предмет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.